

Элайн Мексли

Вивiana Наперекор судьбе

Элайн Нексли

Вивiana. Наперекор судьбе

«Издательские решения»

Нексли Э.

Вивиана. Наперекор судьбе / Э. Нексли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745674-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Англия, XVI век. Вивиана Бломфилд, ставшая свидетельницей страшных убийств, начинает расследование и понимает, что в этих делах замешано черное колдовство. Следующая жертва ведьмы — сама Вивиана. Чтобы уничтожить колдунью, девушка, против законов и правил, отправляется в Египет, дабы найти великую реликвию. Красавицу ждут впереди опасные приключения, смерть, ходившая по пятам, страсть к восточному принцу, колорит восточного гарема. Но любовь к прекрасному арабу может стать ее гибелью...

ISBN 978-5-44-745674-0

© Нексли Э.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	45
Глава 6	59
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вивиана. Наперекор судьбе

Элайн Нексли

© Элайн Нексли, 2016

ISBN 978-5-4474-5674-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Англия, Лондон, 3 января 1521 года.

Изысканная, роскошная карета, запряженная двойкой быстрых лошадей, миновала Вестминстер, направляясь к заснеженному, отдаленному порту. Кевен устало вздохнула, положив голову на плечо спавшего мужа. От постоянной тряски ее тошнило, все тело, словно закаменило. Эта изнурительная поездка окончательно пошатнула и так слабое здоровье женщины, недавно пережившей очередной выкидыш. Миссис Бломфилд с горечью признала, что это Рождество выдалось самым ужасным в ее жизни, ведь именно в Сочельник несчастная ощутила неприятную боль внизу живота, а уже на утро проснулась, встретившись со страшной правдой: ее малыша больше нет на этом свете.

Графиня провела рукой, затянутой в белоснежную перчатку, по запотевшему стеклу, пытаясь впустить в свой израненный разум восторг от этого прекрасного, зимнего пейзажа. Внезапно женщина ощутила какое-то странное, томящее чувство в сердце, а уже через миг ее взгляд самопроизвольно заскользил по какому-то свитку, лежавшему на берегу Темзы. Кевен лишь усмехнулась, поняв, что это просто грудa старых покрывал, но под ними что-то зашевелилось.... Вздвогнув, как от удара молнии, англичанка резко воскликнула: – Останови карету! – перепуганный кучер сразу же натянул поводья, а граф, разбуженный криком жены, недовольно открыл глаза. Выбежав из берлины, Кевен бросилась к берегу, дрожащими руками откинув грязные ткани. Женщина опешила: на нее взирали невинные, широко распахнутые детские глазки. Это была девочка, маленькая, хрупкая девочка лет шести, окоченевшая от холода, испуганная и замерзшая. Малышка протянула к неизвестной даме свои тоненькие ручки, но через секунды провалилась в глубокую, темную бездну. Кевен несколько секунд сидела на ледяном снегу, всматриваясь в побелевшее лицо девочки. Тяжело дыша, графиня прижала к себе почти невесомое тельце, ощущая слабое, едва различимое биение детского сердечка. Если она сейчас не поможет ребенку, он просто умрет. Кевен с трудом подняла живую ношу, направляясь к карете, но внезапно воскликнула, ощутив на своих плечах ладони графа. Нишкон, грубо вперив в супругу злобный взгляд, пробурчал: – Что у тебя в руках? Кто она?

– Это девочка, крохотная, замерзшая малышка. Мы должны спасти ее. Умоляю, не заставляй меня оставлять крошечку на берегу этой проклятой реки. Мы обязаны помочь ей.

– Ты совсем с ума сошла?! Это неизвестный, чужой для тебя и для меня, ребенок, возможно, заразный. У девчонки, я уверен, есть родители, и если они пожелали дочь оставить здесь....

– Что ты такое говоришь? – воскликнула графиня, еще сильнее прижимая к себе бессознательную малышку: – Никто не имеет права отбирать жизнь у ребенка. Сам Господь пожелал преподнести нам этот подарок. Все эти года я покорно слушалась тебя, была лишь тенью в поместье, но ради жизни этой девочки я готова на все. Хочешь ты, или нет, я заберу кроху в замок, где ей обеспечат должный уход и заботу.

Всевышний уже трижды забирал у меня детей: Женевьева и два тех несчастных младенцев, что еще даже не успели увидеть солнечный свет. Четвертый раз я такого не переживу: эта девочка станет моей дочерью, – с этими словами Кевен проследовала к карете, бросив на недовольного супруга дерзкий, непокорный взгляд.

Глава 1

Понтипридд, Уэльс, графство Бломфилд, 1524 год.

Я мчалась по коридорам, сметая все на своем пути. Радостные крики вырывались из моих уст: – Папа приехал! Папа приехал!

Я слышала, несмотря на свой быстрый бег, тяжелые шаги моей гувернантки Амелии и ее упрёки: – Леди Вивиана! Вивиана Бломфилд, остановитесь! Дочери графа не подобает так себя вести! Стойте, ради Бога! Ваша матушка очень разгневается, если узнает о таком легкомысленном поведении младшей дочери! Стойте, Вам говорят.

Но я не обращала внимания на ее озабоченные речи. Мой десятилетний ум не понимал, почему дочь не может бежать на встречу со своим отцом, которого она не видела больше года. Сметая перепуганных служанок, я выбежала во внутренний дворик, где стоял папа. С радостным визгом я бросилась ему в объятия. Граф радостно подхватил меня, прошептав:

– Вивиана, моя доченька, как я соскучился по тебе!

Сзади пыхла уставшая, от бега за мной, Амелия: – Простите, ваша светлость, я не успела ее догнать.

Граф Нишкон, глава нашей семьи, поднял руку, призывая гувернантку к молчанию:

– Благодарю вас, Амелия, вы ни на шаг не отходите от моей драгоценной дочурки, – папа радостно засмеялся, жестом приказывая женщину уйти. По нашему замку ходили слухи, что граф и Амелия были любовниками. И не удивительно, что такая пышногрудая, светловолосая дама не заинтриговала моего любвеобильного отца. Мама очень ревновала графа, но из-за уважения молчала. Я нередко слышала, как она рыдает в своих пустынных покоях, еще помнивших стенания и вопли. После смерти моего старшего брата, графиня окончательно замкнулась в себе. Она очень любила сына и надеялась, что именно Андрео унаследует все земли отца. Но мой любимый братик умер три года назад, от чумы.

Я потерялась о шершавую щеку отца: – Папочка, почему ты так молчалив?

Улыбка исчезла с губ графа. В его глазах царил скрытая грусть, которую я раньше не замечала. Из-за всех государственных проблем, выпавших на долю дома Бломфилд, мой отец очень постарел. Это ощущалось не только в его теле, но и в глазах, которые сейчас печально смотрели на меня.

– Пойдем, моя малышка, в гостиную. Там нас ожидает мама и сестра Патрисия, – при упоминании о старшей сестре, я невольно поежилась. Патрисия была старше меня на четыре года, и уже ей исполнилось четырнадцать. Красота – ее главное достоинство. Я постоянно завидовала ее голубым, бездонным глазам, белокурым кудрям, которые она любила распускать, даже несмотря на то, что матушка ее за это бранила. Кожа у сестры была белоснежной, шелковистой, с бледным, розовым оттенком. В отличие от меня, Патрисия носила украшения, о чем мама мне запрещала даже подумать. Когда я надевала кольцо или серьги, графиня моментально срывала их с меня и отдавала Патрисии. Я не понимала, и, возможно, никогда не пойму, почему матушка так ненавидела меня. Именно ненавидели, ибо по-другому и не скажешь. Патрисия – вот ее любимая дочь. Моя мать, Кевен, никогда не целовала меня, не гордилась, а лишь ругала за неподобающее поведение. «Бери пример со старшей сестры. Она – настоящая леди, не то, что ты», – вот ее слова при наших редких встречах. Отец относился ко мне почти так же холодно, как и все в Бломфилде. Лишь изредка он мог поцеловать меня или назвать ласковым словом.

Граф вел меня в зал, где, несомненно, уже была моя сестрица и мать. Когда мы зашли, а за нами закрылась дверь, перед моими глазами восстала картина, которую я никогда не забуду. Патрисия, эта скромная курица, завизжала, как кинжалом порезанная, и подбежала к отцу, сбив с ног нашего учителя Герби. Старик повалился на пол, что-то бормоча: – Поакку-

ратней, леди, – это были его единственные слова, которые я разобрала в его нескладной, перепуганной речи. Забыв даже поклониться, несчастный старик, хромая, скрылся из виду за другой дверью, ведущей в наш класс. Обычно в таких нелепых ситуациях я заливалась смехом, но сейчас мне точно было не до этого. Открыв рот, я ждала, когда мать или отец выругают старшую дочь за то, что она причинила вред учителю и даже не извинилась. Да какой там выругают? Они даже внимания на это не обратили. Граф, ничего не замечая, по крайней мере, делая вид, что так, расцеловал старшую дочь, графиня лишь скромно чмокнула супруга в щеку.

– Посмотри, моя красавица Патрисия, что я тебе привез. Такие вещи достойны настоящей принцессы, – папа порывлся в чемодане и достал великолепную шкатулочку, украшенную настоящими сапфирами. При виде такой красоты, я ахнула. Но не от счастья за сестру, а от зависти. Мне оставалось только надеяться, что отец и мне что-то привез, во что я очень слабо верила. Никогда никто не делал мне подарков, возможно, и не сделает. Но это был еще не конец той сцены, что я и сейчас помню. Следующим подарком для моей радостной сестры являлось великолепное, серебряное зеркало. Несмотря на то, что Церковь не одобряла зеркала, мой папа решился преподнести такой подарок дочери. Я печально улыбнулась. Что ж, такая моя судьба: смотреть на счастье других, но не получать своего. Но я не могла подумать, что он еще ей купил! Жемчужное ожерелье, такое самое, какое я увидела в лавке одного торговца. Мне так захотелось надеть на свою шею эту красоту, что я впервые в жизни пошла против мамы и купила его на украденные деньги. Да, это было подло, но я никогда не забуду, что тогда я, девятилетняя на тот момента, девочка, пережила. Матушка сорвала его с моей шеи и несколько раз ударила этим ожерельем по моему лицу. От удара жемчужинок у меня из носа хлынула кровь. Но это было не самое ужасное. Стекло, покрывающее жемчуг, лопнуло, и осколок попал прямо мне в губу. Шрам остался до сих пор. Графиня схватила меня за волосы и поволокла в коморку. Эта было самое ужасное место в нашем замке, ибо там каждый угол кишел тараканами и прочей гадостью. В тюфяках, хранившихся в коморке, было полно клопов и пауков. Того место я боялась, как ада. Моя «добрая» мама заперла меня там на несколько дней, которые я провела без еды. К счастью, хоть воду мне приносили каждый день, но где спать, я не знала. Приходилось «отдыхать» сидя.

Мои печальные воспоминания прервало щебетание птичек. Я повернула голову в сторону мамы. Она стояла, а у нее в руках была клетка с прекрасными, маленькими попугайчиками. Я очень любила этих экзотических существ, и, забыв про правила поведения, подбежала к графине и коснулась пальцем одной птички. За такое «неприличное» поведение матушка ударила меня по руке: – Амелия, что ты там стоишь? Забери Вивиану и отведи в комнату! Быстро! – после этих слов я поняла, что мне подарка не видать. Я бросила гневный взгляд своих детских глаз на Патрисию, а в ответ она лишь дерзко усмехнулась.

Вырвав руку у гувернантки, я побежала в свою комнату. Слезы капали с моих глаз, отчаяние полностью овладело мной. Что ж, мое детство было незавидным. Да и повзрослела я слишком рано....

Глава 2

Спустя три года....

Я проснулась от какого-то странного визга, который доносился из коридора. Было ясно, что это крики радости. Но кто в такую рань может получить хорошее известие? Меня это вообще перестало волновать, когда я услышала голос сестры. Возможно, отец вновь купил ей что-то дорогое. Хотя, Патрисия была уже далеко не ребенком. В семнадцать лет она даже не обручена. Меня это удивляло и злило. День и ночь я молилась, чтобы сестрица вышла замуж и уехала на родину мужа. Я не хотела видеть ее красоты, не хотела осознавать ее превосходство надо мной. Моя недоброжелательница постоянно твердила, что у порога нашего дома будет толпиться толпа ее обожателей. На удивление, факты показывали совсем другое. Еще никто из уэльских лордов не просил руки Патрисии у отца. Возможно, это было показателям того, что родители ищут своей старшей и любимой дочке достойного жениха. Я боялась, что этим женихом может оказаться кто-кто из королевской династии. При мысли, что моя сестра станет принцессой или королевой, меня бросало в холод и дрожь. Но все мои сомнения развеялись, когда родители пригласили нас в гостиную.

Войдя в зал, я присела в реверансе. Как всегда, на меня никто не посмотрел. Все внимание было обращено на Патрисию.

– Садитесь, девочки, – равнодушно махнула рукой графиня.

Сестра, как всегда, уселась у ног матери, а я заняла отведенное мне место в другом краю комнаты.

– Вивиана, займи место возле сестры. У меня для вас обоих важное известие, – последовав приказу отца, я опустилась на шелковые подушки у ног родителей. Напряжение нарастало и я это очень хорошо чувствовала. В воздухе витали проблемы, скрытые от моих ушей и глаз, но такие же очевидные, как и снег зимой.

Патрисия загадочно улыбалась, обмахиваясь веером, поскольку в комнате и правда было очень душно. Я же покорно опустила голову, не желая смотреть на радость сестры.

– Патрисия, ты – старшая дочь в семье и наследница половины имущества. Тебе, как никому другому, нужно выйти замуж за достойного и состоятельного человека. И поэтому ты станешь женой московского боярина Притутского Андрея Григорьевича. Ты отправишься в Великое Княжество Московское, ко двору великой княгини Елены Васильевны. Там тебя научат всему, что должна знать русская невеста: языку, обычаям, танцам, манерой разговора и этикету. Этот брак хорош тем, что боярин стар, ему уже пятьдесят восемь и он серьезно болен. Если твой муж умрет, все его наследство перейдет к тебе, ты станешь боярыней, а если сблизись с великим князем Василием III, то княгиней можешь стать. Елена Васильевна не особо красива и умна. Ты же, моя дочь, можешь занять ее место. Московский князь тоже не молод, но главное – власть, – я слушала эти слова с открытым ртом. Мою неугомонную сестрицу отдадут в жертву старику ради власти. Ха! Не повезло сестре.

Увидев, как поникла Патрисия, мама ласково погладила ее по волосам: – Не грусти, доченька. Еще не она девица из графства Бломфилд не выходила замуж за русского. Ты только представь: московские земли, постоянные пиры, смотрины, власть и богатства. Боярина скоро заберет смерть, ты же будешь управлять всеми его владениями. Улыбнись, Патрисия, это прекрасный выбор для тебя. Только в этом браке есть одно «но», – все напряглись: – Тебе придется принять православие и получить русское имя.

– Нет! – всхлипнула сестра, упав в ноги родителям: – Прошу, не надо! Я не могу отречься от своей веры! Матушка, отец, не отдавайте меня этим русским варварам, – несмотря на всю свою ненависть, мне стало жаль Патрисию. Ее заставят разорвать все узы с тем миром, где она прожила все свои семнадцать лет. И раде чего? Ради брака со стариком.

– Прекрати, Патрисия! – вмешался отец: – Ты – дочь графа Бломфилд. Слезы тебе не идут. Ты должна с гордостью и честью принимать все то, что мы делаем для тебя ради блага нашего рода. Твой сын, которого ты родишь в Москве, будет одновременно наследником и уэльского графства и русского боярства. В случае смерти твоего будущего мужа, (если у вас, конечно, родятся дети), твой сын станет законным наследником. Если он будет мал, ты будешь всем управлять вместо него и тогда обретишь положение вдовы-регентши. Но и мы с матерью не вечны. В случае моей смерти к тебе перейдет огромная часть наследства, как старшей дочери, если умрет мать – то все ее имущество, перешедшее к ней от рождения. Ты станешь самой богатой женщиной в Уэльсе. Если бы мы пообещали твою руку и сердце молодому парню, то тогда было бы все по-другому, – я мало – чего понимала в наследстве, но одно я знала: я имею право на меньшую часть земель отца, но на мамино имущество я не могу даже претендовать, поскольку являлась младшей в семье. Что ж, меня это не сильно огорчало, поскольку я знала, что скоро тоже выйду замуж. Одного мне бояться больше было незачем: родители не отдадут меня русскому, ибо брак двух дочерей за славян был им не выгоден.

Сестра, едва заметным жестом руки смахнула с ресниц слезы.

– Собирайся, дочка, вскоре ты предстанешь перед супругом и его Родиной! Мама и гувернантка помогут тебе собрать все необходимые вещи. Я хочу, дабы ты отправилась в Москву как можно раньше, желательно, до конца месяца. Всем хорошего вечера, – отец вышел из зала, направляясь в свой кабинет.

Вечером сестра и мама разбирали дары, преподнесенные Андреем Григорьевичем и его сестрой – Натальей Григорьевной. Среди русских кафтанов проскальзывали даже изысканные драгоценности, несколько зеркал и два гребня. Что ж, не слишком богатые подарки. Но Патрисия, как мне показалось, довольствовалась и этим. Если бы она не была в таком грустном расположении духа, то, возможно, ругала своего будущего муженька. Но сестрица молчала, пропуская между пальцами шелк платьев. Поездка и вправду была такой неожиданной, что все буквально метались по дворцу.

Однажды ночью я услышала плач Патрисии. Моя несчастная сестренка, впившись заплаканным лицом в подушку, тихо плакала. Мы спали в одной комнате, и еще никогда я не видела, что бы моя волевая сестрица рыдала. Но сочувствие, несмотря на обиду, все равно шлохнулось у меня в душе. Встав с кровати, я подошла к ее постели и тихо пролепетала, пытаясь не выказать свое радости, когда я увидела, что моя недоброжелательница, которая всегда затмевала меня перед родителями, раздавлена своим скорым замужеством: – Не плачь, сестра. Ведь ты же давно хотела выйти замуж, говорила, что у тебя отбоя от женихов не будет. Увы, тебя, такую молодую, умную, красивую, богатую наследницу, отдают в жертву больному старику. Но ничего не поделаешь. Ведь так пожелали наши венценосные родители и, возможно, сама матушка-судьба. Смирись, ведь уже ничего не исправить. Интересно, какое имя тебе дадут в Москве. Надеюсь, на родине твоего жениха не забудут, что ты дочь графа. Знаешь, я неоднократно слышала слухи о том, что славяне – варвары, – я проговорила эти слова с таким наслаждением, что приятный озноб пробежал по всему телу. Когда я собралась уходить к своей постели, Патрисия схватила меня за руку. От ее острых ногтей, впившихся мне в запястье, я едва не вскрикнула: – Не радуйся, Вивиана. Меня родители продали ради власти, и тебя продадут. Мы ведь сестры, и у нас судьбы будут очень похожи. Ты, так же, как и я, будешь сгорать от боли и печали. Тебя тоже увезет корабль в чужую страну, где ты станешь только пешкой в политической игре. Я ошиблась в родителях, и ты ошибешься, – от этих жутких слов у меня мурашки пробежали по коже. Я непонимающе уставилась на сестру. Несмотря на ночной мрак, я сумела разглядеть в ее глазах то, что привело меня в ужас. Нет, это была не насмешка, не злость, а лишь сочувствие. Что-то Патрисия знала, то, что, разумеется, касалось меня. Но спрашивать я не стала. Если бы это было срочно, она бы сама сказала. Я была из тех людей, которые не спешили

выпытывать сразу всю правду. Я наслаждалась красивой ложью, а к реальности относилась, как к суровому монстру.

Весь остаток ночи я не могла спать. Патрисия, на удивление, после разговора со мной перестала лить слезы и сразу предалась сну. Ох, как я ей тогда завидовала. Она смогла хоть на несколько часов отвернуться от жестокой реальности предстоящего дня, я же только лежала, уставившись в потолок. Родители никогда не говорили со мной о моем замужестве, но я знала, что это время все равно когда-то наступит. Я была младшей в семье, но это не означало, что мой брак не играет никакой государственной роли.

Когда небо едва посерело, и выдало хоть какие-то признаки рассвета, я встала с кровати и пошла в маленькую комнатку, где спала Амелия, моя гувернантка. Ее покои я обнаружила пустыми. Няня просыпалась очень рано, еще темной ночью и занималась делами в гостиной. Прикрыв за собой дверь, я спустилась в зал, где обычно Амелия наводила порядок.

Но приемная оказалась пустой. Внезапно я услышала тихий стон и порывистое дыхание. Эти звуки доносились из покоев отца. Обычно я никогда туда не входила. Граф принимал меня и всю семью, кроме мамы, у себя в рабочем кабинете. Но сейчас любопытство взяло вверх. Я на цыпочках подошла к двери, и приоткрыла ее. Сначала я стояла, будто мумия, потом мной овладел страх, негодование и отвращение. Амелия, обнаженная, сидела на руках у отца, на котором был только один халат. Папа что-то шептал ей на ухо, гладил ее распущенные волосы. Гувернантка потушила единственную свечу, благодаря, которой я могла хоть что-то видеть. Когда в комнате папы стало совсем темно, я напрягла все свое зрение, чтобы хоть что-то разглядеть. И то, что я разглядела, вонзилось мне в разум. Еще совсем юная, я никогда не видела близости мужчины и женщины и не хотела этого видеть. Но все же я понимала, что когда придет время, я буду вынуждена выйти замуж и отдать свою тело избранному супругу. Я уже могла быть близка с мужчиной, ибо месячные, как говорила лекарка, начались у меня слишком рано. Но одна мысль о браке, о первой ночи, доводила меня до слез. Но сейчас меня мучало другое. Папа с Амелией, а не с моей матерью. Выходит, он вновь пошел на измену, вновь предпочел служанку графини. Свою няню я любила даже больше, чем родных родителей, ибо они всегда были ко мне жестоки, но после увиденного зрелища в моей душе зародилось отвращение к этой пышногрудой женщине.

Закрыв дверь так же тихо, как я ее и открыла, закусив губы, чтобы не заплакать, я побрела в свою комнату. Моя матушка вновь была предана графом. Что ж, возможно, ее это не сильно тревожило.

Когда утром ко мне пришла Амелия, я всматривалась в нее с любопытством. Она будто расцвела. Все в ней дышало, обольщало, завораживало. Несмотря на тугой корсет, грудь няни была очень хорошо заметна. На Амелии красовалось дорогое платье с достаточно глубоким вырезом, распущенные волосы покоились на плечах. Я окончательно убедилась, что гувернантка пришла ко мне сразу со спальни своего любовника. Ели бы графиня увидела ее в таком виде, то, возможно, обо всем догадалась, если, конечно, она об этом не знала раньше.

Патрисия, хмурая, как тень, отправилась навестить матушку. Оставшись наедине с Амелией, я воспользовалась моментом, чтобы завести с ней откровенный разговор. Няня заметила мое смятение, но промолчала.

– Амелия, где ты была сегодня ночью? Я искала тебя по всему замку.

Руки женщины, расчесывающие мои волосы, задрожали. Врать мне ей не хотелось, как я думала, но она на это решилась: – Меня не было в замке прошлой ночью, леди. Я ездила в таверну по делам ее светлости.

Я едва могла сдерживать смех: – В таверну? Ночью? По делам ее светлости? В таком виде? Амелия, ты не обижайся, но ты и вправду сейчас похожа на продажную девицу. Не ври мне. Я все очень хорошо знаю. Ты была с моим отцом, придавалась любовным утехам в постели, где граф был с графиней, с моей матерью! Как ты могла так поступить?! Этим ты предала не только

мою матушку, но и меня! Зачем ты это сделала?! Но если ты уже решила идти по этому пути, то тебе не место в этом доме, рядом со мной! Сегодня же я отправлюсь к графине и попрошу ее выгнать тебя! Убирайся с моих глаз! Уходи!

Лицо Амелии запылало. Разумеется, она не ожидала от меня такой явной красноречивости. Няня опустила передо мной на колени. Ее огромные глаза смотрели на меня с вызовом: – Миледи, я растила Вас, всегда была добра к Вам, но, что я получила взамен? Вы несправедливы и жестоки. Неужели эти отрицательные черты Вы унаследовали от своих родителей? – эти слова окончательно меня разозлили.

– Следи за своим языком, иначе лишишься его! Не забывай, что я уже не маленькая девочка, которая нуждается в твоих нотациях! В моих жилах течет кровь Бломфилдов, династии, являющейся одной из самых древних и самых богатых в Англии! Встань, – когда Амелия поднялась, я вскинула подбородок и с неприязнью разглядывала ее: – Ты бы хоть постыдилась в таком омерзительном виде переступать порог моих покоев! Ты похожа на кабацкую девку, а не на гувернантку леди! Это первый и последний раз, Амелия! Еще раз ты так опозоришь мою семью, клянусь, сама отдам тебя на съедение собакам! А сейчас, приведи себе в порядок и не смей больше посягать на моего отца! Можешь идти, – когда дверь за няней захлопнулась, я упала на подушки, обхватив голову руками. После увиденного ночью я буквально задыхалась. Неужели каждая женщина обязана выходить замуж только для того, чтобы доставлять наслаждения своему мужу и рожать детей? Неужели и меня родители продадут, как сестру, а муж будет делать со мной то, что делал отец с Амелией?

– Леди, – в комнату вошла служанка матери: – Ее светлость желает Вас видеть, – еще этого мне не хватало! Мама никогда просто так меня не звала. Какой сюрприз еще подготовил мне сегодняшней день? Вспомнив загадочный взгляд Патрисии, меня едва не стошнило от страха. Неужели замужество?!

Служанка вела меня по коридорам в покои матушки. Когда мы достигли ее опочивальни, горничная постучалась. Еще одна камеристка открыла дверь, пропуская нас вовнутрь. В личные покои графини было очень трудно попасть, на каждом шагу стояли ее служанки и охрана. Даже своих дочерей мама принимала в рабочем кабинете. Но сейчас все было по-другому. Войдя вовнутрь, я почувствовала резкий запах благовоний. Из-за жары графиня решила втирать в веера освежающие запахи духов. Это не очень спасало от палящего солнца, но духота немного развеивалась.

Покои матушки являли собой великолепное сооружение. На центральной стене красовался нарисованный орел с крыльями ангела, который держал в клюве розу. Это был геральдический символ Бломфилдов. Остальные стены были расписаны с великой утонченностью. На каждом лепестке розы располагалось три рубина. Я не понимала, зачем такая роскошь, но мама относилась к этому по-другому. Пол был застелен редкой шкурой ягуара, в мехе которого буквально тонули ноги. Окна выходили на сад, освещенный летним солнцем, где цвели и пахли редкие цветы. У ног матери таяла маленькая, комнатная собачка, которую матушка нежно гладила. На изысканном столике стояла клетка с птичками, чье пение разносилось по сводам опочивальни.

Графиня сидела на возвышении, в окружении своих дам. Одна читала маме поэзии, другая играла на лютне. Когда я вошла, все замолчали. Я присела в реверансе, учтиво склоняя голову.

– Оставьте меня наедине с дочерью, – приказала графиня. Все, как один, с поклонами покинули комнату.

Матушка ласково улыбнулась, протягивая свою миниатюрную ручку, унизанную тяжелыми перстнями, для поцелуя. Когда я припала губами к ее руке, мама тихо прошептала: – У меня есть поручение для тебя, Вивиана, – ее загадочный тон заставил меня выпрямиться

и посмотреть на маму: – Это касается моего замужества? – я уже знала ответ на этот вопрос и поэтому слезы застыли у меня в глазах.

– Присаживайся, – графиня ласково усадила меня на подушку у своих ног: – Да, ты права. Это и правда касается твоего замужества, но это замужество, мягко говоря, необычное.

Я почувствовала, как сердце сжалось в холодный комок: – Матушка, я... мне кажется, что я еще не совсем готова для брака...

Мама подняла руку, призывая меня к молчанию: – Послушай меня, Вивиана, ты – еще совсем ребенок, тебе только тринадцать. В таком малолетнем возрасте ты не можешь решать свою судьбу, как и любая другая леди благородных кровей. Ты будешь делать то, что скажут родители, а за непокорность тебя настигнет наказание. В лучшем случае, я запру тебя на всю жизнь в строжайшем монастыре, в худшем – лишу всех прав наследства Бломфилдов и отдам замуж за больного старика, чтобы ты была прислужницей в его доме. Поэтому покорно склони голову и слушай. Когда понадобится твое мнение, я спрошу, – от таких унижительных слов я замерла. В душе я понимала, что каждое слово матери – сущая правда. Если она с отцом захочет, то я стану не просто послушницей в монастыре, но и танцовщицей в развратном доме. Сжав пальцы с такой силой, что побелели костяшки, я слабо кивнула, ибо во рту все пересохло: – Слово моих августейших родителей – закон, который я не смею обсуждать даже с близкими мне людьми, – едва слышно пролепетала я. Мне было известно, чего хотят от меня родители – смирения, кротости, покорности и полного повиновения. Я зажмурилась, вспомнив, какая судьба постигнет Патрисию. Совсем скоро она отправится в Москву, к старому и больному боярину. Еще хуже мне стало при воспоминании об ее словах: «Меня родители продали ради власти, и тебя продадут», – неужели она что-то знает? Но это уже не имело значения. Я полностью сосредоточилась на суровом виде матери. В ее глазах не было ни капли материнской любви, лишь холод и строгость. А мне так хотелось до дрожи прижаться к ее телу, поплакать у нее на груди, поговорить, забыв об этикете и о том, что она – великая графиня, а я лишь ее дочь, которая находится в полном распоряжении своих родителей.

– Вивиана, мне кажется, тебе нужно знать одну историю, которая произошла с прапрадедом твоего отца – Томасом Бломфилдом. Еще много лет назад графство Бломфилд имело не такое влияние на английскую политику при дворе, как сейчас. Тогда провинциальный городок Понтипридд был лишь каплей в океане государства. Твой великий предок Томас решил укрепить графство. Он сблизился с королем, стал его другом и соратником. Победив на турнире, Томас завоевал доверие монарха больше всех при дворе. Этим он разгневал советников правителя, и те посчитали, что если Томас Бломфилд жениться, то покинет двор, уединившись у себя в графстве с новой женой.

Бесстыжие аристократы стали нашептывать королю, чтобы тот женил сэра Томаса на какой-нибудь даме из высшего общества Англии. И один из них, сэр Френсис Глост решил предложить другу монарха свою дочь – леди Элизабет, которая получила при дворе репутацию придворной монахини. Элизабет была кротка, никогда не выпускала четки из своих рук. Если не ошибаюсь, ей тогда исполнилось восемнадцать. Не очень подходящая кандидатура для веселого Томаса Блофилда, который привык брать от жизни все самое лучшее и в самые короткие сроки. Но противиться воле короля – значит, пойти на государственную измену, которая каралась и карается либо плахой и мечом, либо виселицей. К тому же, предлагаемая невеста уже однажды пошла под венец с шестидесятилетним мужчиной-вдовцом, когда девушке ей едва исполнилось двенадцать. Два года Элизабет жила в замке мужа на попечении его старшей дочери, годившейся самой жене в матери. Потом настали долгие три года ужасной близости. В конце концов, старик скончался, Элизабет же опять отправилась в поместье отца, но уже через год он вновь подыскал дочери выгодную партию. Дело было не в женщине, ибо она покорила, а в самом женихе. Как назло, на одном из пиршеств Томас заметил в толпе придворных дам одну молоденькую миледи. Ее звали Анна Честертон, она являлась чистокров-

ной австрийкой и дочерью австрийского герцога. Девушку прислал в английский дворец отец, в надежде, что холодная и туманная страна развеет и уgomонит дерзкое поведение дочери. Да, Анна была веселой, надменной, высокомерной мадам. Томас влюбился в нее, забыв, что обручен с мрачной, как ноябрьская туча, леди Элизабет. Благородный рыцарь ради своей возлюбленной был готов на все. Он дарил ей очень дорогие и редкие подарки, танцевал с ней на балах, а однажды на турнире даже признал ее дамой сердца, которой, разумеется, должна была стать его невеста Элизабет. Отец скромной девушки пожаловался его величеству, что юный граф Томас Бломфилд совсем не уделяет внимания своей законной невесте, а целиком и полностью принадлежит австрийской змее. Король разгневался и призвал твоего предка к ответу. Тот гордо, став на одно колено и положив руку на сердце, поклялся, что любит Анну Честертон и ради нее готов разорвать помолвку с чопорной Элизабет. Король будто огнем надышался. Он выгнал несчастную, влюбленную Анну со двора и отправил ее обратно в Австрию, написав ее отцу-герцогу, что его дочь подставляет свои груди каждому, кому не лень переспать с ней, что нахалка соблазнила даже порядочного, помолвленного графа. Анну, разумеется, против ее воли, отдали в жены какому-то старику. Узнав об этом, Томас отрекся от должности советника при дворе, разорвал помолвку с Элизабет и поехал в Вену, в герцогство Честертон, чтобы спасти свою любимую. Но отец девушки проклял уэльского графа, который, якобы, запятнал честь благородной леди. Тогда Томас Бломфилд объявил войну герцогству и сказал, что если через двадцать четыре часа к воротам его отеля, (где он поселился в Австрии), не пребудет карета с Анной, он перейдет к военным действиям. Чудо, казалось, произошло. Ровно через двадцать четыре часа к воротам гостиницы прибыла карета с гербом Честертон. Томас поспешил к экипажу, надеясь увидеть в экипаже возлюбленную, но он обнаружил только ее... труп. Около тела убитой лежала записка: «Я, второй герцог Честертон, собственными руками убил дочь, чтобы не отдать ее тебе, английскому подонку. Я поклялся, что Анна не ляжет в постель с тобой. Ты хотел, чтобы к тебе приехала карета с ней, вот ты и получил желаемое. Можешь забирать ее труп, я не намерен хоронить эту отступницу от родительского слова в Австрии. Пусть сгниют кости той, которая не пожелала разделить ложе со своим законным мужем из-за уэльского мерзавца. Я отрекаюсь от своей дочери Анны Честертон. Пусть сгниет ее порочная душа», – несчастный Томас прорыдал у тела любимой долгие часы, а потом поклялся уничтожить герцогство Честертон, и собственными руками вонзить клинок в сердце герцога, который убил собственную дочь ради власти и гордости. Ужасные четыре года длилась эта война из-за убитой, родным отцом, женщины. Австрия содрогалась. Томас мог победить, но его предали, предали те, в ком он видел поддержку и опору, те, кто обещал всегда быть рядом.

Капитан северного войска, самого большого в графстве, перешел на сторону Честертонов. Томас Бломфилд пал в бою, но его запомнили, как героя, сражавшегося ради памяти любимой. И вот на протяжении нескольких десятков лет Честертоны ведут войну с Бломфилами. Сейчас этим проклятым родом правит женщина – герцогиня Тересия Честертон, мать будущего герцога милорда Гильберта. Этот австриец не женат, и мы с твоим отцом решили отдать тебя ему в жены, – я едва не захлебнулась собственной слюной. Отдавать меня врагу семьи?! Что это за безумие со стороны родителей?

– Матушка, но ведь вы сами сказали, что герцогство Честертон – наш заклятый враг. Я должна буду пойти под венец с врагом своего рода? Я не понимаю..., – я пыталась говорить спокойно, но предательские нотки все равно звучали у меня в словах.

– Вивиана, я посылаю тебя в Австрию не для того, чтобы ты была благочестивой супругой этого наглого австрийца. Ты должна будешь сделать так, чтобы он оказался последним из рода Честертон.

Я в недоумении посмотрела на мать. Чего она от меня хочет, от тринадцатилетней девочки?

Графиня нагнулась к моему уху так близко, что я ощутила ее порывистое дыхание:

– Ты должна будешь убить Гильберда в первую, брачную ночь.

Я уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но все мысли будто превратились в пепел и развеялись по воздуху. Слова онемели на моих губах: – Я...я не понимаю..., – на самом деле я все прекрасно понимала. Подсунуть меня иноземцу в образе скромной женушки, чтобы потом убить его – вот план моих родителей. Я мысленно покачала головой. Нет, я этого никогда не сделаю! Пусть запирают меня в темнице на всю жизнь, пусть не дают еды и питья, пусть избивают до смерти, но я не убью человека, будь он самым воплощением дьявола!

– Про свою безопасность не волнуйся. Я дам тебе такой яд, который убивает так, как это делает обычная потовая лихорадка. Медленно, неизлечимо, мучительно. После смерти мужа ты добьешься титула герцогини, как, решать будешь сама. Но эта карга Тересия после смерти своего сына должна уехать в монастырь, отдав тебе свой титул, земли и полную, безграничную власть. Когда герцогство Честертон будет в твоём распоряжении, ты забереешь все деньги с казны и вернешься в Уэльс. Не смотри на меня так! Это не воровство, хотя, называй это, как хочешь. Когда в казне этого герцогства не останется ни монеты, мы победим и разбогатеем! – я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Вокруг все пошатнулось, стало серым, пасмурным, безжизненным.... Убийство, воровство.... Что за бред? Неужели мама думает, что я пойду на это? Сердце мое, казалось, замерло. Я не чувствовала его ударов, ничего не понимала. На мгновение мне показалось, что я умерла, что умерла моя душа, мой дух, мое сердце, осталась лишь плоть и застывшая кровь. Взор блуждал по прекрасным гобеленам на стенах покоев. Но я ничего не видела, ничего не слышала. Когда графиня больно ущипнула меня за руку, я будто проснулась. Я внезапно отчетливо увидела ее требовательный взгляд, который говорил: «У тебя нет выхода. Ты это сделаешь».

– Мадам, вы требуете от меня невозможного. Я не посмею наклепать на себя немилость Бога, совершив тяжкий грех убийства и воровства, – к моему удивлению, мама расхохоталась. Это был громкий, неприятный смех, но ее карие глаза оставались сухими и жестокими. Прилив смеха прекратился так же быстро, как и начался. Напущенную веселость графиня сменяла коварством. Грубо схватив меня за запястье, она заставила меня резко встать, притянув к себе. Мама сжала мою руку так, будто я была пером для написания ее финансов: – Послушай меня, деточка, ты не смеешь противиться указу родителей! Кто ты такая, чтобы противостоять отцу и матери, графу и графини?! Я сотру тебя с лица земли, если ты не покоришься, глупая девчонка! – прошипела «добрая матушка» мне на ухо. От ее скрипучего, как царапанье когтей, голоса, у меня зазвенело в ушах. Но я была не намерена отступать. Я не ее служанка, которой она может распоряжаться целиком и полностью. Посмотрев с вызовом на графиню, я резко вырвала у нее свою руку и с необъяснимой дерзостью воскликнула: – Я не ваша рабыня, мадам! вы не можете принудить меня! Прежде всего, я живой человек из плоти и крови и сама имею право решать свою судьбу! – я отлично знала, что такого права, увы и ах, у меня нет. Все девушки благородных кровей, от принцессы до самой низкой, бедной аристократки, были вынуждены подчиняться родителям, а потом супругу. Простолюдинки, на удивление, не являлись собственностью родителей. Такие бедные дамы вполне могли сами выбрать себе мужа, конечно, если их род не происходил из ветви какой-нибудь знатной династии. Ох, как в ту минуту я пожалела, что родилась в семье могущественного графа, родилась леди голубых кровей, а не дочерью бедного кузнеца или мясника!

– Ты не только невоспитанная дрянь, но еще и дура! Где ты читала, что леди сама может выбирать себе судьбу?! Такого не было и не будет во все века! Дети – собственность родителей на всю жизнь, моя дорогая! – графиня гневно окинула меня взглядом. Да, я знала, что моя внешность вызывает в ней совсем не материнское чувство – зависть. Моя мать была худощавого телосложения, но в ней не было той легкости и хрупкости, которой обладала худенькая женщина. Графиня была не только неуклюжей, не умевшей двигаться в такт танца, занудной, совсем не интересной женщиной для своего мужа, но еще и не красивой. Волосы у нее

были пепельного цвета даже в рассвете молодости, а сейчас совсем побелели от едва заметной седины. Кожа в матери была бледной, с желтоватым оттенком, в уголках глаз появились «гусиные лапки», около рта – множество впалых морщинок. Я понимала, почему мама завидует мне. Я и сама знала, что красива. Для тринадцати лет моя фигура была совсем сформированной. Никакой детской хрупкости, лишь, возможно, даже чрезмерная женственность. В семье, несмотря на свой юный возраст, у меня была сама большая грудь. Мама всегда приказывала стягивать ее тугим лифом и корсетом, подкладывать вату и делать все, чтобы мое женское достоинство не было заметным. Но природу не переделаешь. Из любых декольте, принятых в Англии, даже самых незаметных, виднелась свежая линия моих груди. А талия... Тоненькая, воздушная, похожая на стебель розы. Пышные бедра всегда игриво и даже вульгарно показывались при ходьбе. А лицо! Такой невинной и одновременно дерзкой красотой, как моя, не обладала не одна женщина, которую я знала. Даже хорошенькая леди Мария, красавица Диана, соблазнительная Амелия не могли со мной сравниться. Я обладала страстными, насыщенными фиалковыми глазами. Я любила смотреть из-под слегка опущенных ресниц, поднимая, выгнутые дугой, брови к белоснежному лбу.

Губы у меня были пышные, ярко-пурпурового цвета. Ах, как я гордилась темными, почти черными, как смоль, волосами, ниспадавшими до пояса. В темноте мои кудри казались темно-синими, но при свете дня, на лучах солнца, мои волосы приобретали золотистый оттенок. Одни поэты, работавшие в графстве, сравнивали мои кудри с горящими факелами в ночи, другие – со скорлупой каштанов. В Поттрипридде я считалась первой красавицей, от чего не редко получала пощечины от матери и издевательства сестры. Но в графстве я почти не виделась с мужчинами, а о том, чтобы побыть наедине с каким-то симпатичным кавалером, и речи не могло быть.

И сейчас, стоя перед матерью в роскошном, зеленом платье, сшитом из персидского дамаска, я чувствовала себя живой мишенью для исполнения политических замыслов. Кто считался с мнением Патрисии, когда ее решили сосватать за больного старика? И кто посчитается со мной? Я была уверена, что графиня скажет: «Либо повиновение, либо смерть». Я просто не сомневалась в том, что мать и отец убьют меня в случае отказа. Родительской любви от них не дождешься, а для государственных целей им не нужна дерзкая строптивница.

– Я жду ответа, Вивиана. Ты согласна пойти на убийство и воровство ради родителей? – мать довольно улыбнулась. Мой растерянный вид как будто говорил: «Разве я посмею противиться воле великого графа и графини?». Но мой воспаленный разум твердил совсем другие вещи. А сердце? Что могло сказать оно мне? Ничего, лишь то, что в этом проклятом замке, который я считала своим домом, всегда преследуются лишь корыстные цели, а слова юной девушки – это не больше, чем пустой звук.

– Нет, матушка. Я не готова совершить два самых тяжких греха из-за почтения к вам и отцу. Простите, но для этой позорной миссии вам придется поискать другую марионетку, – присев в изысканном реверансе, я собралась уходить, но мать больно схватила меня за локоть: – Ты хоть понимаешь, кому отказала, дрянь?! – в следующее мгновение я ощутила, как щека запылала от пощечины графини. В ушах у меня зазвенело, а прядь волос упала на глаза. Но я удержалась на ногах. Я не могла позволить матери торжествовать. Она не должна была видеть, что сломила меня. Несколько минут я стояла, высоко вскинув голову. Глаза защипало от слез, которые я тщательно сдерживала.

– Можете ударить меня еще, еще и еще! Но я вам не пешка в корыстной игре! У вас не получится сломить меня! Я не поеду к герцогу, не поеду в Австрию! Можете хоть убить меня, но я не поеду! Не поеду, не поеду, не поеду! – кричала я. Мать уже подняла руку, чтобы ударить меня еще раз, но увидев мой бесстрашный взгляд, в котором читался открытый вызов, отшатнулась, как от дьявола: – Ты воплощение демона, но я смогу сломать твои черные крылья! Клянусь, что если я не подчиню тебя своей воли, то отрекусь от титула графини и уеду

в монастырь, а ты будешь править вместо меня, и свою судьбу будешь решать тоже сама. За отца не волнуйся. Сегодня утром он уехал в Германию и в ближайшие пять лет не вернется.

– Хорошо, матушка. Давайте заключим пари. Если я не подчинюсь вам, вы уедете, и оставите право выбора за мной, а если вы своими жестокими способами сможете взять вверх надо мной и над моим упрямством, я буду всю жизнь делать то, что скажите *вы*. Договорились? – мать согласно кивнула. В ее глазах была радость. Что мама задумала?

Глава 3

На следующее утро мне передали письмо ее королевского величества – Екатерины Арагонской. Королева желала видеть меня у себя в свите. Я не понимала такого шага. Я удоставалась чести только раз видеть супругу короля Англии, и то, будучи маленькой девочкой. И покидать Понтипридд, отправляться в туманный Лондон, ко двору, где постоянно кипят неистовые страсти, у меня не было особого желания. Но графиня, прочитав послания от Екатерины, радостно захлопала в ладоши: – Надеюсь, что жизнь при дворе научит тебя быть скромной и покорной. А теперь иди, собирай свои вещи. Завтра же ты едешь во дворец, – по крайней мере, служение в свите королевы давала хоть одно преимущество: меня не выдадут замуж, ибо фрейлины ее величества должны были быть незамужними, непорочными девицами.

Патрисия, которая задержалась в Уэльсе из-за того, что в Московском Княжестве опять свирепствовала эта проклятая оспа, открыто завидовала мне. Сестрица всегда желала оказаться в Лондоне, увидеть самого Генриха VIII, почувствовать блеск и роскошь английского двора, всегда так далеко находившегося от нашей семьи.

Собирая свои вещи в скромный чемодан, я услышала тихий голос Амелии над своим ухом: – Зато вы в ближайшее время не поедите в Австрию, леди. Разве это не чудо? Именно в тот момент, когда графиня так пылко желала отдать вас за герцога, ее величество пожелала видеть вас подле себя, – я видела, как возбуждена и рада гувернантка. Амелия, разумеется, ехала со мной, поскольку матушка считала, что я, юная особа, могу натворить неладных дел при дворе вельмож.

– Мне кажется это слишком подозрительным. Еще вчера я заключила пари с мамой. Если она не вынудит меня стать игрушкой в ее руках, я навсегда одержу желаемую свободу и титул. Но, а если проиграю, не ведать мне воли до конца своих дней, – усмехнулась я, улаживая в чемодан белое, воздушное платье, которое я так любила одевать. Правда, этот наряд вызвал гнев матери и заинтригованные взгляды всех мужчин графства, ибо декольте было чересчур глубокое, а вырезы на плечах делали мою хрупкую фигуру дьявольски-соблазнительной.

– Постойте, миледи, – стройная рука Амелии легла на корсет платья: – Ее светлость запретила брать вам этот наряд в Лондон, поскольку считает, что сие платье больше идет распутнице, чем благодарной леди и фрейлине королевы. Мисс, смею заметить, что при дворе женщины одеваются, конечно, с большим вкусом и изяществом, но достаточно скромно. Обнажать плечи и, тем более, оголять линию груди строго запрещается. Любая дама королевы должна носить чепец, скрывавший ее волосы, а на улице – вуаль и плащ, в летнее время года – накидку. Поэтому мне даже жаль, что ваши прекрасные кудри будут скрыты под чопорным чепцом. Но ничего не поделаешь. Законы о моде меняются только с наступление нового правительства.

Я заинтригованно посмотрела на няню. После того неблагоприятного инцидента гувернантка стала ко мне относиться не как к маленькой девочке-воспитаннице, а, как к леди. Амелия стала обсуждать со мной политику, внешние дела города и даже мой стиль. Поэтому теперь я могла позволить себе носить те наряды, которые захочу. Разумеется, такая приятная свобода в выборе своего имиджа мне очень даже нравилась. Я отличалась хорошим вкусом и никогда не одевала серых вещей.

– Моду при дворе диктует королева? – безразлично спросила я, выглядывая в окно и пожирая взглядом рослого мужчину, который прохаживался с моей матерью в саду.

– О, да. Екатерина Арагонская – основатель стиля, – и почти шепотом добавила: – Мне даже жаль, что так. Королева слишком чопорная, богобоязненная, скучная. Она ввела в моду треугольные чепцы, квадратные декольте, совсем тугие корсеты, серые, черные наряды, темную вышивку, безвкусные вуали из обычного шелка. Ах, как было хорошо во время правления Елизаветы Йорской. Вот она была настоящей королевой: веселой, остроумной. А какие

наряды были! Мм, загляденье! Сколько тогда роскоши царило в резиденциях монарха, сколько живости, красок, остроумных вещей. Каждый предмет женского туалета был сделан из дорогих материалов, украшен разными драгоценностями. Все придворные тогда сияла в своих роскошных платьях и милых шляпках с перьями страуса, – отвернувшись от окна, где я увидела графиню с очередным любовником, я внимательно посмотрела на себя в зеркало. Могла ли я стать украшением английского двора? Возможно, могла. Высокого роста, аппетитного телосложения, с белоснежной кожей, не свойственной при темных волосах.

– Расскажи мне еще что-то про придворную жизнь, – попросила я няню, положив голову ей на колени.

– Ах, королевский двор – эта такая странная штука. Там, за каждым роскошным гобеленом, за каждым ковром пылают страсти, интриги, заговоры. Балы, пиры, охота, сколько еще разных развлечений, но реальность и будни в резиденциях королевской четы далеко не сказка. Каждый человек, поднявшейся на очень высокую ступень иерархической лестницы придворных рангов, всегда ходит между плахой и топором палача. Пример тому, герцог Суффолк – Чарльз Брендон. Он – приближенный к королю, его зять, женатый на принцессе Мэри Тюдор, и великий герцог. Но все равно его сиятельство боится, что может попасть в немилость суверена. Но Брендон, на удивление, очень осторожен, несмотря на свою пылкую натуру. Возможно, его шея никогда не почувствует прикосновение топора.

– Аминь, – по – традиции, произнесла я. Все эти придворные чины, герцоги, меня совсем не волновали.

– А его величество так и не получил от своей жены наследника? – с большим интересом, свойственным молодой леди, спросила я, хотя и знала ответ на свой вопрос.

– Нет, юная госпожа, не получил, но, возможно, скоро получит. Королева опять беременна и нам стоит молиться, чтобы в этот раз на свет пришел здоровый принц, достойный в будущем стать королем Англии.

– А если королева вновь потеряет ребенка? Я не понимаю, почему Генрих до сих пор не развелся с ней и не зачал малыша в лоне здоровой женщины, способной родить сына, не то, что эта старая испанка, – парировала я.

Гувернантка посмотрела на меня с гневом и опаской: – Миледи, завтра вы поклянетесь быть верной королеве Екатерине, и не посмеете больше порочить ее. Такие слова приравниваются до государственной измены. Поэтому, запомните – держите свой острый язычок за зубами, леди Вивиана, если не хотите его лишиться вместе с головой. При дворе любое неаккуратное слово может стать последним.

Я судорожно вздохнула. Лишиться головы из-за своего языка мне тоже не очень-то хотелось. С печалью смотря на все те вещи, что я оставила дома из-за приказа матушки, я пошла в сад. Томиться в душной комнате в этот жаркий день я не собиралась.

Погода, к сожалению, опять испортилась. Пошли проливные дожди, а тучи, подобно лепесткам розы, закрывали солнце. От холодного ветра я содрогнулась, когда вышла во двор. Придворный кортеж уже стояла у крыльца. Около берлины ежился от холода какой-то мужчина лет сорока. Подойдя ближе, я смогла разглядеть его морщинистое лицо и потухшие, серые глаза. Как мне сообщила приятная, молоденькая служанка, сидевшая в карете, этот грубый мужлан являлся доверенным ее величества. Говоря обычным языком, он был ее советником, вот только не в политических делах, а в придворных. По желанию королевы он мог в любое время и при любых обстоятельствах устроить такой пир, о котором даже и мечтать не смели церемониймейстеры. Развлекать королеву, брать ей на службу фрейлин и служанок, было его обязанностями. Но я не могла понять, как этот мрачный, как туча, что нависла сейчас у нас над головами, человек, мог веселить и устраивать праздники.

В карете было так же холодно и сыро, как и на улице. Девушка, сидевшая со мной, которую звали Мелли, сказала, что специальные «камины» находятся только в экипаже августейшей четы, а подогретые подстилки под ноги имеются в каждой карете благородной дамы. Меня сей факт только разозлил. Неужели Екатерина считает, что я – дочь графа Бломфилд, не достойна такой мелочи, как подогретая подстилка?

Я бросила взгляд на замок. Сейчас зубчатые стены башен казались призрачными на фоне серого, почти черного, неба. А ведь еще вчера солнце грело прекрасные, как расплавленное золото, крыши поместья. Я поняла одно: погода сопутствует моему настроению. Мама так и не вышла, а я ожидала, что она попросится со мной, поцелует, скажет, как любит, даст какие-то напутствия в этот туманный и загадочный Лондон. Мне сказали, что графиня заперлась еще утром у себя в покоях и никого не впускает. Что ж, депрессия было свойственна матери, а особенно сейчас, когда отец был за морем, я уезжаю в Винчестер, а Патрисия, как сообщил вчера вечером русский посол, должна приехать в Москву, поскольку жених уже заждался своей молоденькой невесты, а оспа отступила, ее светлость была подавлена из-за предстоящего одиночества.

Я внезапно почувствовала сдавливающую боль в груди и поймала себя на мысли, что едва сдерживая непонятные слезы. Я больше никогда не увижу графство Бломфилд.... Это я уже знала по своему странному самочувствию.

Дорога была долгая, не говоря, что еще и мучительно скучная и холодная. Мы ехали не через леса, опасаясь разбойников, а через шумные рынки и лавки уэльских торговцев. В Лондон мы приедем не раньше, чем через несколько дней. Амелия и Мелли спали, укрывшись своими накидками. Сэр Питер, приближенный королевы, скакал на лошади впереди нас, поэтому я не могла его видеть. В карете не спала одна я. Из-за неловкого сиденья на узких креслах я ощущала боль во всем теле, да и голод давал о себе знать. В путешествие мы не брали никакой еды, решив останавливаться в тавернах каждое утро, но сейчас я бы так желанно съела кусочек мясного пирога или пригубила густое вино из погребов отца. Спать сидя было просто невозможно. Тяжело сопя, я выглянула в окошко кареты. Мое и так обветренное лицо поддавалось такому порыву ночного ветра, что я всем телом вздрогнула. Сейчас бы оказаться у камина, слушая журчание дождя и мифические рассказы Амелии о лесных существах.

– Сэр Питер, – позвала я советника ее величества, прикрывая лицо от дождя и ветра ледяной, как фарфор на морозе, рукой. Обращаться к глупому кучеру, мальчишке лет пятнадцати, не было никакого смысла. Кроме ремесла подчинения колес он совершенно, я была уверена в этом, ничего не знал.

Сэр Питер, оказывая знаки должного внимания, подъехал на своем пародистом коне к карете, протягивая мне перчатки, которые я обронила, когда еще садилась в экипаж и свой плащ. Я была бы рада закутаться в этот мех, но Питер – такой самый человек, как и я, и в своем камзоле он, разумеется, замерзнет. Ох, как я ошибалась, считая его грубым невеждой. Если бы этот мсье был моложе, возможно, я бы и стала с ним невинно флиртовать¹.

– О, горячо благодарю вас, сэр, но я не могу принять плащ. Вы ведь совсем озябните, скача на своем коне в одном камзоле, – как будто не слыша меня, Питер нежно окутал мои плечи своим плащом и одел на мои холодные руки перчатки. Скорее он походил на заботливого отца, чем на влюбленного юношу.

– Сэр, теперь я точно уверена, что нам необходимо остановиться в какой-то таверне на ночь, чтобы каждый из нас мог хорошенько отдохнуть. Иначе мы просто превратимся в лед, когда приедем во дворец, – засмеявшись моей банальной шутке, Питер крикнул кучеру: –

¹ В Средневековье и раннее Возрождение понятие «невинный флирт» означало знаки отличия от дамы, ее заинтригованные глаза, приятные беседы, разумеется, при свидетелях, но ничего более. Такие «игры» с кавалерами могла себе позволить любая благородная дама, но вот только если этакая леди решала остаться наедине с мужчиной, то флирт превращался в скандал. В те времена честь девушки считалась высшим богатством.

Эй, дружок, остановишь карету близ прилежной таверны! Только смотри, чтобы это не оказалось какой-то захудалой харчевней, или, чего похуже, публичным домом! – промямлив что-то невнятное, юноша развернул карету на другую улицу, более чистую, тем ту, по которой мы ехали, подобно улиткам, целый час.

Вернувшись на свое прежнее место и закрыв окно плотной занавеской, я еще сильнее прижала к себе плащ. Соболий мех приятно отдавал запахом нарциссов. На удивление, я согрелась. Это был плащ Питера.... Эта мысль пробудила во мне странные ощущения, не свойственные тем, что я ощущала раньше. Это были чувства не благодарности, а чего-то другого, более высокого. Любви? Нет, увы, это была далеко не любовь. Из рассказов подруг я поняла, что, когда рождается любовь, все вокруг замирает, становится серым и незначимым, в крови бушует огонь, а сердце тянется к нему.....

Карета остановилась: – Амелия, Мелли, просыпайтесь, – проговорила я, хлопая няню и служанку по щекам. Женщины, что-то ворча, вышли из кареты, дрожа от холода. Я последовала их примеру. Мысль о том, что сейчас мы окажемся в теплом помещении, поедим горячего супа и выпьем старого вина, развеселила меня. Спрыгнув со ступень, я побрела за Питером, который волочил мой багаж. Оставлять наши вещи на ночь в карете под присмотром легкомысленного кучера было опасно.

Таверна не отличалась ничем от обычного дома, вот только три этажа, несвойственные для дома бедняка, и многочисленные окна выдавали столовую. Зайдя в таверну, мы ощутили резкий запах вина и пива. За маленьким столиком сидел хозяин. Лысый мужчина лет пятидесяти ласково поманил нас вглубь коридора, поближе к камину: – Сэр, леди, добро пожаловать. Чем могу быть полезен? – стряхивая со шляпы и с плаща капли дождя, я присела в ответном реверансе, как и остальные женщины: – Сэр, на улице бушует непогода. Не могли бы Вы дать нам комнату на ночь и самый скромный ужин? – увидев непонимающий взгляд хозяина, я добавила: – Мы за все заплатим.

Расплывшись в улыбке, мужчина повел нас по узкой галерее. От его тела, пропитанного потом и пылью, меня едва не стошнило. С каждым шагом до нас все отчетливее доносились звуки грубой ругани и смеха. Разумеется, в таверне мы были не одни.

Перед нами показалась высокая арка, ведущая в какое-то помещение, но хозяин перегородил нам путь: – Леди, я хочу вас всех предупредить, что в общем зале не все присутствующие сущие джентльмены. Когда они увидят вас, то могут пойти на постыдные поступки. Такие случаи многократно случаются. И даже мои люди не могут спасти невинных дам от позора и бесчестия. Поэтому, будет лучше, если вы закутаетесь в темные, ничем не примечательные плащи, а капюшоны надвинете на лицо. Вы же, сэр, можете без опаски проходить, только молю, не ввязывайтесь в ссору или в драку. Миледи, – раздавая нам плащи, хозяин таверны беспокойно поглядывал вовнутрь зала. Я почувствовала в этом какую-то интригу, но промолчала, смотря в беспечные лица остальных путников.

Надев потертый плащ, я внезапно почувствовала, как в руку мне что-то скатилось. На ладони у меня лежал золотой медальон. Возможно, его кто-то забыл. Я уже подумала его вернуть, но увидела надпись «Секретно, но ради блага Госпожи». Незаметно спрятав безделушку со странными словами в карман юбки, я пошла за остальными.

В нос мне ударил запах немытых тел и прокисшего молока. Вино, эль, пиво лились рекой. В дальнем углу затеялась драка, слышались бранные слова. Да, таверна желала лучшего. Столы залиты спиртными напитками, на полу следы еще свежей крови от драк, скатерти грязные и пыльные. А бедные служанки, которые разносили еду и пытались казаться благородными...

Мгновенно мой взгляд впился в незнакомого мужчину, одетого по последней лондонской моде. Милорда охраняли шесть или семь вооруженных стражников. Лица этого сэра я не могла разглядеть из-за его шляпы, надвинутой на лоб. Но было понятно, что этот джентльмен не ради утех и ужина сюда пришел. Но тогда зачем?

– Кто этот милорд в широкополой шляпе? – спросила я хозяина таверны. Здоровяк стал бледней стены. Комкая свою маленькую шляпку, он буквально протолкал нас к ближайшему столу, подальше от подозрительного сэра: – Откуда мне знать, миледи? Обычный посетитель. Здесь таких полно, – недовольно буркнул толстяк. Несмотря на напущенное спокойствие, я услышала в его голосе нервные нотки.

Мои раздумья прервал поток грубого смеха и ругани из противоположного стола, где два пьяных гиганта попивали эль.

– Сэр, принесите же нам ужин! – не сдержалась я, смотря, как хозяин стоит возле нашего стола, покусывая свои обвисшие губы. Что – то буркнув, он пошел на кухню, давая приказания молоденькой служанке.

– Вы не заметили ничего подозрительного? – не унималась я, обращаясь к замерзшим и грустным товарищам. Но Амелия лишь брезгливо дернула плечами:

– Кроме вонючих пьяниц и грязных столов здесь нет ничего подозрительного, миледи. Ах, лучше мы бы спокойно ехали в карете, чем сидели тут, среди этого распутного борделя. Леди, может, уйдем отсюда? – прохрипела Амелия, с опаской смотря по сторонам.

– Я не собираюсь трястись в экипаже целую ночь. Сейчас поедем и попросим свободную комнату. А уже завтра утром продолжим наше путешествие. Сэр Питер, что с вами? – я перевела взгляд на приближенного королевы, который смотрел куда-то вдаль.

– Я не согласен с вами, мадам Амелия, я ту же чувствую какую-то интригу. Посмотрите, Вивиана, туда. Разве это не итальянский герб? – я обернулась. И правда, это был итальянский герб, высеченный на плаще того подозрительного милорда.

– Это итальянец? – вполголоса спросила я.

– Похоже, что да. Но странно то, что в Англии почти нет итальянцев. А этот сэр похожа на настоящего принца королевской крови, – к столу подошла служанка, неся на подносе четыре тарелки рыбного супа, несколько черствых пирожков с мясом и бутылку эля.

– Мисс, – обратился Питер к кухарке: – Могли бы вы кое-что для меня сделать? Я щедро заплачу.

Девушка удивленно подняла на советника свои серые, безвкусные глаза: – О чем вы? Если о развлечениях, то в таверне очень много публичных девок, готовых ради двух монет ублажать вас целую ночь и утро. А я порядочная леди, хоть и кухарка, – Питер схватил ее за руку, шепча на ухо: – Успокойтесь. Мне не нужно ваше тело, поберегите его для пылких юношей. Мне необходима информация.

– Информация? – рыжие брови служанки поползли на лоб. Питер резко развернул ее к итальянцу: – Кто он? Откуда? И зачем приехал в Англию? Отвечай! – сэр порылся у себя в плаще, нашел кошелек и отдал его кухарке: – Вот, ты получишь это, но, когда скажешь, что этот сеньор здесь делает. Иначе не только обещанных денег лишишься, но и своей прекрасной головки.

– Хорошо, я все скажу. Этот милорд – итальянец, его имя – Формандо де Романо.

– Зачем он сюда приехал? Какова его миссия? – Питер еще раз дернул девушку, но на этот раз в его руке сверкнул кинжал. На испуганные крики служанки сбежались все, кому не лень.

– Эй, дружок, зачем женщину оружием пугать? Хочешь позабавиться, тащи в спальню! Или же сначала хочешь кровь ее вен попробовать, чем кровь девственницы? – выкрикнул какой-то толстяк. Я не на шутку испугалась. Не нужно было сэру Питеру привлекать внимания толпы. Так у нас могли быть еще большие проблемы.

– Милорд, оставь даму в покое. Что тебе от нее надо? На пьяницу ты не похож. Но, что бы там ни было, поговори спокойно, а ножом махать каждый третий может, – вмешался светловолосый юноша.

– Не вмешивайся, парень. Эта женщина должна мне кое-что рассказать, – растолкав любопытных зрителей, Питер потащил служанку в укромный уголок, каким оказался захудалый вестибюль с соломенным полом. Оставив перепуганных женщин, я пошла вслед за сэром.

Мужчина прижимал молчаливую кухарку к стене, обхватив руками ее тонкую шею:

– Говори, дрянь! Говори, что вы задумали?! – прошипел он. Служанка зашлась судорожным кашлем, когда руки Питера отпустили ей. Упав на солому, она покачала лишь головой: – Я... я ничего не знаю. Оставьте меня в покое!

– Если будешь и дальше молчать, не выйдешь отсюда живой! Либо рассказ, либо мучительная, долгая смерть. Решай, – я вышла вперед, заслонив собой дрожащую девушку: – Сэр, с чего вы взяли, что она что-то знает? Может, она говорит правду. Отпустите несчастную, – Питер недружелюбно, даже грубо оттолкнул меня и сорвал с шеи кухарки медальон: – Вот, посмотрите. Это половинка кулона, на котором изображена роза, проткнутая кинжалом, – я порылась у себя в кармане, доставая ту безделушку со странной надписью, что нашла сегодня в плаще.

К ужасу, половинки сошлись. Это был медальон, но почему две его части находились в разных местах: – «Секретно, но ради блага Госпожи?» – прочитав надпись, советник королевы смертельно побледнел. Сжав до крови в своих сильных руках половинки кулона, он едва слышно прошептал: – Заговор.... Это заговор против суверенов! – я почувствовала холодный комок у себя в груди. Неужели их величествам угрожала опасность? Но от кого?

Питер швырнул служанку к стене, отчего у нее из носа хлынула кровь. Подняв обмякшую девушку, сэр приставил к ее горлу лезвие ножа: – У тебя есть время подумать. Когда я сосчитаю до трех, твоя головка покатится по этой соломе. Раз..., два...,

– Нет! Стой. Я все скажу. Только отпусти кинжал, – глухим голосом пролепетала кухарка, вытирая платком кровавые потеки у себя на лице: – Это, правда, заговор. Заговор против королевы. Через три дня ей должны преподнести отправленное вино, которое сначала убьет дитя в ее чреве, а потом и саму Екатерину Арагонскую.

Я стиснула зубы, прикрыв рот ладонью. Резкий прилив страха и тошноты комком стал у меня в горле. Я испуганными глазами посмотрела на ошарашенного Питера, который отпустил кухарку, после чего та выбежала в общий зал и смешалась в толпе.

– Мы должны спасти королеву! – решающий и громкий голос сэра вывел меня из оцепенения. Глубоко вздохнув, я лихорадочно потрясла головой, как будто пытаюсь отогнать пагубные мысли: – Но, как мы ее спасем? Через три дня мы не приедем в Лондон. Нужно минимум пять суток. Может, послать гонца? – мужчина покачал головой, теребя свою бороду: – Каждого гонца, миледи, проверяют и перечитывают письмо. Вы представляете, что будет, если оно попадет в руки тем, кто и замысливает убийство? Тогда не только королева, но и мы лишимся жизни. Нужно скакать в Лондон. Я отправлюсь сейчас же, буду ехать верхом день и ночь, в дождь и в ураган. Надеюсь, так я успею прибыть в Вестминстер через три дня и предотвратить смертельную опасность, нависшую над ее величеством. Вы же, милая дама, поедите со своими служанками в карете, только прошу, не переутомляйте себя, останавливайтесь в тавернах. Ко двору вы должна приехать красивой и не уставшей. Не забывайте, молодость – залог успеха в амурных делах, – он слегка коснулся губами моей руки. На мгновения я забыла, что должна сделать, но здравый смысл ко мне вернулся так же быстро, как и исчез.

– Сэр, – я удержала его за рукав.

– Слушаю, миледи.

– Я поеду с вами, на коне, – твердо произнесла я, наблюдая за выражением лица собеседника. Сначала он нахмурился, но потом расхохотался, как мальчишка, услышавший задорную шутку: – Вы прекрасная шутница, мистрис, но сейчас нам не до веселий.

– Я говорю вполне серьезно. Я поеду с вами, и точка, – Питер, услышав серьезность в моем голосе, замолчал и посмотрел на меня так, будто я постарела на сорок лет.

– Что? Но это невозможно! Я буду ехать три дня и три ночи без остановок, со скверными запасами еды и питья! Вы же будете только мешать мне! – меня поразила его открытость и хамство. Как он смеет мне что-то запрещать?! Что за невиданная дерзость?! – Сэр, я превосходная наездница. Три дня верхом – ничего особенного. Если Вы справитесь, то почему я не справлюсь? Или же вы считаете меня слабой?

– Нет, леди, я просто....

– Мистер, разговор окончен. Я поеду с вами, – смотря на растерянное лицо сэра Питера, я едва сдерживала смех. На самом деле, скакать без передышки – не очень хорошее занятие, но ради королевы я была готова на все.

Мелли и Амелия, услышав, что я еду вместе с Питером, пришли в такой ужас, что вся таверна обратила на нас удивленные взгляды. Но слушать перепуганных служанок мне не хотелось. Я и так все время была марионеткой родителей, и, несмотря на свой юный возраст, не хотела быть лишь пешкой.

Оставив еду на столах нетронутой, мы поспешили во двор.

Карету везли две лошади, и нам ничего не оставалось, как отвязать одну.

– Миледи, – обратился ко мне Питер, держа за уздечку черного, как ночное небо, коня: – Вам придется ехать со мной, сидя на заднем седле. Я понимаю, что вам будет неудобно, но второй кобылы для вас нет. Если хотите, конечно, можете присоединиться к своим дамам и безопасно ехать в экипаже. Решать вам, – я на мгновение задумалась. Но потом поняла, что отказ с моей стороны будет выглядеть, как трусость. Да и мысль о том, что на протяжении всего путешествия я буду сидеть позади Питера, обхватив руками его сильную спину, принесла мне удовлетворения и решимость: – Я готова.

Мистер тихо вздохнул, помогая мне взобраться на высокого коня. Спинка седла неловко уперлась мне в зад, и я едва смогла удержаться, чтобы не упасть. Дав какие-то распоряжения юному кучеру, сэр Питер вскочил на лошадь. Ощувив запах его тела, я невольно улыбнулась. Вцепившись ногтями в его камзол, я махала рукой на прощание перепуганным и поникшим Амелии и Мелли.

Кобыла, под своей тяжелой, живой ношей, помчалась по деревянному мосту. Хватая губами холодный, ночной воздух, я судорожно пригибалась, когда сухие ветви деревьев показывались над моей головой.

Глава 4

Огромные, зубчатые стены Вестминстерского дворца возвышались над Темзой. Холодный, сентябрьский воздух окутывал поверхность «королевской» реки, придавая хмурому зданию еще больший отпечаток тоски. Мы скакали по вымощенной булыжниками дорогой. Я едва держалась в грязном, поношенном седле, стараясь не приближаться к Питеру, от которого ужасно пахло конским потом. Я уже не цеплялась за спину англичанина, ибо его куртка теперь была похожа на лохмотья нищего: забрызганная грязью, порванная. Я понимала, что выгляжу не лучше. Мокрые от дождя волосы прилипли к лицу, чепец колыхался где-то на затылке, подол платья был запачкан в грязь, а полы плаща вообще разорвались. Несмотря на всю свою непристойную внешность, я ощущала еще и физическую боль от долгой скачки.

Когда наш конь остановился у внешних стен дворца, сэр Питер, с необычной легкостью, прыгнул с лошади, подавая мне руку. Я воскликнула, пошевелившись в седле. Боль в пояснице отразилась во всем теле, а ушибленное колено начало кровоточить. Вдобавок, я еще и замазала нижнюю юбку в кровь. Но было хорошо хоть то, что месячные начались уже после поездки. Стыдясь того, что кровавые пятна могут стать заметными, я прыгнула с кобылы, пытаясь держаться подальше от своего путника. Хромая и держась за низ живота, я побрела за советником королевы. Около высокой стены ворот нам перегородил дорогу мажордом и два стражника, одетые в цвета королевской гвардии. Они-то узнали сэра Питера и могли бы без опаски пропустить его, но вот на меня они обратили удивленные и непонимающие взгляды: – Мистер, наше уважение к вам безгранично, простите, что мы загораживаем вам дорогу. Но кто сия... леди? – тараторил на меня мажордом, с усмешкой произнося слово «леди». Да, на даму в таком виде я была не похожа.

– Эта леди – мисс Вивиана Бломфилд д’Эподюс, новая фрейлина ее величества.

Мажордом сморщил нос, охранники презрительно захихикали. Я вскинула подбородок, пытаясь придать своему жалкому виду хоть какой-то отблеск величия. С достоинством, присущим королевы, я прошла в пропускную галерею, под руку с сэром Питером.

Пропускная галерея, которая представляла собой длинный, открытый коридор, отделенный от других дворов лишь тонким слоем венецианского стекла, была завалена приезжими дворянами. Мне было известно, что по случаю наступления осени, король устраивал на днях турнир и бал. Десятки наряженных жонглеров, клоунов и шутов толпились возле дворцового, который тщательно проверял документы и пропускал во дворец лишь честных и достойных людей. По другую сторону располагались уже знатные придворные и аристократы. Иноземные герцоги, английские графы с других городов, приближенные дворяне монархов иноземных государств, все приехали по случаю большого турнира, о котором герольды гласили во все стороны Европы. В третьей части томились дамы, желающие поздравить королеву с тем, что ей вновь удалось забеременеть. Конечно, мало кто верил в то, что ее величество сможет родить здорового наследника английского престола после стольких выкидышей.

От запаха благовоний у меня закружилась голова, а пряткий запах, доносившийся из ближайшей кухни, где варили пиво, заставил меня вытереть губы платком, смоченным в отвар из липы, чтобы предотвратить прилив тошноты.

– Миледи, – обратился ко мне Питер, резко остановившись у фонтана: – Здесь полно народу. А мы не можем дожидаться тут несколько суток, прежде чем мажордомы соизволят проверить наши документы и пропустить в замок. Нужно идти через винный погреб и пивоварню. Лучше закройте нос платком. Запах вас не обрадует, – не дожидаясь моего ответа, приближенный Екатерины повел меня по резкому, мраморному склону, где сходились лестницы с верхнего этажа и ступени в погреб. Я воскликнула, когда увидела, что стою на узенькой дорожке, окруженной низкими перилами, через которые легко можно было упасть вниз.

– Эта лестница используется во время неблагоприятных ситуаций, таких, как пожар или внезапная атака дворца. Попробуйте идти, не смотря вниз, – мужчина взял меня за руку, легонько подталкивая вперед. Когда мы сошли на площадку винтовой лестницы, я с облегчением вздохнула. Здесь было тихо, но что-то насторожило мой слух. Повернувшись к двери погреба, я увидела чью-то мимолетную тень. Заметив, как я напряглась, сэр Питер поднес мою холодную руку к губам. От его теплых, даже горячих уст, я немного расслабилась, успокаивая свой взволнованный разум тем, что для трех дней скачки без отдыха, это еще нормальные переживания. Но внезапно раздался тот же шорох, только уже громче. Сойдя со ступень, я пошла к углу коридора, туда, откуда доносились странные звуки.

– Мистрис! – окликнул меня мистер, когда я уже отошла на большое расстояние.

Я лишь поманила его рукой. Недовольно вздыхая, Питер побрел за мной. На этот раз до моих ушей дошел уже не приглушенный звук, а крик, который услышал и мой товарищ: – Господи, что это? – я машинально нащупала у себя за поясом маленький кинжал. Ледяная рука страха с новой силой сжала мое сердце.

На этот раз мы слышали уже отчетливые шаги. Это окончательно развеяло мои сомнения. Стоять в тени в том момент, когда за углом происходит что-то неладное, показалось мне высшей трусостью. Да, тогда я была юной, пылкой девочкой, которая желала приключений. Ах, если бы тогда я знала, что мне придется пережить в будущем, я бы наслаждалась беспечной молодостью под крылом королевы, а не искала новых опасностей.

Не думая о последствиях, я пошла по коридору. В одно мгновения я увидела то, от чего крик сам вырвался из моей груди. На полу, купаясь в луже из собственной крови, лежала девушка, открыв рот в беззвучном вопле. Ее платье было порвано, а тело покрыто огромными ранами, из сердца торчал длинный нож. Я будто в страшном сне подошла к убитой. От ее распахнутых глаз, таких холодных и бездонных, что стыла кровь в жилах, меня невольно стошнило. Выплеснув содержимое своего желудка, я почувствовала, как руки Питера стали успокаивать меня ровными движениями по голове, будто я была маленькой девочкой.

– Кто... кто по... посмел? – язык у меня отяжелел и несколько слов я произнесла с ужасным натиском. Мне казалось, что во рту у меня все онемело, а тело забилося в конвульсиях.

Сэр Питер нагнулся над убитой, рассматривая ее истерзанное тело. Лицо бедняжки было покрыто кровоточащими ранами: – Эта несчастная жертва – Каримни дел Фагасона, испанка, приехавшая с ее величеством из Кастилии, любимица и фрейлина королевы, хранительница всех ее сокровенных тай. Смерть подруги нанесет королеве удар в самое сердце, а она беременна. Переживания ей сейчас не нужны. Ее величество на седьмом месяце беременности. Мне кажется, что будет лучше, если мы скажем ей об этом ужасном происшествии после того, как на свет появится дитя, – я краем уха слышала его слова, но все же восхищалась хладнокровием своего товарища. Это долгое путешествие, начало женских дней, которые всегда для меня начинались болезненно, и заканчивались болезненно, убийство девушки, причинили мне такую физическую и моральную боль, что я покачнулась, чувствуя, как из-под ног уходит земля, а перед глазами все плывет. Увидев, что я едва не падаю в обморок, сэр Питер придержал меня за локоть: – Вам плохо?

– Голова закружилась. Прошу, отведите меня подальше от этого ужасного места, – повинаясь моей просьбе, мистер отвел меня в погреб, усадив на лавку. Я смутно помню те мгновения, но то, что мне было тяжело дышать, а ужасная картина стояла перед глазами, я не могла забыть. Тошнота не отступала, и я почувствовала, как желудок свело судорогами. Мой истощенный организм от скудного, трехдневного питания, не мог вынести всех потрясений.

– Сэр, – я едва могла говорить от сухости в горле: – Мне кажется, что скрывать такое от королевы будет выглядеть не иначе, как преступление. Если мы ей ничего не скажем, нас обвинят соучастниками убийства. Нужно все ей немедленно рассказать, – я и сама удивилась своей остроумности в такой критической ситуации. Сначала Питер с интересом слушал меня,

но потом в нем что-то изменилось. Мягкость в глазах как будто заledenела, на скулах заходили желваки, а губы согнулись в тонкую полоску:

– Королева! Ей грозит опасность! Вино, *...отравленное вино!* Миледи, я должен спасти королеву. Это вопрос чести и долга. Я понимаю ваше состояние, поэтому оставайтесь здесь и ждите меня. Когда я буду уверен, что ее величество в безопасности, а тело леди Каримни будет отдано на обследование, я вернусь за вами, – сэр Питер ласково погладил меня по руке, прижимая мои похолодевшие пальцы к губам.

– Нет, сэр, вы не пойдете сам. Защищать королеву и мой долг, не забывайте об этом, мистер. То, что я сегодня увидела, пошатнуло уверенность моего разума, но сердце готова на все ради ее величества, – я бросила мимолетный взгляд на убитую, морщась и закрывая ладонью рот: – Она вся в крови. Если мы понесем ее к покоям Екатерины, следы останутся по всему дворцу. Нужно в что-то ее завернуть, – сняв плащ, я с отвращением, которое пыталась тщетно скрывать, укрыла окровавленное тело плотной тканью. Кровь забрызгала мне платье, руки и лицо. Отойдя на приличное расстояние, я смотрела, как Питер, совсем не испытывая никаких противоречивых чувств, берет труп на руки.

– Сэр, а, что делать с этой лужей крови? При всем моем уважении к королевской чете и к вам, я не буду это вытирать. Пускай такими омерзительными делами займется служанка, – мой товарищ обернулся, вперив в меня испепеляющей, до костей, взгляд.

– А придется, моя дорогая. Вы же не хотите, чтобы убийце стало известно, что его жертва найдена, но следы не убраны? Опытный преступник может этим воспользоваться. Оторвите кусок ткани от своей юбки и протрите все это. Не должно остаться никакого следа, – я хотела возразить, но вовремя замолчала. Я и правда понимала, что оставлять эту кровь не уместно для нашей щепетильной ситуации. Вздыхая, я сделала все, как просил сэр Питер. От запаха крови я поморщилась, но не остановилась. Я сама влипла в эту проблему. Если бы я не услышала никаких шорохов, мы бы и не знали, что за углом лежит телу убитой фрейлины.

Когда на полу не осталось никаких следов, я пошла за Питером. Здесь, в этих пустынных местах, где не было никого, я чувствовала себя нормально, но, когда мы вышли в придворные коридоры, я остановилась. Повсюду сновали разодетые дамы, галантные кавалеры, а я, несмотря на пятна крови, была еще и одета в порванное платье. Увидев мою тревогу, Питер с шутливым видом заявил, что я прекрасна в любом виде. Ничего не ответив, я побрела за советником королевы. И тут началось самое ужасное. Мы приближались к опочивальне Екатерины Арагонской, и там было вдвое больше людей, чем в остальных коридорах. Женщины ахали, видя Питера, который нес на руках Каримни. Мы так тщательно завернули ее в мой плащ, что никаких ран не было видно, и все думали, что девушка просто без сознания. Ах, как бы я хотела, чтобы это было так, но то, что я увидела буквально несколько минут назад, врезалось мне острым клинком в память.

Дверь комнаты королевы отличалась золотыми обводками и многочисленными украшениями. Стражники попытались нас остановить, но Питер, будто ничего не слыша, распахнул дверь покоев ее величества. От грохота все дамы подскочили со своих мест и устремили испуганные взгляды на нас. Воспользовавшись суматохой, я осталась в тени двери, пытаясь не привлекать к своей персоне внимания.

И тут из-под балдахина вышла сама королева. Сначала на ее бледном лице отразилось негодование, потом испуг. Екатерина, молча долю секунды, тяжело села на алое кресло, обхватив своими руками выпирающий живот. Взгляд испанки блуждал по всем покоям с таким удивлением, будто она видит свою комнату первый раз в жизни. Все замерли, ожидая реакции ее величества. Напряженное молчание, которое парило в воздухе несколько минут, решил прервать Питер, становясь на одно колено и поднося труп девушки к подножию кресла: – Ваше величество, я с большой скорбью сообщаю вам, что мадам Каримни дел Фагасона, вдова-девственница графа дел Фагасона, ваша верная фрейлина и подруга, была сегодня убита зверским

способом. С огромной болью я подношу к вашим благословенным ногам тело несчастной, – по опочивальни стали разноситься крики и возгласы. Несмотря на всеобщие протесты, сэр откинул плащ, представляя мерзкое зрелище. Застывшая кровь покрыла лицо и платье Каримни. Несколько дам лишились чувств, остальные с воплями подбежали к убитой. На перекошенных лицах женщин читался такой ужас, будто они увидели самого дьявола. Лишь королева оставалась молчаливой, холодной, с взглядом, устремленным в одну точку. Все ожидали от нее слез, стонов, рыданий, криков, но она была подобна мраморной мумии. Маргарет Поул, графиня Солсбери, аккуратно опустилась на колени перед повелительницей и взяла ее холодную руку в свои теплые ладони: – Мадам, вы меня слышите? Скажите хоть слово, прошу, – королева подняла взгляд на женщину, сжимавшую ее пальцы, и потом резко встала, перепугав фрейлин. Екатерина приблизилась к сэру Питеру и провела пальцами по окровавленной щеке Каримни, именно там, где была пятнадцатая рана на ее теле.

– Как это произошло? – едва слышно спросила испанка, осматривая запястье убитой, где были нарисованы кровью какие-то буквы.

– Миледи, мы шли к погребу, желая там передохнуть, и услышали шорох за углом. Когда мы пришли, труп... леди Каримни лежал весь в крови, на ее теле я насчитал пятнадцать неглубоких ран. И еще из ее груди торчал этот кинжал. Мы решили, что будет лучше, если мы сообщим вашему величеству все сразу, – Екатерина Арагонская подняла на собеседника удивленный взгляд: – Мы? – я поняла, что не смогу остаться незамеченной. Пришло и мое время сыграть роль в этой кровавой сцене. Сделав несколько шагов, я очутилась в центре покоев, на виду у удивленных дам: – Имею честь представить перед вами, королева-миледи, – присела я в реверансе так, как учила меня мать: гордо, выпрямив спину и не опуская головы. Я услышала хихиканья за моей спиной, но все померкло, когда мои глаза созерцали злобную гримасу королевы: – Сэр Питер, я же просила, чтобы вы не приводили во дворец нищенок! Что здесь делает эта попрошайка? Нужно было оставить ее за воротами дворца, дать хлеб и воду. Я не потерплю в резиденциях короля таких блудниц, – я залилась краской. Я знала, что в таком виде меня не ожидает теплая встреча, но то, что сама высшая сударыня отнеслась ко мне, как к нищей, задело мое самолюбие. Я краем глаза уловила, как Питер жестом попросил меня откинуть вуаль. Я это сделала с гордостью, бросив ее на ковер.

– Вы? – Екатерина знала меня, и, если бы не эта дьявольская вуаль, из-за которой мою лицо было полностью скрыто, испанка не унизила бы меня подобными словами.

– Я, ваше величество. Прошу прощения, что ввела вас в заблуждение своим видом.

– Простите, мистрис. Я не знала, что это вы, – уныло проворковала королева.

– Кто это? – спросили удивленные девушки.

– Вивиана Бломфилд, – подхватил Питер, неловко переминаясь с ноги на ногу. – Дочь знатного графа? Бретонка²? – воскликнула мадам Солсбери, окинув меня презрительным взглядом: – Ваше величество, это ошибка. Уважаемая леди Вивиана не выглядела бы, как потасканная нищенка. Кто-то специально ввел вас в заблуждение, обманул, – я едва сдерживалась, чтобы не дать этой змее пощечину. Хотя, я знала, что по происхождению Маргарет Поул выше меня. Она была рожденной от ветви Плантагенетов, королевской династии, которая правила Англией веками. А кем была я? Бретонкой, в чьих жилах текла древняя кровь повстанцев, графов, которые добились власти путем жестокой резни и государственных переворотов.

– Выбирайте выражения, ваше сиятельство, – буркнула королева таким же бесцветным голосом, каким и начинала разговор. Обернувшись ко мне, она спросила:

– Сударыня, мне бы хотелось узнать, что вы здесь делаете... в таком... виде? Я ожидала вашего приезда через неделю. Что произошло?

² Бретонка – в то время, как и сейчас, Уэльс был во власти лондонского правительства. Но люди, живущие на территории Уэльса, чаще считались бретонцами, чем чистокровными англичанами.

– Мадам королева, мы узнали кое-что, из-за чего не смогли усидеть на месте. В одной таверне мы увидели подозрительных итальянцев, потом спросили у кухарки, кто они. Девушка, не без протестов сказала, что на ваше величество готовится покушение. Вам должны будут сегодня преподнести отравленное вино, – я и сама удивилась тому спокойствию, с каким сказала эти слова. Но мое хладнокровие не перешло ко мне остальным. Королева стала бледней стены, лихорадочно теребя четки.

– И вы так долго молчали? – не сдержалась та же мадам Солсбери, буквально налетая на меня: – Вы понимаете, что скрывали то, что может принести вред всей стране, не говоря уже о королевстве? Да за такое вас нужно на виселицу отправить! – разбушевалась почтенная матрона.

Сэр Питер, который уже устал держать на руках труп, вмешался в этот неприятный разговор: – Сударыня, простите, что перебиваю вас, но миледи Бломфилд не виновата. Сколько неприятностей за один день.... Ваше величество, позвольте спросить, что дальше делать, – королева с горечью в глазах посмотрела на убитую фрейлину, но на этот раз уже не смолчала: – Что это за буквы у нее на запястье? Я раньше не видела таких символов, – я внимательно разглядела странные иероглифы, похожие на китайский язык: – Это не европейские буквы, мадам. Скорее всего, это язык восточных стран. Вот только, что здесь написано?

– Распорядитесь, что бы какой-нибудь ученый прочитал эту надпись, а потом пусть лекарь осмотрит тело Каримни, – паж, взяв на руки тело, уже хотел идти, но Питер его задержал: – Постой-ка, – мистер открыл рот Каримни и достал оттуда окровавленный кляп.

– Ей отрезали язык, миледи. Возможно, это нужно было для того, чтобы жертва не кричала во время увечий, а может, такое невиданное зверство что-то значит для убийцы. В любом случае, вашу фрейлину не вернуть, а расследованием заниматься нужно, – ответил Питер уверенным и громким голосом. Разумеется, он хотел сам заняться этим расследованием, но смотря на холодность и молчаливость королевы, можно было понять, что она своего любимчика не будет допускать к такому важному делу: – Сударь, для расследования есть придворный криминалист – мистер Анхорело Дебитти. Он раскрыл более десяти дворцовых убийств, и я уверена, что и это кровавое дело он доведет до конца. Мадам Фушурел, пригласите в мой кабинет герцога Норфолка, лорда-казначея Томаса Болейна, придворного криминалиста, офицера придворной стражи и герцога Саффолка. Пусть придут сегодня вечером. А для вас, сэр Питер, найдется более деликатное поручение. Вы лично проверите каждую бочку вина, каждую бутылку, каждый бокал и кубок. Возьмите с собой дегустатора и, на всякий случай, лекаря. Я хочу, чтобы все вино, находившееся во дворце, было проверено. Я не допущу, что бы яд находился во владениях короля и его семьи. И еще, вы уверены, что та кухарка сказала правду? Она могла соврать, чтобы получить вознаграждение, – парировала Екатерина. Ее высокомерный голос, положение головы, высоко-вскинутый подбородок, гордость в глазах, все говорило о том, что испанка знает себе цену. И это тогда, когда дыхание Анны Болейн было очень близко к трону. Что ж, теперь понятно, почему сию королеву все величали «гордой львицей». Хотя, я была не уверена, что настоящая львица престола не смогла бы родить сына государю. После стольких выкидышей и мертворожденных детей на свет появилась единственная дочь короля – одиннадцатилетняя принцесса Мария. Генрих молод, и если он не разведется со старой супругой, то сыновей ему не видать. Отогнав от себя пагубные мысли, которые могли только причинить мне вред, я устремила свое внимания на Екатерину.

– Миледи, – послышался тихий голос Питера: – Если я вас ненароком разгневал, простите. Я верен вам до конца своих дней, – глаза испанки вспыхнули. Жестким движением, убрав с лица кудри, королева сделала повелительный жест всем удалиться и оставить ее наедине с советником.

– Мадам д'Аконье, отведите леди Бломфилд в комнату и расскажите ей об ее обязанностях. Как я понимаю, багаж с вещами придет только через несколько дней. Пока дайте суда-

рыне платья леди Софии. Она в скором времени не вернется, надеюсь, что так...., – ко мне подошла худощавая, строгая женщина, одетая в верхнее платье бархатного покроя, застегнутое до самого подбородка. Из-под черного чепца выбились несколько седых локонов, костлявые руки быстро перебирали четки с некоторой небрежностью. Внешность этой матроны была отталкивающей, мерзкой. Лицо с выпирающими скулами казалось совсем белым, множество морщинок залегли под глазами и в уголках рта, очи имели серый оттенок с карим отблеском, ресницы и брови, казалось, совсем отсутствовали, губы сложились в плотную, алую полоску.

– Мисс Бломфилд, идемте за мной, – ко всем этим недостаткам приравнивался еще и скрипучий, неприятный голос.

Мадам д'Аконье подтолкнула меня, больно вцепившись своими скользкими пальцами мне в руку, затянутую белой перчаткой.

– Не годится девушке юных лет расхаживать в таком виде во дворце. И чему вас, уэльских девок, учат? – прошипела мне на ухо эта старая карга.

Я окинула ее злобным, вызывающим взглядом, вырвав у нее свою руку: – Не смейте оскорблять меня, мадам! Я не ваша служанка! Моя фамилия Бломфилд, и этим все сказано! Я родом из богатой и знатной семьи, мой отец – уважаемый граф! Какое вы имеет право так со мной разговаривать?! – едва не крича, ответила я, смотря, как морщинистое лицо этой ведьмы становится алым от злости, которую она пыталась сдержать в своей груди. Пыхтя и стискивая зубы, она подошла ко мне вплотную и провела пальцем по щеке: – Не стоило тебе, милочка, так со мной разговаривать. Все знают, что вражда со мной не приводит к добру. Немедленно извинись за то, что посмела дерзить мне! Иначе розгами избыю, как козочку, чтобы знала свое место!

Эта вспышка гнева и угроз показалась мне уже не шуточной. Дама, не имевшая власти надо мной, не стала бы говорить такие слова: – Мадам, кто вы, чтобы бросаться такими словами? Замечу, что меня бить имеет право только отец, мать, старший брат, слуги по приказанию их величеств, и все. А, кто вы такая? Уж не сама ли государыня, что смеее на фрейлину руку поднимать?

Губы старухи сложились в линию, а в глазах промелькнуло лицемерие и усмешка:

– Ты не знаешь, деточка, кто я? Что ж, пора вывести тебя из неведения. Меня зовут Марилино д'Аконье, я графиня Тулузкая, маркиза Пуатьейская, баронесса Викторинская....

– Я надеюсь, что Вы не собираетесь перечислять мне все Ваши титулы, мадам? Не так ли? – я почувствовала, как горячие дыхание этой итальянки обожгло мне шею и плечи. Она обхватила своими костлявыми руками мою спину и прошипела, подобно змее: – Но я забыла сказать главное, девочка моя. Я – наставница всех фрейлин английского двора, не достигших шестнадцати лет. Сама королева дала мне полноценную и неоспоримую власть над юными особами. Теперь вы понимаете, что находитесь в моей власти? Если я захочу, то вас выведут зимой на снег и оставят там в одном корсете и нижней юбке. Лишь девушки, которым исполнилось шестнадцать лет, либо те, кто уже обручены, могут делать то, что им заблагорассудится. И только ее королевское величество может их за это наказать, больше никто, кроме, конечно, родственников и жениха. Поэтому вы будете делать то, что я скажу, если не хотите, чтобы вашу прекрасную кожу истязали удары розгой. А сейчас довольно болтовни. Идемте за мной и ни слова о нашем разговоре. Поняла?! Ты же умная девочка, Вивиана, не так ли? И не захочешь нарываться на неприятности, да? У тебя их и так по горло. Первая из них: недружелюбие дам. Я же видела, как они на тебя смотрели. Даже в этом наряде ты красивей, чем они в роскошных туалетах. Но эта красота тебя и погубит. Ладно, идем. Чего стоишь, как статуя? Пошли, сказала, – я чувствовала, как дрожь бьет все тело. Смесь ненависти, испуга, непонимания, смешалась во мне, образуя стену удивление и слепого гнева. Еще никто, даже моя строгая матушка, не позволял себе так со мной разговаривать. Конечно, графиня меня бранила, и иногда и руку могла поднять, но никогда не унижала, не говорила, что я уэльская

девка, хотя сама ведь мать была не англичанкой, а полукровной француженкой. Я могла простить и сносить все, но только не унижения. И эта старая ведьма заплатит, что так со мной обошлась. Я ей покажу, какие на самом деле «уэльские девки».

Дрожа от злости, которая, как мне казалось, не помещалась в моей груди, я шла по коридорам за мадам д'Аконье, окидывая высокомерное лицо этой сварливой старухи неприятным взглядом. В ответ на мое нескрываемое отвращение, наставница юных фрейлин лишь презрительно фыркала, подталкивая меня вперед.

Мы оказались на верхнем этаже, где окна была в виде треугольников, а стены освещали лишь два канделябра. Марилино постучала в невысокую, деревянную дверь. Несколько минут ответа не было, но потом в проеме появилось лицо женщины, скрытое под кружевной вуалью: – Кто там?

– Открой, дуреха, это я, мадам д'Аконье! – пробурчала старая карга, оттолкнув незнакомую мне девушку и почти силой протолкав меня в узкий вестибюль: – Это новенькая. Наймешь ей учителя, пусть продолжает занятия. А мне пора, некогда с тобой болтать. А ты, девочка, – склонившись к моему уху, сказала старуха: – Если хоть одна живая душа узнает о нашем разговоре, солнца тебе не видать, так и сгниешь в темнице, и, поверь, я устрою все так, что тебя никто искать не будет. И сними эти лохмотья, – больно ткнув пальцем мне в бок, она скрылась, а девушка в вуали жестом попросила меня войти в комнату, из которой доносились смех и веселые разговоры. Поняв, что сейчас мне предстоит в таком виде очередная встреча с дамами, я попыталась разгладить руками смятую юбку, но ничего не получилось. Подняв подол платья, я зашла в покои и моим глазам представилась умильная картина. Трое молоденьких девушек сидели на шелковых подушках, а у их ног играли ослепительные, рыжие собачки с белыми пятнышками на спинке. Одна собачка буквально запрыгнула мне на руки, а другая стала тявкать, кусая подол моего платья своими зубками.

– Эй, Отважная, а ну оставь платье нашей новой госте! Уверенна, что барышня не на такой прием ждала! Не так ли, милочка? – вскрикнула голубоглазая блондинка, со смехом беря на руки маленького зверя, которого, как я поняла, звали Отважная.

– Это новенькая, – оповестила девушка в вуали и ушла.

– Мирин, сестра, пойди, скажи девочкам, пусть уже приходят. Королева сегодня желала к обеду нас видеть, опоздать будет неприлично. Шекена, а ты, пожалуйста, отведи собачек на кухню. Там, наверно, вкусеньким пахнет. Ну, идите, – когда дверь за девушками захлопнулась, блондинка стала с нескрываемым удивлением рассматривать меня: – По твоей одежде, голубушка, за служанку тебя принять можно, вот только осанка, внешность, все говорит, что сударыня ты, а не горничная. Не так ли?

Вольный тон незнакомки не о чем хорошем не говорил. Возможно, в тот день я была слишком напугана и рассержена, что не поняла, что сия особа почти ровесница мне. Но все же реверанс я сделала, после чего блондинка залилась смехом: – Ну чего ты кланяешься, будто я сама государыня, прости Боже? Я такая же, как и ты. Ровна ты мне. Ну, чего стоишь? Проходи, садись.

– Кто ты такая? – буркнула я, но через мгновение пожалела о сказанном, смотря, как лицо моей собеседницы приобрело угрюмость: – Да-да, сразу видно, что не подружиться мы. Я к тебе со всей душой, любезничаю, а ты грубишь?

– Прости, я не хотела тебя обидеть, – извинилась я, опуская фиалковые глаза

– Ладно. Я не обижаюсь. Меня зовут Лилини Зинг, я фрейлина ее величества, думаю, ты и сама об это знаешь. Ты то кто такая? – оценивающий взгляд собеседницы опять скользнул по моему лицу и платью.

– Меня зовут Вивиана Бломфилд, я приехала из Уэльса. Лилини, а кто те две девушки, что были здесь несколько минут назад?

– Одна из них – Мирин, моя сестра, полная противоположность мне. Она такая замкнутая, чопорная, что общение с ней – истинная мука. А вторая – Шекена, сирийка, чудом попавшая во дворец. Этой мусульманке и вправду повезло. Когда арабские бедуины совершили набег на город Сирии, семья Шекены была вынуждена бежать в Англию, к дальним родственникам, которые, как потом выяснилось, умерли два года назад. В Йорке презирали и презирают всех посланников пророка Мухаммеда и поэтому родителей Шекены убили на площади около Маргаритского монастыря, а девочку взяли в плен, как рабыню. Однажды, когда сирийка с другими невольницами работала на палящем солнце, проезжала неподалеку карета самой королевы. Ее величеству стало жаль девочку, которую тогда били палками, и она взяла ее с собой в Лондон. Три года Шекена обучалась в придворном пансионе, а на двенадцатом году жизни вошла в свиту Екатерины Арагонской. Сейчас ей около пятнадцати, и эта единственная история, которую я слышала из уст молчаливой мусульманки. Мне жаль Шекену, девушка она хорошая, добрая, зла никому не желала и не желает. А такое горе обрушилось на нее много лет назад. Несправедлива все-таки судьба, – я слышала, как задрожал голос Лилини. Возможно, эта печальная история задела струны и в ее душе. Увидев, как одинокая слезинка скатилась по щеке фрейлины, я предпочла молчать о дальнейших вопросах. В каждого человека есть тайны, секреты, которые гложут и медленно истязают душу. И когда эти тайны озвучиваешь, в душе будто что-то лопается, что-то теряется. Покачив головой, я попыталась собраться с мыслями, но что-то не давало мне покоя.

– Лилини, ты слышала, что произошло с фрейлиной Каримни? – моя собеседница потрянула своими рыжими волосами, и ничего не отвечая, подошла к решеточному окну: – Какое мне дело до убитой девки? – эта жестокость заставила меня вытаращить глаза.

– Как ты можешь так говорить? Судя по слухам, леди дел Фагасона была лучшей подругой королевы, а ее величество плохое окружение не стала бы выбирать для своей августейшей персоны. И даже если бы Каримни, пусть Господь примет ее в рай, была злой, это ничего не меняет. Все равно ее жаль. Такая молодая, а нажила смертельного врага...

– Довольно! – неожиданно перебила меня Лилини, поднимая руку. Я вовремя отклонилась от ее пощечины: – Я не желаю больше этого слушать! Ты ничего не знаешь о жизни этой развратницы! Это из-за нее все мои беды! – выкрикивая эти слова, фрейлина побежала к двери, едва не сбив с ног заходивших девушек.

– Что это с ней? – спросила пришедшая Мирин, удивленно наблюдая, как сестра выбегает из комнаты.

– Не знаю. Она ваша сестра, вам лучше знать характер и проблемы сестрицы. Когда я заговорила об убитой мадам Каримни, Лилини разозлилась, вскочила с кресла, говорила нечестивые слова о покойной, потом убежала, – я заметила, как лицо Мирин тоже приобрело бледность, в глазах вспыхнул и потух какой-то ненавистных огонь.

– Мадам Каримни была очень красивой, умной, образованной женщиной, пользовалась вниманием знатных придворных и самого короля. У нее было много завистниц, недоброжелательниц, соперниц. Мне кажется, что агрессия моей сестры связана просто с женской завистью. А вообще, я бы тоже не хотела слышать имя этой дамы. Пусть ее душа будет упокоена, а убийца найден, – девушка окрестила себя крестным знаменем, но это не скрыло ее гнева. Почему сестры Зинг так ненавидят убитую? Увы, ответа на этот вопрос я пока дать не могла.

Вечером все юные фрейлины собрались в покоях ее величества. Екатерина была молчалива, грустна, лишь изредка едва заметно улыбалась на шутки, все время обеспокоено опускала руки на живот, будто стараясь убедиться, что там все еще дышит дитя. Королева, возможно, уже знала и чувствовала, что этому ребенку не суждено появиться на белый свет. Весь двор кипел слухами о том, что знаменитая венгерская гадалка и целительница сказала испанке, что у нее будет лишь одна дочь, а все предыдущие и последующие беременности будут обрываться.

Да, мало кто верил, что после стольких выкидышей жена короля сможет произвести на свет сильного, здорового мальчика.

Я внимательно разглядывала королеву, сидя на подушке у ее ног. Постаревшая, с морщинистым лицом, пополневшая, похожая на старую матрону, а не на супругу молодого и веселого короля Англии. Беспорядочными, тяжелыми складками на ковер падал подол черного, с золотистой вышивкой у горла, марлот³, а треугольный чепец скрывал посидевшие волосы. В Екатерине Арагонской не было ни грации, ни молодости, ни страсти. Я была уверена, что такая скучная дама не интересна не только в общении, но и в постели с монархом.

– Леди Вивиана, я слышала, что у вас прекрасный голос. Спойте нам какую-то песню. Я уверена, что это вам не чуждо, – раздался голос королевы. Я ощутила, как легкая дрожь стеснения и боязни пробежала по всему телу, от головы до ног. Петь в присутствии ее величества – слишком большая обязанность, а я не была уверена, что мой голос достаточно хорош для королевских ушей. Но отказать я не могла. Взяв в руки лютню, я стала медленно, пытаюсь собраться с мыслями, касаться пальцами струн. Я сама удивилась, какая легкая, воздушная музыка звучала из-под моих рук. Увидев одобряющие кивки присутствующих, я запела, чувствуя, как между чистых нот проскальзывает дрожь:

«Серел туман над городом, серели облака, и солнца скрылось
за горизонтом мира. И наступила ночь-волшебница, меня околдовал собой.
Свеча горела над кроватью, а в окно пробирался ветер. Казалось, счастье
рядом, но и далеко...»

– Bravo, миледи, – голос донесся из коридора. Обернувшись, я увидела короля.

– Ваше величество, – я вмиг прекратила петь, вскочив с подушек и уронив лютню:

– Простите, я вас не заметила, – присев в реверансе, я ощутила на своей шее горячее дыхание милорда, ибо он стоял так близко ко мне, что наши тела едва не соприкасались.

– У вас прекрасный, серебристый голос, сударыня. Раньше я не видал вас при дворе, возле моей супруги. Вы недавно приехали? – я кивнула, неловко морщась, когда влажные губы Генриха скользнули по моей руке.

– Меня зовут Вивиана Бломфилд, сударь, – улыбнувшись, король отошел в сторону, представляя моему взору какого-то незнакомого мужчину. Нет, не мужчину, а прекрасного юношу.... У меня перехватило дыхание, а сердце стало гулко биться о ребра, когда я увидела этого незнакомца. Высокий, широкоплечий, с гордой осанкой, достойной льва. Он стоял, смотря на меня, стройный и статный. Я почувствовала, как кровь прильнула к лицу. Мне казалось, что я тону в его бездонных, голубых глазах, тону в омуте наслаждения. По телу пробежала сладкая истома, голова шла кругом. Что это? Любовь? Возможно, любовь с первого взгляда....

Тряхнув головой, отгоняя греховные мысли, я присела в реверансе, понимая, что мое замешательство заметили уже все. Больше всего не хотелось казаться легкомысленной девчонкой, которая влюбляется в каждого красавца.

Незнакомец шагнул вперед, галантно поклонившись. И тут все мое внимание обратилось на его вид. Красивое, гладковыбритое лицо, обрамленное рыжими, с каштановым оттенком, волосами, ярко-голубые очи под темными бровями казались омутами, ровный нос с едва заметной горбинкой придавал юноше мужественность и отвагу.

– Мистрис, – юноша поцеловал мне пальцы, немного задержав губы на моей руке.

– Сударыня, это мой камердинер – сэр Лиан Беверли, – рассеял мои мечты король. Комнатный слуга, лакей.... Как это все унижительно для мужчины. А я-то думала, что сей молодой человек – отважный рыцарь, знатный лорд. Как же я жалела, что родилась будущей графиней. Будь я крестьянкой, меня бы не волновало, что Лиан – слуга. Ах, матушка бы стыдила меня,

³ *Марлот* – распашное от шеи платье, без талии.

что мне приглянулся безродный камердинер. Но разве происхождение имеет значение? Увы, для леди голубых кровей – это самое главное.

– Я очень рада знакомству, мистер Лиан, – бесцветным голосом ответила я. Слуга не достоин моего внимания, пусть даже не надеяться на мою благосклонность или на женское внимание.

– Миледи, спойте еще что-нибудь. Ваш голос поистине волшебен, – попросил Генрих, садясь подле Екатерины. Опустившись на свое место, я согласно кивнула. Лиан стояла напротив меня, и я отчетливо могла видеть каждую деталь его костюма. Темно-серый дублет ни имел никаких украшений и вышивки, кроме чеканного пояса, а узкие штаны-чулки были обвиты у колен кожаными ленточками. Золотистые волосы Лиана едва заметно скрывал маленький барет, сколотый серебристой пряжкой на затылке.

И тут я поймала на себе взгляд камердинера. Он смотрел на меня, загадочно улыбаясь. В эту минуту все будто перестало существовать, были только мы. Пытаясь взять себя в руки, я отвела взгляд от мистера Беверли и запела английскую балладу:

В палестинской святой опаленной земле
Сарацина стрелою сраженный,
Утопая в бесплотной предательской мгле,
Я шептал Ваше имя, Мадонна.

Уходили, бледнели друзей голоса
Запах Сены, кварталы Парижа,
И последнее, главное – Ваши глаза,
Те, что я никогда не увижу

Я хотел Вас коснуться, хотя бы слегка,
Только этому что-то мешало,
Как-то странно и быстро немела рука,
И лишь пыль между пальцев стекала,

В бесконечной ночи – хоры ангельских труб
Мне почудилось, или случилось?
Ветер? Или касание легкое губ...,
И слеза..., Как последняя милость

Облака проплывали в открытых глазах,
Застывало, не выдохом – стоном,
На уже непослушных холодных губах

Ваше имя навеки, Мадонна...⁴».

Это была мужская баллада, которую пели воины, прощаясь со своими дамами перед крестовыми походами. Я не могла понять, почему именно эта песня пришла мне на ум, но, когда я ее пела, мне казалось, что я возношусь до самого неба, к лазурным облакам, касаясь руками солнца. Но оно не жгло огнем, а приятно, ласково грело. И только закончив петь, я обнаружила, что Лина сидит рядом со мной, смотря своими голубыми глазами на лютню, по которой я водила пальцами, создавая чудесную мелодию.

⁴ Английская песня-баллада «Прощание».

– Я сражен в самое сердце, миледи. Когда я вас слушал, мне казалось, что я сижу в райском саду, попивая божественный напиток, а мое тело касаются прохладных струй фонтана. У вас не только ангельская внешность, но и ангельский голосок, – с этими словами камердинер встал, помогая подняться и мне. Где такое видано, чтобы слуга так вольно и дерзко обращался с госпожой? Но сейчас мне не хотелось об этом думать, ибо и разум, и сердце, и, к стыду, мое тело, все тянулось к Лиану.

– Ваше величество, если позволите, я хотел бы сделать мистрис подарок, – королевская чета согласно кивнула, а фрейлины с усмешками устремили на нас свои змеиные глаза. Что мог подарить слуга? Вышитый платок, флакончик с духами? Я ахнула, когда увидела великолепную красоту, представленную моему взору.

На ладони юноши лежало золотое колечко с гранатом, высеченным в виде сердца:

– Я знаю, что этот подарок не достоин вас, но это все, что у меня есть. Это кольцо принадлежало еще моей матери. Я пообещал себе, что отдам его только той, которая приворожит меня. Теперь моим единственным желанием является увидеть это скромное украшение на вашем нежном пальчике, – эти пылкие признания Лиан произнес шепотом, чтобы никто, кроме меня, их не услышал. Я молча, с грустной улыбкой наблюдала, как мистер Беверли проворными движениями одевает колечко мне на палец. Алый камень казался огромным на фоне моей белоснежной коже.

Раскрасневшись, я отдернула руку с некоторым пренебрежением, чем вызвала некий гнев на лице Лиана. Его лицо стало замкнутым, глаза потускнели. Отстранившись от меня, будто я была ночным призраком, сэр Беверли обернулся к сюзеренам, нагнув голову так, чтобы они не могла видеть его разгневанное, но и расстроенное, лицо: – Милорд, миледи, с вашего позволения я удалюсь. Ваше величество, мне не обходимо закончить некоторые дела в городе и поэтому, разумеется, с вашего одобрения, я вернусь поздно вечером, – король кивнул, продолжая что-то нашептывать Екатерине. Судя по выражению лица испанки, речи мужа совсем не порадовали ее.

– Оставьте нас! – крикнула королева, после чего все вскочили со своих мест и устремились к выходу. Так получилось, что фрейлины вышли первыми, а я шла последняя, рядом с Лианом. Остановившись за поворотом коридора, там, где нас никто не мог услышать и увидеть, я коснулась руки юноши и почувствовала, как он сжал пальцы в кулак: – Пойдите, мистер. Я понимаю, что, возможно, обидела вас. Простите, я не хотела, – Лиан так резко повернулся ко мне, что едва не наступил на подол моего платья: – За что вы извиняетесь, мисс? Не стоит так унижаться перед слугой!

Ах, эти мужчины! Не зря говорят, что они могут читать мысли женщин по глазам, манере разговора и даже, по губам, когда они молчат. Но мне не хотелось утверждаться в этом на собственном опыте. Сначала, с первых минут нашей встречи, я чувствовала пренебрежение к Лиану, как к камердинеру, но теперь я понимала, что передо мной – не мальчишка-слуга, а взрослый и отважный юноша. Этот ровный и спокойный голос, исходивший с его губ, казался холодной водой в жаркий день.

– Сэр, неужели вы будете гневаться на женщину? Ведь французский поэт учил мужчин прощать сударыням их слабости, – я рассмеялась, пытаясь подтвердить свои шуточные слова смехом.

Несмотря на всю серьезность, кончики губ мистера Беверли тоже изогнулись в улыбке: – А вы, леди, читаете французскую литературу?

– О, да, я обожаю все французское! Вот только есть кое-что, что в Англии лучше, чем во Франции, – я загадочно провела пальцем по напряженной руке Лиана.

– Что именно, моя леди?

– Мужчины. Англичане мне нравятся куда больше, чем французы, – я не была уверена, что мой собеседник англичанин, но должна же была я как-то выказать ему свою симпатию.

Голубые глаза юноши посмотрели на меня насмешливо и игриво: – И, чем же?

– Французы дерзки и вольны. Если им понравилась женщина, они готовы без куртуазного общения завладеть не сердцем, а телом дамы, прости меня, Господи. А англичане могут долгое время ухаживать за дамой своего сердца, делать ей пикантные подарки, заводить интересные разговоры, но при этом, ни словом, ни взглядом, ни жестом, не оскорблять честь соей сердечной избранницы. В этом и вся разница.

– Вы знаете нравы французов так же хорошо, как и человек, проживший среди них всю свою жизнь. Это похвально, но и унижительно. Не идет девушке говорить о бесчестии в присутствии почти незнакомого мужчины. Подумайте об этом, прежде чем распускать свой острый язычок в королевских стенах, – даже не поклонившись, не попрощавшись, Лиан скрылся за углом, а я стояла, будто в меня ударила молния. То, что сейчас я сама оттолкнула от себя мужчину, пугало и гневало меня. Еще никогда я не разговаривала с юношами наедине, никогда не рассуждала о плотском грехе прелюбодеяния и блуда. Сам дьявол потянул меня за язык. И тут я вспомнила предостережения Амелии в тот день, когда мы собирали вещи в путь. Она говорила, что во дворце монарха можно лишиться жизни из-за неаккуратного слова или действия. Но она умолчала о том, что можно потерять и кавалеров. Господи, какой я еще ребенок, не знавший ничего о жизни и любви! Разумеется, Лиану лучше с опытной, в соблазнах, дамой, чем с девочкой, едва достигшей четырнадцати лет. Испытывая гнев и зависть ко всем, кто попадался мне на пути, я побрела в комнату юных фрейлин, молясь, чтобы мне не встрети­лась мадам д'Аконье.

Но мои молитвы услышал не Бог, а сатана. Ибо зайдя в покои, я обнаружила эту старую ведьму в опочивальни. Девушки столпились вокруг нее, как собаки около мяса, что-то расспрашивали, ойкали и вздыхали. Услышав мои шаги, все обернулись и замолчали.

– Где вы были, леди? – проворчала Марилино, как всегда, хриплым и скрипящим голосом.

– Прощу прощения, мадам, если опоздала. Но мне никто не говорил о собрании всех девушек. Если бы я знала, то пришла бы раньше, – уходя от ответа, почтительно парировала я.

– Что ж, если все юные особы собрались, я должна поведать вам истинную причину своего прихода в ваши покои. Сегодня утром его светлость, герцог Саффолк, оповестил меня, что хочет выбрать девушку из окружения королевы для своей супруги. Принцесса Мария грустит в отсутствие мужа, и Чарльз Брендон считает, что какая-нибудь остроумная леди сможет развеять тоску герцогини пением, танцами, разговорами, впрочем, всем, что будет интересно ее светлости. Я решила подобрать такую мистрис из вашего общества. Та, кого я выберу, станет старшей фрейлиной принцессы-герцогини. Леди Вивиана, мой выбор пал на вас. Вот только есть одна проблема. Избранная девушка должна привлекать умом внимание герцогини, а не красотой – герцога. Сестра короля слишком боится, что муж ей будет изменять, а появления хорошенькой девчушки может это ускорить. И что бы не вызвать гнев Марии и интерес Чарльза, я решила Вас, леди Бломфилд, превратить в матрону-вдову.

Я стояла с открытым ртом, будто мне сказали про конец света, упаси Боже. Может, хватит сюрпризов и неприятностей за один день! Мне хотелось спать, отдохнуть, почувствовать нежное прикосновение простыней, а не стоять и пугаться выдумок этой карги.

– Я не понимаю, мадам, что вы хотите этим сказать? – услышала я свой голос, будто из далека.

– Вы слишком красивы, леди, что бы отправлять вас в замок любвеобильного герцога. Но если он увидит вместо вашей красоты вдовью старость и грузность, то всякий интерес у его светлости пропадет. Успокойтесь, я не буду уродовать ваше прекрасное личико, и обстригать волосы. Просто я знаю такую пудру, которую наносят на лицо, когда хотят изобразить подобие морщинок. Именно это и коснется ваших щек и век. А волосы мы просто зачешем назад и окунем в муку, после чего Ваши черные кудри станут на вид седыми. Вы оденете пенсне и вдовью

одежду, и уже никто не узнает в вас молоденькую девушку. Вашу новую биография я расскажу потом, – меня будто облили кипятком. Сдерживаясь, чтобы не напасть на эту старухи и не царапать ей лицо, я несколько раз глубоко вздохнула, пытаюсь казаться спокойной. Изображать старую вдову, портить себе волосы и лицо мукой я не собиралась.

– Это приказ королевы?

– Королева даже об этом и не ведает. Это мой приказ, мое желание. И вы, милочка, должны, нет, обязаны меня послушаться. В противном случае я так оклеветают вас, что вы не сможете выйти из своей комнаты без вуали. Это не пустые угрозы, а слова, имеющие очень большой смысл. Ну же, соглашайтесь. Этим вы уберете себя от ненавистного брака с австрийцем, – последние слова Марилино были сказаны с такой злостью, что я уже не могла сомневаться в том, что ей все известно. Неужели она заодно с моей матерью? Ведь графиня заключила со мной пари, и один Бог знает, зачем ей отсылать меня в Суффолк под видом вдовы.

– Мадам, вы не можете без позволения ее величества отсылать меня к французской королеве⁵. И еще, знает ли об этом моя мать?

– Графиня Бломфилд, давая свое согласие на то, чтобы вы стали фрейлиной миледи, подписала и еще один документ, в котором говорилось о том, что после того, как вы переступите порог резиденции монарха, вершить вашу судьбу может королева и ее верные подданные. Поэтому, я считаю, что ни вашей матушки, ни самой Екатерине Арагонской, не нужно знать о моей затее. Такие пустяки не должны тревожить высший свет общества. Ваши родители отдали вас в полную власть сюзеренов и больше они не могут безраздельно владеть вами. Отныне и до замужества, вы – собственность английского двора. Поймите это и смиритесь. Не пытайтесь пойти наперекор судьбе, поскольку долю леди голубых кровей решают те, которые имеют над ней власть, вы же не властны над своей судьбой. Примите это и не нужно надеяться на то, что, когда-нибудь вы сможете сами принимать решения. Этого не будет, – эти слова отрезали все мои мечты и надежды.

Не сказав больше не слова, сдерживая слезы и отчаяние, я вышла из комнаты и побрела по коридору. Я не видела всех зигзагов галереи, не замечала удивленных взглядов придворных, обращенных на меня. Для меня существовала лишь моя тупая, не имеющая начала и конца, боль, боль, которая холодным ножом вертелась у меня внутри. Хотелось плакать, но не было сил. Почему мне так плохо? Почему все будто перестало существовать? Почему день для меня превратился в вечную и нескончаемую ночь? Что это за гул в ушах, что за ураган ощущений в голове? И тут меня будто обжог огонь, такой приятный, теплый, не похожий на что. Огонь, ярким светом освещавший мой путь. Это был Лиан.... Он стоял, смотря на меня печальным взглядом своих бездонных глаз, похожих на синие омуты летом. Внезапно я почувствовала, как от сердца отлегла кровь, как холодная волна захлестнула разум. Не замечая ничего, я побежала к мужчине, который был смыслом всех моих печалей и радостей. За окном сгустились вечерние сумерки, заметно холодало в просторных коридорах дворца, но для меня это будто было где-то в другом мире, в другом измерении, там, где нет ничего, кроме ночи и дня. Я вцепилась руками в кожаную куртку камердинера и стояла, не шевелясь, лишь смотря на него. Я будто через сон почувствовала, как его теплые ладони накрыли мои запястья, как его губы стали так близко к моим губам, что я чувствовала его дыхание. Порыв свежего ветра, огонь наслаждения, все захлестнуло меня, как пламя дерева. Хотелось, чтобы это мгновение не кончалось никогда, что бы все это длилось вечно, чтобы мое сердце билось в унисон с сердцем моего избранника.

⁵ Мария Тюдор (сестра Генриха VIII) была первый раз замужем за французского, старого короля Людовика XII. Даже после его смерти и нового замужества, Марию называли королевой Франции, и очень редко, герцогиней Саффолк.

– Вивиана... – будто из далека, из неба, услышала я свое имя: – Что с тобой? Почему ты плачешь?

Внезапно я ощутила, как мои руки стали холодеть, а в глазах мгновенно потемнело. Что-то большое, зловещие накрыло меня с головой, лишив обладания над своим разумом. Земля стала медленно, мучительно уходить из-под ног, все закрутилось перед затуманенным взором. И тут я услышала женский, приглушенный голос, такой тихий и неясный, казалось, что он доносится из бездны: «Ты – одна из нас, в тебе течет наша кровь, а этот мужчина – твоя смерть». Слова, слова, слова... Они лились непонятно откуда, лились, забирая меня в свой поток, лишая всего, что у меня было. Хотелось уже не плакать, а кричать, кого – то звать, проклинать. Удар, потом еще один, и еще... Все мое тело содрогнулось, изогнулось дугой. Боль... Ее было много, но где ее начало и конец?..

И тут я вскрикнула, мгновенно открыв глаза. Я стояла, упираясь об руки перепуганного Лиана. Что это было? Сон? Нет, это не могло быть сном, ибо во сне я был не чувствовала такой дикой боли и такого непонятного счастья. Голова болела, была тяжелой, как камень.

– Сэр Лиан?.. Вы?.. Что... со мной? – постепенно я стала приходить в себя, чувства возвращались на места. Господи, что со мной произошло?!

– Миледи, я... сам толком ничего не понял. Я шел по коридору, потом увидел вас. Вы стояли, такая бледная, дрожащая, из ваших глаз лились слезы. Потом вы подбежали ко мне, стали рыдать, уткнувшись лицом в мою куртку, пошатнулись и едва не лишились чувств. Это произошло все так быстро, что я ничего не понял.

Краска стыда залила мне лицо, стала жарко и неудобно. Убирая с лица растрепанные волосы, я пыталась отводить взгляд от глаз камердинера. Мне не хотелось, чтобы он считал меня сумасшедшей, но то, что со мной произошло, и было сумасшествием.

– У меня просто закружилась голова, – тихо пролепетала я, отходя от Лиана на приличное расстояние: – Мне пора, – я собралась уходить, но внезапно руки сэра Беверли схватили меня. Он насильно развернул меня к себе. В одно мгновение, ничего не поняв и не осознав, я почувствовала, как мои губы сошлись с губами Лиана. Мне стало трудно дышать, голова пошла кругом. Я хотела вырваться из крепких рук слуги короля, но у меня не было сил, я не могла прервать это сладостное мгновение. Но понимая, что нас могут увидеть, я резко отошла от юноши и влепила ему пощечину. Не ожидая от меня такой грубости, Лиан отшатнулся, прядь его золотистых волос упала на лоб: – Что вы себе позволяете?! – в гневе вскричала я. Все мое самообладание вернулось, и я понимала, что моя гордость была уязвлена. Воспользовавшись моей мимолетной слабостью, этот мальчишка решил обесчестить меня. Дрожа от злости, я подошла почти вплотную к камердинеру и с вызовом посмотрела ему в глаза: – Мне ничего не стоит раздавить тебя, как надоедливую мошку. Кем ты себя возомнил? Запомни, ты – раб, не имеющий ничего, а я – госпожа, у чьих ног половина Уэльса. Ты не волен над своим прошлым, над настоящим и над будущим. Тебя продадут, как невольника в другой замок, к другим хозяевам, у тебя нет будущего. Вся твоя жизнь заключается в рабстве и подчинении. Даже если бы король пожаловал тебе титул и земли, ты все равно остался бы пленником. Еще раз ты позволишь себе коснуться меня, обещаю, что этот раз станет последним. Я уничтожу тебя, и никто меня в этом не упрекнет! – я говорила и говорила, не замечая, как лицо камердинера становится ледяным, как лед, а руки сжимаются в кулаки. В одно мгновение меня будто ударила молния, в ушах зазвенело. Не удержавшись на ногах, я отлетела в другой угол коридора, зацепив подолом платья вазу, после чего та разбилась. На звук сбежали придворные. Все онемели, увидев картину, представленную им. Я лежала на полу, шокированная тем, что раб посмел ударить меня. А Лиан стояла надо мной, возвышаясь, как скола. На крик дам стали сбегаться лакеи. Если бы не они, то, возможно, моя щека отведала еще одну пощечину от рук мистера Беверли. Оттащив от меня моего обидчика, слуги помогли мне подняться. Испуганная и удивленная, я смотрела, как два стражника поволокли сопротивляющегося Лиана по галереи.

– Куда его ведут? – спросила я у какой-то служанки.

– В темницу. За то, что он посмел поднять руку на свободную женщину, его ожидает наказание.

– Наказание? – этого мне совсем не хотелось. К Лиану я испытывала симпатию, даже больше. Эти чувства не убила даже его пощечина. Мне не хотелось, чтобы его выгнали со двора, но, касаясь рукой пылающей щеки, я понимала, что это его и ждет.

Всю последующую ночь я лежала в раздумьях. Комната юных фрейлин была большой, отчего пламя камина совсем ее не грело. Девушки кутались в накидки, сидели у очагов, пряча ноги в солому. Я тоже озябла в холодной постели, но вставать мне не хотелось. Все происшедшее лежало тяжким грузом на моих плечах. Я знала, что судьба Лиана Беверли в моих руках. Ах, как же сложно принимать такие решения...

Я думала целую ночь, уткнувшись в одну точку. Гордость и гнев боролись с любовью и жалостью. Мне было больно думать о том, что я собственными руками отошлю от себя того человека, которого любила. Да, любила.... Я поняла это не сразу. Всего две встречи..... Это была любовь с первого взгляда, любовь, происшедшая из бездны и уходящая в бездну. Я посмотрела на кольцо, подаренное Лианом. В этом гранате было заточено мое сердце. Лишь под рассвет я приняла окончательное решение. Такой вывод пугал меня саму, но выхода не было. Только так я смогу сохранить девичье достоинство, и при этом не лишиться себя Лиана.

Когда еще все спали, я тихо встала с кровати, босыми ногами пройдя по холодному полу к сундуку, где хранились мои вещи. Поспешно надев нижнюю рубашку, корсет и верхнее платье-котт, я завязала волосы в тугий узел на затылке и спустилась в коридор. Лишь изредка доносились разговоры слуг. Весь двор был заполнен таинственной тишиной, которая неприятно давила на уши. Отыскав среди закоулков дворца нужную дверь, я постучалась. Моментально дверь распахнулась, и в узкой щелочке показалось испуганное лицо десятилетнего пажа. Мальчик окинул меня недоумевающим взглядом, его заспанные глаза безразлично блуждали по моему напряженному лицу: – Что вам нужно, мадам, в такую рань? – пробурчал ребенок, поспешно оглядываясь назад: – Меня выругают, если узнают, что я открываю дверь незнакомкам.

– Послушай меня, малыш, я дам тебе две золотые монеты за небольшую, но тайную услугу, – глазенки пажа заблестели, в уголках рта залегла тень улыбки. Переминаясь с ноги на ногу, он беспокойно оглядывался то назад, но на меня: – Говорите быстрее, что за услуга?

– Твой хозяин – мистер Курио, начальник западного крыла Тауэра, не так ли?

Малыш кивнул: – Он еще и заместитель управляющего восточного крыла. Он владеет почти всей башней, – было видно, что разговор о чинах совсем не интересовал пажа, но ради двух монет он отвечал.

– Ты не знаешь, вчера кто-то попадал в темницу? Были новые заключенные?

Ребенок пожал плечами: – Вчера поздно вечером какой-то мужик приходил к хозяину. Я подслушал разговор. Он говорил, что в Тауэр привезли слугу короля. Ну, за то, что он оскорбил какую-то женщину, – что ж, это неплохое начало.

– Под каким номером эго камера?

– Я плохо помню, миледи, но если не ошибаюсь, под номером 392.

– Где это находится?

– С левой стороны, второй этаж, окна выходят на правое побережье Темзы.

– Отлично. А теперь, выполни мою последнюю просьбу. Отыщи лодку и без шума отвези меня в Тауэр, а уже там постарайся отыскать ключи от камеры 392, – глаза мальчишки потухли, детская невинность смешалась с взрослой печалью: – Это попытка организовать заключенному бегство?! Простите, но я не могу. Я и так сказал вам слишком много. За эти слова я могу лишиться своего места.

Я вздохнула. Жизнь при дворе и вправду меняет людей, и не всегда в лучшую сторону. Этот невинный ребенок, совсем еще маленький, знал свое дело и ответственность перед хозяином не хуже любого взрослого слуги. Но я не решалась отступить от задуманного.

Паж, имени которого я даже не знала, мог серьезно помочь мне. Просить какого-то лакея очень опасно. Дети молчаливей взрослых, и я была уверена, что мальчик не предаст меня, рассказав о моей затее.

– Послушай, я дам тебе четыре монеты, и еще одну за молчание. Такие деньги не дают хозяева своим слугам даже за отличную и верную службу, не так ли? А о том, чтобы вознаградить ребенка такой суммой, и речи не может быть. Соглашайся. Не каждый день ты можешь хорошенько заработать, не пренебрегая законом.

Глаза мальчишки поползли вверх, и я увидела в его детском взгляде совсем недетский гнев: – Миледи, а разве помощь беглецу – не нарушение закона? Да меня за это головы лишат! Даже ради десяти монет золотом я не собираюсь так рисковать, – в коридоре послышались шаги. Я не успела.... Слуги стали просыпаться, придворные выходили из своих покоев. Я не могла допустить, чтобы меня здесь увидели, но уйти незамеченной тоже не получится.

Внезапно паж дернул меня за локоть. Не успела я опомниться, как он втащил меня вовнутрь, наглухо заперев дверь: – Сидите тихо. В смежной комнате спит хозяин.

– Зачем же ты тогда меня сюда притащил?

– А вы бы хотели, чтобы кто-то увидел вас здесь? Уверен, что нет, – да..., логика у мальчишки была железной. Я бы никогда не подумала, что десятилетний малыш может обладать такой физической силой, чтобы затащить взрослую девушку в вестибюль, и такой моральной, чтобы отказаться от вознаграждения за небольшую услугу.

– Сударыня, я помогу вам, сделаю все, как вы просите. Но только моим вознаграждением окажутся не деньги, а выкуп, – я недоумевающе уставилась на него. Что еще придумал этот сорванец?

– О каком выкупе ты говоришь? Надеюсь, я не должна выкупать у арабских работорговцев твою подружку?

Паж усмехнулся, теребя концы своего жилета: – Нет, подружки у меня еще нет, рано пока. Вы должны выкупить меня. Не смотрите так. Я служу у мистера Курио долгое время, но он обращается со мной, как конюх с непокорной лошастью.

– Он тебя бьет? – мне стало жаль этого умного и отважного мальчика. Детей я не особо любила, но спасти такого невинного ангелочка мне захотелось.

Паж расстегнул полы жилета, поднял потертую рубаху и повернулся ко мне спиной. Я ахнула, забыв, что могу разбудить мистера Курио. Зажав рот рукой, я с ужасом смотрела на его спину, истерзанную глубокими ранами от ударов: – За малейшую ошибку мой хозяин бьет меня. Я получаю шесть ударов розгами и три удара кнутом. Поначалу я плакал, просил простить мои невинные шалости, но потом понял, что этот Курио наслаждается моими мучениями и унижениями. Только вы можете спасти меня, миледи. Выкупите меня у мистера Курио. Я уверен, что денег вам хватит. Паж не дорого стоит. Я хочу служить вам, хочу, что вы стали моей госпожой, – я смахнула с ресниц слезы. Разумеется, я не могла остаться равнодушной к такой просьбе, но как я могу купить пажа, которого даже не знаю?

– А ты не боишься, что незнакомая тебе тетя может оказаться тоже не очень доброй? Ты ведь знаешь меня не больше десяти минут.

– Я верю, что вы хорошая. У вас такие милые глаза, в которых нет ни капли зла.

– Я подумаю. А теперь Расскажи мне о себе. Кто ты, откуда, как попал во дворец?

– Меня зовут Паскуаль, такое имя мне дали, потому что я родился в первый день Пасхи. Я не знаю, кем был мой отец, не знаю свою фамилию и род. Мою мать звали Софи, она служила в доме богатого господина. У меня была сестра Дини, которую матушка тоже очень любила. Мы жили с остальными детьми-рабами, ходили в поле, работали и в холодную ночь и в знойный

день. Дини была старше меня на три года, ей тогда исполнилось семь лет. Однажды мама заболела. Она не могла работать, и ее выгнали на мороз. Мы с сестрой пошли с ней, сбежав с дома господина. Несколько дней мы бродили по холодным, зимним улицам, голодали, мерзли. Я постоянно плакал, но Дини молчала, она была стойкой, сильной. Однажды ночью мама упала на снег, у ее губ показалась струя крови. Матушка обняла нас, сказала, что мы должны выжить, что нам уготована не судьба рабов. Потом она замерла на земле, молчала, не двигалась. Я посмотрел ей в глаза, они были пусты. Я был еще совсем маленьким, и не понимал, что потерял матушку навсегда, сестра молчала, глаза ее оставались сухими. Она лишь поцеловала ледяную щеку мамы и сказала, что мы должны ее похоронить. Я не знал, что такое похороны, но Дини знала. Мы доволокли бездыханное тело мамы на поле, где стояли камни. Сестра сказала, что это кладбище, что здесь покоятся души умерших людей. Мы вырыли яму, положили туда маму и закопали. Потом Дини дала волю слезам, она долгое время рыдала. Утром мы вновь пошли по неведомым улицам, нам на пути встречались люди, кареты, но все это было каким-то далеким, не имеющим никакого смысла. Потом перед нами показалась река, белая, с коркой льда. Дини остановила меня у ее побережья, несколько минут стояла, потом сказала, что смерть – наш единственный выход. Я ничего не понял, но она нагнулась над моим ухом и прошептала: «Ты хочешь встретиться с мамой?», – я непонимающе кивнул. Дини взяла меня за руку, повела к реке и толкнула, потом прыгнула сама. Мне внезапно стало так холодно, так плохо, кости, казалось, переломились. Я кричал, спрашивал, зачем она это сделала. Сестра ответила: «Если мы умрем, то встретимся в раю с матушкой, избавим себя от всех бед», – я стал задыхаться, ледяная вода била в лицо. Потом удар и темнота. Я пришел в себя в каком-то неизвестном месте, думал, что это – рай, стал звать маму, но была лишь тишина. Потом я обнаружил, что лежу на лежанке, что у моего изголовья пылает пламя камина. Это была комната, я стал ощупывать руки, ноги, голову. Все было на месте. Потом появилась какая-то женщина, что-то стала быстро говорить на незнакомом мне языке. В дверях появился крупный мужчина с грозным видом, от которого у меня по спине пробежала дрожь. Это был мистер Курио. Он нагнулся надо мной и спросил, кто я и как меня зовут. Я назвал лишь свое имя. Сэр сказал, что нашел меня у берега Темзы, что я лежал, окоченевший и бледный, сказал, что меня спасло от смерти чудо. Я спросил, где Дини, надеясь, что сестра тоже жива.

Мне сказали, что никакой девочки поблизости не видели. Я понял, что сестренка утонула. С тех пор я стал пажом господина Курио, жил при дворе, посещал вместе с ним Тауэр, был там часами, пока хозяин решал свои дела. Так я выучил эту крепость, как свои пять пальцев. Но сэр был жесток ко мне, не любил, и поэтому я хочу, чтобы вы стали моей хозяйкой. А знаете, вы чем-то похожи на мою пропавшую сестру. У нее тоже были густые, черные, как смоль, волосы, такие же фиалковые глаза, такие же пышные губы.... Простите, я не должен был этого говорить, – но я не услышала его последних слов. Все мое сознание перешло на его рассказ. Мне было ужасно жаль мальчика, его трудное детство, но что-то привлекло меня в имени Дини.... Это имя казалось мне таким близким, знакомым, родным. Дини, Дини, Дини!.. В моей памяти отрывками стали появляться моменты, такие же, как и в рассказе Паскуалья. Холодная ночь, везде все белое, нет ни души, только мы, три одиноких путника, идем, не зная, что нас ждет впереди. Матушка слаба, едва держится на ногах, потом она падает, кровь на ее губах, ее руки, последний материнский поцелуй, прощальные напутствия.... И боль, кажется, что нить оборвалась, что сердце перестало биться. Я смотрю в ее глаза, пустые, касаюсь ее тела, желая услышать слабый стук сердца. Но тишина, везде тишина... Только у меня в душе буря. ... Потом мы несем ее на кладбище, я смотрю, как ее покрывает земля, рыдаю у надгробного камня, иду, не зная куда, потом вода, холодная, ужасная, как нож, и пустота, везде, всегда.... Я открыла глаза, понимая, что это всего лишь моя фантазия. Паскуаль так рассказал всю эту ужасную историю, что я просто представила себя на месте несчастной Дини.

– В каком это было году? – глухо спросила я.

– Зимой, в 1521 году, – и даты одинаковые.... Именно в 1521 году мне было тоже семь лет, как и сестре Паскуаля. И тут я вспомнила, что в январе этого же года я проснулась совершенно в незнакомом месте. Мне сказали, что я – Вивиана Бломфилд, дочь уэльского графа, сказали, что я ударилась головой о пол и потеряла память. Я ведь и вправду ничего не помнила о себе до семи лет. Совпадения это или нет? Господи, что это за бред? Ведь просто даты совпали, и в этом нет ничего особенного. Какое я имею отношение к Дини? Я свято верила, что никакого.

– Паскуаль, мне очень жаль тебя. Пусть душа твоей матери и сестры пребывает в раю, – вздохнула я, пытаясь вырвать из своей памяти странные воспоминания.

– Нет, миледи, я верю, что Дини жива, может, ее нашли другие люди, может, мы когда-то встретимся. Я потерял мать, своими руками положил ее в сырую землю, но сестра, мне кажется, все еще дышит. Я знаю это. Я надеюсь на это. *Я верю в это.* Мы когда-то встретимся, – я обняла пажа и почувствовала в нем что-то родное, близкое: – Паскуаль, дорогой мой, послушай, я кое-что вспомнила. Понимаешь, зимой в 1521 году оборвалась моя память, я ничего не помнила, жила так, как говорили мои родители, которых я тоже забыла. Мне тогда тоже было семь лет. Я говорю тебе это не потому, что хочу стать тебе сестрой, а потому, что может, ты что-то знаешь. Ты сказал, что я похожа на твою сестру. Вспомни, умоляю, может, у нас есть еще что-то общее, – мальчик стал внимательно осматривать меня, но лишь покачал головой: – Вы думаете, что вы – это моя сестра Дини, потерявшая память? Нет, это невозможно. Моя сестра хоть и похожа на вас внешне, но голос, глубина глаз, все другое. Вы – миледи, а я моя несчастная сестричка – рабыня. Довольно об этом. Пока хозяин не проснулся, идемте, я выполню вашу просьбу.

На душе у меня потеплело. Да, из-за всех этих событий я стала чересчур подозрительной. Как я могла подумать, что моя мать – рабыня Софи, женщина, которую я ни разу не видела? Слишком сильно я привязалась к Паскуалу, к бедному мальчишке-пажу. Такое легкомысленное поведение не идет богатой леди. Но, несмотря на то, что я гнала от себя эти мысли, они все равно преследовали меня.

Паскуаль повел меня по неизвестному коридору, потом свернул за угол, где я обнаружила маленькую, едва заметную дверь под ковром. Откинув его, паж стал быстро перекручивать проволоку на замке, пока дверь не открылась. Передо мной показалась яма, темная и страшная. Спускаться туда мне совсем не хотелось.

– Миледи, это тоннель, который выведет нас из дворца. В конце пути мы окажемся в заброшенном колодце, стоявшем за пределами ворот. Ну же, прыгайте, нельзя терять ни минуты. Но будьте осторожны, ступени ветхие, а расстояние отсюда до подземного пола достаточно большое, чтобы разбиться насмерть, – вздохнув, я забралась на верхнюю ступеньку лестницы, схватившись за дверь подземелья, чтобы не упасть. Первый шаг дался мне легко, но, когда я посмотрела вниз, в крошечную темноту, испугалась от всего сердца. Разбиться о каменный пол совсем не хотелось. Судорожно нащупывая следующую ступеньку, я поглядывала на дверь, откуда виднелся огонек света, который постепенно меркнул. Опускаясь все ниже и ниже, я чувствовала, как тупая боль ломит поясницу, а ноги стали заплетаться. Когда я оказалась в полной темноте, то позвала Паскуаля. Ответа не послышалось, вот только из-за невнимательности я поскользнулась и полетела вниз. Слава Богу, что я упала не с большой высоты. Поднимаясь, я чувствовала, как ужасно ноет колено.

– Паскуаль! Где ты, маленький негодник?! Спускайся, давай! Можешь не бояться, здесь нет призраков!

Послышался легких смех пажа: – Я не боюсь призраков, мистрис. Бояться нужно не мертвых, а живых, – я горько улыбнулась, удивляясь мудрости десятилетнего ребенка. Мальчишка стал спускаться, держа в руке крошечную свечу. Из-за темноты, к которой мои глаза уже привыкли, огонек показался мне ослепительным. Закрыв рукой глаза, я смотрела, как Паскуаль

ловко и быстро спускается вниз. Внезапно мое внимание привлекла пятая, верхняя ступенька. Она была переломана! Не успела я сказать об этом мальчику, как послышался грохот, перемешавшийся с детским криком. Свечка потухла, я вновь сидела в крошечной тьме. Но я поняла, что произошло что-то ужасное. Подойдя поближе, я закричала. На земле лежал Паскуаль, который замер, как упавшая статуя. Я бросилась к нему, стала звать и трясти. Тишина. И тут я почувствовала что-то липкое на ладони. Нащупав в темноте потухшую свечу, я стала тереть ее, несмотря на то, что погасший воск жег мне пальцы. Наконец свечка зажглась. Поднося ее к своей ладони, я обнаружила... кровь, густую, алую кровь, которая при слабом свете казалась черной. Я поняла, что это не моя кровь, а Паскуалья! Поставив свечку в камень, я подняла мальчика и провела рукой по его голове. Рана! У него была разбита голова!

– Паскуаль! Дорогой, ты меня слышишь?! Братец! – я не поняла, почему назвала его братом, но сейчас было не до этого. Оторвав кусок ткани от своего платья, я перемотала им голову мальчика. Но он был без сознания, и все мои попытки привести его в чувство заканчивались неудачей.

И тут мне в голову пришла идеальная идея. Я распахнула плащ, порылась у себя во внутреннем кармане пояса и достала флакончик с духами. Открыв крышку, я поднесла пузырек к носу мальчика. Как я и ожидала, он закашлялся, потом вскочил и непонимающе уставился на меня: – Что со мной произошло? – я аккуратно положила пажа себе на колени и стала гладить ему волосы, пытаясь не зацепить рану: – Ты упал с лестницы и разбил голову. Теперь нужно подумать, как отсюда выбраться, – задумчиво проговорила я, чувствуя, как все внутри бьет дрожь. Я пыталась быть мужественной в присутствии ребенка. Но вот храбрости у него было больше, чем у меня: – Моя голова! – простонал он, потирая макушку: – Как я еще череп не расколол? Тогда пришлось бы Вам сидеть в яме вместе с трупом ребенка, – серьезно сказал Паскуаль, но потом весело рассмеялся, стараясь перевести свои ужасные слова в шутку. Но мне было не до смеха.

– Лучше скажи, сорванец, как нам отсюда выбраться? – мальчишка приподнялся, вскинув голову: – Мы сможем подняться по той лестнице, по которой опустились. Но разве вы не хотите поехать в Тауэр? – Господи, я совсем забыла, для чего пришла в это ужасное место.

– Но твоя голова, Паскуаль. У тебя же кровоточащая рана на макушке.

– Ничего, это не первое мое падение с высоты. На мне заживает все, как на собаке. А рана не большая.

– Ты лекарь, чтобы знать такие вещи? – фыркнула я.

– Не лекарь, миледи, но у меня было очень много ушибов и ранений. Я изучил себя и свой организм не хуже любого профессионала в медицинских науках, – да, мальчишка любил хвастаться и хвалить себя.

– Что ж, если ты решил, что сможешь идти, а потом плыть по Темзе, ради Бога. Ты уже не младенец, сам знаешь, где, что болит. Поэтому идем, только держись рядом со мной. Мне не очень приятно находится в этом месте, – и я пошла вслед за пажом, крепко вцепившись ему в руку. Мы шли четверть часа, но не видела ничего впереди себя. Лишь тьма, тьма и тьма. Даже свечка погасла. И наконец, я увидела дребезжание света, неяркого, но очень отчетливого: – Это конец тоннеля, миледи. Впереди колодец, в который придется опускаться. Он заброшен и воды там, конечно, мало, но все равно есть. Поэтому, желательно подберите свои юбки и завяжите их на коленях, – последовав его совету, я завязала платье на коленях, поглядывая в огромную дыру, находящуюся в потолке.

– Придется карабкаться, – сказав это, мальчишка запрыгнул на высокий камень, обхватив руками длинную трубу. С каждым шагом Паскуаль оказывался все выше, карабкаясь по трубе. Наконец его голова достигла отверстия, в которое он с легкостью проскользнул.

– Поднимайтесь по трубе! – услышала я его голос, звенящей в утренней тишине. Вздыхнув, я стала карабкаться. Платье цеплялось за выступы стены, руки скользили по влажному

мрамору. Казалось, что я никогда не доберусь до отверстия. Внезапно мой локон, выбившийся из-под чепца, зацепился за решетку. С силой дернув головой, я вскрикнула, когда шапочка полетела вниз, а оторванный клочок волоса повис в воздухе. Продолжая карабкаться, я уже не смотрела вниз и вверх.

Глава 5

Паскуаль протянул мне руку, в которую я с радостью вцепилась. Выбравшись из ямы, я вдохнула свежей, утренний воздух, наполненный прохладой и запахом липы, колыхающей у нас над головами. Мы стояли на брусчатой стене, которая тянулась вдоль деревьев. Но вся моя радость улетучилась, когда я увидела колодец, раскинувшийся на выступе: – Это и есть тот колодец? – со страхом спросила я.

– В левом углу колодца дырка, в которую мы выйдем, – сказал паж, отрывая пожелтевшие листочки с сухих ветвей. Мальчик беззаботно стоял на стене, такой маленький и невинный, что его ужасный рассказ казался вымыслом. Я не могла поверить, что этот ребенок видел смерть матери, что он собственными руками похоронил ее. Это казалось слишком жестоким, чтобы быть правдой. Хотя, судьба порой возлагает на наши плечи такие испытания, которые, как нам кажется, мы не можем пережить.

– Нам пора! – сказал Паскуаль, бросив на землю последний, оторванный листок. Я удивлялась его веселости. Даже взрослый человек после удара головой несколько дней лежит больной, а этот мальчишка встал на ноги через несколько минут после падения. Да, здоровье у него отменное. Не грех иметь такого пажа, но я боялась, что не смогу оплатить всю сумму. С собой у меня было не больше ста фунтов. Это не мало, но для того, чтобы выкупить человека, пускай даже ребенка, это маловато.

Мы стали спускаться по стене, держась руками за выступы. Я повисла в воздухе, вцепившись в огромный, настенный камень, когда внизу показался колодец: – Нужно прыгать! – выкрикнул паж, перекивая гул ветра. Вздохнув, я сделала так, как он просил. Из моих уст вырвался крик страха и удивления, когда меня понесло ветром вглубь колодца. Нужно было Паскуалью меня предупредить, что приземление тоже пройдет болезненно. Шлепнувшись на каменистый пол, я стала растирать спину, как внезапно раздался детский вопль радости и мне на колени свалился мальчишка.

– Не очень удачное приземление? Не так ли, мисс? – рассмеялся ребенок. Его смех эхом отдался во внешней стороне колодца, и я испугалась, что нас могли услышать.

Увидев мое замешательство, мальчик похлопал меня по плечу, щебеча: – Успокойтесь, дорогая моя госпожа, мы за воротами дворца. Здесь нет никого. Этот заброшенный колодец находится неподалеку от места, где несколько лет назад была лавка одного богатого торговца. Он уехал во Флоренцию и больше эту землю никто не занимал, *пока не занимал*, – удивляясь всезнанию этого мальчишки, я встала с земли. И тут обнаружила, что мое платье и плащ промокли до нитки, а я стояла по колена в воде. Слава Богу, что хоть подол не промок, благодаря тому, что я завязала его выше лодыжек. Я с тоской смотрела на свои багровые башмачки, которые теперь стали похожи на промокшую тряпку.

– И где твоя хваленая дырка? – бурчала я, выжимая воду из плаща. Паскуаль осмотрелся, а потом радостно вскрикнул: – Вон она! – я посмотрела назад, где виднелось большое отверстие, в которое легко мог пролезть сильный мужчина, не говоря уже о хрупкой девушке и о щуплом ребенке. Я с такой легкостью проскользнула в дырку, что пошатнулась, кода под ногами возникла твердая почва.

Я не знала места, где мы оказались. Впереди была только роща, густая и непроглядная. Мое внимание привлекло журчание. Обернувшись, я увидела тропинку, окруженную со всех сторон рекой. Мирное, плавное течение Темзы не было похоже на тот бурный поток, которого боятся капитаны кораблей. Эта река не была спокойна особенно в августе, и сейчас, смотря на легкое колыхание волн, я удивлялась такому везению. Плыть по Темзе против течения не хотелось, а вот легкое дуновение ветерка было кстати.

– Где мы найдем лодку? – вполголоса спросила я у своего маленького товарища, смотря на пенистую поверхность реки, которая утром, под лучами раннего солнца, казалась окровавленной.

– У меня есть своя лодка. Я оставляю ее в тени деревьев, в самом скрытом месте, чтобы никому бродяге не вздумалось ее украсть. Пойдемте туда, – и мы побежали по траве, на которой виднелись прозрачные капли росы. Я впервые почувствовала себя свободной. Никогда я не уходила из замка сама, никогда не могла насладиться одиночеством в кругу природы, никогда не принимала решения. И сейчас, в этом чудном, хоть и забытом Богом и людьми, месте, я чувствовала, как голова идет кругом от умиротворения. Мне не нужны были земли, титулы, роскошные замки с шикарной обстановкой, изысканные сады и искусственные фонтаны, которые очень ценились в Уэльсе, не нужны были и дорогие платья, пошитые из редкой ткани, украшения и косметика. Я хотела жить вдали от придворной суеты, интриг и постоянных переполохов. Мне не хотелось, чтобы мужчины просили моей руки, движимые желанием завладеть моим состоянием. Я мечтала про уютный домик в глуши деревни, про большую и веселую семью, про свободу и возможность самой принимать решения. Я слишком долго пыталась обрести счастье в графстве, но потом поняла: меня там не ждет ничего, кроме рабства и слепого подчинения. Теперь еще и королевский двор, где на каждом шагу за тобой следят. Я не знала, сможет ли мадам д'Аконье осуществить свой план на счет моего отбытия в Суффолк под видом вдовы, но от одной мысли об этом мне становилось дурно.

Наслаждаясь нежным щебетанием птичек и журчанию воды, я последовала за Паскуалим. Мальчишка хорошо спрятал свою лодку под ветвями деревьев, но такое ветхое изделие никто не пожелал бы и украсть. Я не представляла, как можно проплыть несколько лье на дырявом суденышке. Вздыхая и фыркая, я взобралась на нос лодки, устроившись на соломе, воняющей навозом. Паж взялся за весла, но они почти не понадобились. Судно понесло по ветру, и только на поворотах, где устье реки входило в другие источники, приходилось применять весла, похожие на кривые деревяшки. Это маленькое путешествие мне понравилось, не считая того, что я еще не придумала, как освободить Лиана, а самое главное, как пробраться в Тауэр. Но Паскуаль, которого я в мыслях прозвала Всезнайкой, придумал какой-то план.

Когда мы стали приближаться к башне и в лазурном небе показались отчетливые очертания зубчатых стен, солнце скрылось за тучей. Даже погода менялась возле этого неприятного места, где убивали и мучали людей, пускай даже виновных во многих преступлениях.

– Пора сходить на берег, – оповестил мальчик, и я услышала в его голосе озорные нотки.

Выбравшись из суденышка, я с опаской и страхом смотрела на огромную крепость, возвышающуюся надо мной. Казалось, что это сооружение – постройка самого дьявола. Было ощущение, будто и сюда доносятся крики несчастных. Воздух стал тяжелым, пропитанным кровью и болью. От вида этой темницы у меня холодела кровь в жилах, а глаза застилала пелена. Лишь мысль о том, что я увижу Лиана, что спасу его от изгнания, и, возможно, от смерти, придавала меня сил и смелости. Но с каждым шагом я чувствовала, как ноги наливаются свинцом.

– Как мы проникнем в Тауэр, если там со всех сторон стражники? – вполголоса спросила я, стоя в тени, под деревьями.

– Я много раз бывал там, меня без труда пропустят, вот только вы. ... Если хотите, я пойду один. Вы только скажите, кого нужно освободить и куда отправить.

– Нет, я пойду с тобой, – решительно заявила я. На меня будто из небес смотрели глаза Лиана, которые говорили: «Ты же не струсил бы пожертвовать собой ради меня», – я знала, что не струшу.

– Придется поиграть в выдуманную историю, мисс. Вот, оденьте этот плащ и надвиньте капюшон на лицо, – мальчишка развязал маленький мешочек, который весел у него на поясе, и вынул оттуда тщательно сложенный, потертый плащ, протягивая его мне. Не без отвращения

я в него закуталась, морщась от неприятного запаха: – Что теперь? – бурчала я, понимая, что наш план может провалиться.

– Вам придется играть роль моей старшей сестры, – меня бросило в жар. Изображать из себя пропавшую Дини мне не хотелось.

– Успокойтесь, я не собираюсь ворошить прошлое и гневить святых. Вы претворитесь моей двадцатичетырехлетней сестрой Мари, потерявшей разум. Допустим, вы полюбили богато-го француза, жившего, например, в Бургундии, когда ездили туда на учебу. Это была сильная и всепоглощающая страсть. Спустя два месяца после знакомства вы поженились и прожили счастливо три года. Но потом случился пожар. Все сгорело, погибли все домочадцы. Вашего супруга тогда не было дома, и он не пострадал. Но вы получили ужасные увечья. Когда на вас падал обгоревший шкаф, вы в судорогах прикусили язык, отчего остались немой. Но также пострадал и ваш слух. Вы перестали слышать. В последствии, ваш муж бросил вас и ушел к другой. Вы же от горя лишились рассудка. Короче говоря, вы должны изображать глухонемую, ненормальную женщину. Не разговаривайте, не поднимайте головы. На мои слова лишь гулко мычите, – этот рассказ удивил меня. Я давно хотела стать актрисой, и играть разные роли для меня не составляло труда.

– А ты драматург, дружок! Придумать такую чувствительную и несчастную историю про свою бедную сестричку... Ах, как жаль Мари, твою самую близкую родственницу, пусть Небеса будут добры к ней, – подыграла я, рассмеявшись в конце своих слов. Окрестив себя крестным знаменем, и шепча молитвы, я пошла за Паскуалям. Как мы и ожидали, у нас на пути стали четыре вооруженных охранника, положив руки на ножны шпаг. Но увидев, что к ним приближается Паскуаль, они расступились и смягчились в лице: – А, это ты, маленький негодник! Что тебе надо здесь? Хозяин послал? – если честно, я немного растерялась, созерцая этих гигантов.

– Да, хозяин. Господин, когда был здесь последний раз, обронил какой-то ценный медальон. Он приказал мне поискать его на всех этажах. Могу я войти? – стражники кивнули. Когда мы сдвинулись с места, один черноглазый охранник недружелюбно окинул меня взглядом: – А это кто? Посторонним в крепости не место.

– Это моя старшая сестра Мари, – не растерявшись, ответил мальчишка. Меня поразила уверенность в его голосе и невозмутимость в глазах.

– Зачем ты притащил ее сюда? – бурчал тот же охранник.

– Я не могу оставлять ее одну, – посидевшие брови второго стражника поползли вверх, а правая рука легла на рукоять маленького кинжала, видневшегося у него из-за куртки.

– Хватит говорить загадками! Объясни толком, почему ты не мог оставить ее одну? Она не замужняя, и ты печешься об ее чести? Но этим должны заниматься родители, а не младший брат!

– У нас с сестрой нет родителей. А Мари была замужем более трех лет. Но потом случилось несчастье. Замок ее мужа сгорел, моя бедная сестричка оглохла и лишилась языка. Ее бросил муж и женился на своей пассии. От горя Мари сошла с ума. Только со мной и с тетей Гненфорт она спокойна. Но если мы оставляем ее, моя сестричка кидается на всех. Однажды от ее когтей умер лесник, который по ошибке забрел в ее скромный домик около речки, – стражники переглянулись, и я увидела в их глазах недоверие. Поверят ли они такому рассказу, или придется придумывать другой план? Но сейчас меня больше мучало даже не спасение Лиана, а возвращение во дворец, ибо солнце уже достигло зенита и если королева узнает, что я без ее разрешения покинула двор, меня ждут большие неприятности. Да и утренние занятия уже начались, на которых я была обязана присутствовать.

– Тогда почему ты не оставил ее с теткой?

– Миссис Гненфорт уехала сегодня на рассвете в отель «Серебряное Яблоко», по каким-то финансовым делам, а вернется только к вечеру, – охранники вновь переглянулись, но на этот

раз у них по лицу пробежала тень страха. Остаться наедине с «сумасшедшей» женщиной им не хотелось.

– Ладно, проходите. Сейчас смена караула, и поэтому внутри никого нет. Вернутся стражники только через полчаса. Постарайся за это время найти медальон сэра Курио, – мы проскользнули вовнутрь башни. Когда за нами закрылась тяжелая дверь, я с облегчением вздохнула. Но найти камеру Лиана в этом лабиринте коридоров будет не так-то просто. Внутри Тауэр был не таким зловещим, как снаружи. Все стены, потолки и полы заливал свет канделябров, которые, на удивление, горели здесь и утром. Но это вполне можно было объяснить тем, что через решетчатые окна пробивалось слишком мало солнечных лучей, а без тепла в башни начинало вонять сыростью и веять холодом, который был не желателен для многочисленных замков и задвижек. Я знала, что зимой в этой башне стоят сотни, даже тысячи маленьких ламп, в которые кладут смесь крахмаленых дров и зелени. Камин в крепости не ставили из-за того, что все окна всегда закрыты, и дыму некуда было бы выходить.

Но вся эта розовая дымка развеялась, когда я услышала глубокий, исходящий от самого сердца, вопль какой-то женщины. Я не смогла разобрать слов, ибо она говорила, вернее, кричала, на неизвестном мне языке.

– Что это за крик? – тихо спросила я, с ужасом оглядываясь по сторонам.

– Это голос Тангюль Ханым, – будто разговаривая с самим собой, поведал Паскуаль.

– Тангал Ганым? – с трудом проговорила я непонятное имя.

– Не Тангал Ганым, а Тангюль Ханым. Так зовут заключенную турчанку, мисс. Она, осиротев, приехала в Англию. Освоив торговое ремесло, девушка стала торговать тканями. Однажды она предложила желтый шелк самой королеве. Миледи считала, что это цвет дьявола, и поэтому приказала запереть торговку в темнице, как изменщицу государства. Никто не понимал такой резкости Екатерины, ведь она всегда была добра к своим поданным. Теперь Тангюль отправят обратно в Турцию, но уже как рабыню, – вновь раздался душераздирающий вопль, но уже на ломанном английском. Турчанка будто слышала слова пажа. «Я не рабыня, не рабыня!» – выла она голосом раннего волка.

– Говорят, что она ведьма, умеет гадать по руке, может наложить смертельную порчу, созерцать будущее и так далее. Я не верю в эти сказки, но все же в этой женщине есть что-то особенное, то, чего невозможно найти даже в богатой придворной даме.

– Ты ее видел?

– Да, один раз. Я был здесь вместе с хозяином в тот день, когда Тангюль вели в камеру. Она и тогда кричала, вырывалась. Но даже в разорванном платье и с потрепанными волосами она была краше цветка. Жаль, что теперь ее будут продавать и покупать, как вещь.

– Теперь нам предстоит двойная миссия, – задумчиво проговорила я, склонив голову набок. Паскуаль непонимающе уставился на меня: – Что вы имеете в виду?

– Было бы неплохо, если бы мы освободили и эту турчанку. Если, как ты говоришь, она красива, то ее ожидает достойное будущее. Она ведь может вернуться в Турцию, только, как свободная женщина. И мы ей в этом поможем. А сейчас идем, первым делом освободим Лиана, а уже потом эту мусульманку, – меня поразили собственные слова. Но я чувствовала, что должна помочь этой женщине, пускай она и была другой веры. Что-то тянуло меня туда, где смыкались коридоры вокруг двери ее камеры. Это было, как сон: непонятно, бесчувственно, но так волнительно и загадочно.

Пока мы взбирались по лестницам, я много передумала и перекрутила в своей голове. Но меня не покидала мысль, что придется расстаться с Лианом. Я спасала его, чтобы обрести, а получилось, чтобы потерять. Он уедет, возможно, возьмет с собой Тангюль, а я буду вынуждена вернуться к той жизни, которая ожидала меня за воротами дворца. Через два дня намечался турнир бал, и я надеялась, что дворцовые хлопоты отвлекут меня от печальной мысли. Но сейчас, с каждым шагом приближаясь все больше к *нему*, я понимала, что это далеко не так.

И наконец, передо мной показалась массивная, оббитая железными прутьями, дверь с двумя ржавыми замками: – Они охраняют его, как преступника, – с горечью в голосе пролепетала я: – Допустим, мы сумеем открыть замки, но что делать с этими прутьями? Они держат дверь, – Паскуаль шагнул вперед и несколько минут молча рассматривал огромные замки с многочисленными дырочками и выпуклостями.

Мои нервы были натянуты, как струны. Казалось, что время остановилось, и я больше никогда не увижу Лиана. Эта зловещая тишина тяжело давила мне на уши. Все будто замерло, стало бесплодным и серым. Время шло, а мальчишка ничего не говорил. Все же я не выдержала: – Сколько мы так будем стоять?! Скоро придут стражники! Давай быстрее шевели своими мозгами, если они у тебя есть! – вскричала я, но тут осеклась, поняв, что мой крик могут услышать. Паскуаль обернулся, но в его карих глазах я не увидела злости или обиды: – Не шумите, миледи. Нас могут обнаружить. Подождите немного, я сейчас закончу. До прихода охранников осталось больше пятнадцати минут. Мы успеем, – я стала внимательно смотреть, как паж своими тонкими и проворными пальцами раскручивает что-то внутри замка: – У вас есть шпилька? – я скользнула рукой по своим волосам, но кроме золотой булавки с крохотным изумрудом ничего не обнаружила: – У меня есть одна. Но она очень дорогая.

– Не время сейчас думать о безделушках, мисс! Давайте шпильку! – голос мальчика стал дрожать, и я поняла, что и его нервы на исходе. Но ведь он и так много для меня сделал: провел меня по подземному выходу, отыскал лодку, придумал историю для стражников, собрался осуществить побег двум заключенным. И все это он сделал и делает, зная, что может попасться под гнев своего хозяина.

Мои раздумья прервал резкий щелчок, который в этой мертвой тишине показался мне оглушительным.

– Я открыл замок от самой камеры. Теперь нужно открыть задвижку, державшую прутья, – и тут я уловила какое-то движение внутри, сначала это был слабый шорох, потом громкий стук: – Кто там? – прозвучал *его* голос. Мне показалось, что мои уши касаются лепестков роз. Я мечтала услышать его нежный голос, и эта мечта свершилась. Мысль о том, что вскоре я увижу моего Лиана, радостно разнеслась по всему телу и придала мне уверенности: – Мистер Лиан, это я – Вивиана. Мы пришли освободить вас.

Тишина. А я так хотела услышать слова благодарности, его удивление и восторг. Хотя, как я могла так думать, не будучи уверенной в его симпатии ко мне? Возможно, мужчина, который испытывает к женщине самые ласковые чувства, не станет поднимать на нее руку. Мне казалось, что та пощечина еще горит огнем у меня на щеке, хотя следы от пальцев давно исчезли.

– Сударыня, вы стали говорить о себе во множественном числе? – этот несдержанный, грубый вопрос затронул струны в моей душе. Почему этот камердинер отвечает на мою помощь грубостью?! Мне захотелось все бросить, уйти из этого места и больше никогда не вспоминать этого невежливого мужчину. Но меня удержала мысль о том, что я ведь могу поиграть на его злости. После побега Лиану некуда будет идти, а мы посадим его в лодку вместе с Тангюль.

Я была уверена, что с буйной турчанкой мистеру Беверли будет несладко. Судя по рассказам Паскуаля, эта особа не отличалась кротким нравом, обязательным для всех юных мусульманок.

– Сэр Лиан, полно дерзить! – выкрикнула я, едва сдерживая гнев в груди: – Я пришла не одна, а с пажом сэра Курио!

Опять тишина. Я была готова собственными руками разорвать прутья, расцарапать лицо этому негодяю и уехать. Да, моя симпатия к нему была очевидна, но его дерзкое и хамское поведение все перечеркивало.

– Готово! – радостно прошепел мальчик, толкая ногой дверь. Я замерла в ожидании. Сейчас я выскажу этому нахалу все, что думаю о нем. По крайней мере, мне хотелось ото-

мстить Лиану за ту пощечину собственными словами, которые должны для него стать горше яда. Но когда я увидела его, сильного, непринужденного, гордого, стоявшего прямо и высокомерно, вся моя злость рассеялась. Я не могла контролировать собственное сердце, но с разумом я справлюсь.

Сделав несколько шагов навстречу камердинеру, я присела в реверансе, подняв юбки и обнажив темно-красные туфли с золотыми отделками. Этим жестом я хотела показать ему, что даже моя обувь усеяна богатством. Но камердинер совсем не обратил на это внимание, отвесив мне небрежный поклон. Ночь, проведенная в сырой темнице, совсем не пошатнула его здоровье и мужественность. Волосы так же светились слабыми отблесками солнца, в глазах таился покой и умиротворенность, которой мне сейчас очень не хватало. Этот юноша был воплощением физической и духовной силы. Меня тянула к нему будто какая-то невидимая, но очень прочная, нить.

Но сейчас нужно было действовать решительно и быстро, ибо время быстро утекало, а моего вмешательства ждала еще одна камера заключенных: – Сэр Лиан, я пришла, чтобы..., – мои слова прервал паж, дернув меня за рукав и быстро прошептал:

– Я буду за дверью, мисс. Постарайтесь справиться быстро, – я кивнула, закрыв дверь. И теперь, когда я осталась наедине с этим мужчиной, я почувствовала, как в жилах забурлила кровь, а тепло разнеслось ниже живота. Захотелось прильнуть к нему, ощутить его мужскую силу. И вновь я отогнала от себя такие порочные мечты, взявшись за дело: – Мистер, мы должны спешить. Я хочу освободить вас, пойдемте, выберемся из этого ужасного места, пока на постах нет стражников, – лицо сэра Беверли оставалось безразличным, как будто, каменным. Мне казалось, что моих слов он и не услышал: – Почему вы молчите?! Оглухли, или онемели?! – не сдержалась я, топнув ногой. Я будто слышала, как убегает минуты, с каждым разом подвергая меня и мою жизнь все большей опасности. Если король узнает, что я хотела освободить заключенного, меня, возможно, не лишат жизни, но вышлют из дворца, ибо вина Лиана не была особо великой. Он провинился лишь в том, что ударил меня, а закон запрещал мужчине, тем более, невольному, поднимать руку на леди. Бить девушек могли их женихи, мужья, родители и старшие родственники, больше никто.

– Миледи, – камердинер шагнул ко мне, взяв мои холодные руки в свои теплые ладони: – Я недостойн вашей помощи, моя девочка... Я не могу ей воспользоваться.

У меня по телу покатилась волна трепетного и дребезжащего тепла. Его руки будто были сделаны из нежного бархата, к которому прикасаться – одно удовольствие. Еще ни один знакомый мне мужчина не обладал такими мягкими пальцами: – Почему вы не можете принять мою помощь, Лиан? Это единственное, что я могу для вас сделать. Мне бы хотелось, чтобы вы получили рыцарские шпоры, блистали при дворе, были моим рыцарем, а я – дамой вашего сердца. Но это лишь мечты, сэр, а реальность совсем другая. Прошу вас, не отвергните мою руку помощи. Ведь... мы оба боимся потерять друг друга. Я знаю, что ваше бегство означает нашу последнюю встречу, но я верю, что..., – мои пылкие, идущие от самого сердца, слова прервал мистер Беверли, упав передо мной на колени и обхватив руками мои ноги, скрытые под юбками. Я вцепилась в его плечи, как утопающий цепляется на соломинку. Я и вправду утону в омуте одиночества без *моего* камердинера.

– Вивиана, мой ангел-хранитель, видит Бог, мне тоже больно прощаться с вами, но ведь в любом случае нас ожидает разлука. Моя судьба в ваших руках законно, зачем же вы хотите спасти меня путем беззакония?

– Накануне вашего заключения, его величество сказал мне, что я могу принять относительно вас два решения: смертная казнь, либо десять ударов кнутом и изгнание из дворца. Король отказался от вашей службы, сказав: «Проход в мои покои запрещен тому, кто прилюдно оскорбил даму». Мне жаль, что так все закончилось. Поймите, если вы сейчас сбежите, то убережете свое тело от ужасных ударов. Я надеюсь, вы помните, что делают с изгнанными камер-

динерами, слугами, а одним словом, с рабами? Ставят клеймо секирой на лбу. Никто, ни один человек не примет и даже не заговорит с теми, у кого есть такая «печать». Прошу вас, согласитесь бежать сейчас, в эту минуту. У дверей нас ожидает Паскуаль, паж начальника Тауэра. Пойдемте, – я протянула Лиану руку, в надежде, что он послушается меня. К моему великому облегчению, юноша вложил свою руку мне в ладонь: – Я бы никогда не бежал от наказания, как трус, клянусь. Но ради того, что бы в будущем встретить вас, я готов, – у меня на глаза навернулись слезы. Тоска острым концом ударила мне в сердце. Я отошла к двери, вскинув голову и пытаясь сдерживать чувства, которые охотно рвались наружу. Я должна была пожертвовать собой ради мистера Беверли, ради его счастья и безопасности я обязана переступить через свою любовь. Я готова мучиться целую жизнь, страдать и быть одинокой, но знать, что Лиан жив и здоров....

Теперь нужно было осуществить вторую часть нашего плана. Быстрыми шагами мы прошли на первый этаж, отыскивали камеру Тангюль. Теперь, когда оставались считанные минуты, Паскуаль, всегда такой спокойный и ответственный, тоже заволновался. Вдобавок, у него засочилась рана и через белую ткань стали пробиваться красные пятна. Несмотря на головную боль и волнения, мальчик почти без шума смог открыть дверь.

– Выходите! – прошептала я, прислонившись к стене. На мои слова не последовало ответа, но в проеме показалась голова турчанки. Она и вправду была экзотической внешности: черные глаза, наполненные блеском, будто вываливались из орбит, две толстые косы, размером в детскую руку, ниспадали до пояса. Тонкая ткань платья, пошитого на восточный манер, едва скрывала прелести ее фигуры: высокие груди были налиты, белоснежные бедра с розовым отливом игриво покачивались.

Тангюль окинула нас подозрительным взглядом, только потом вышла: – Кто вы? Что вам нужно? – девушка злобно метала свой змеиный взгляд то в одну сторону, то в другую. Я понимала, как мы нелепо выглядим: я, в промокшем платье и с растрепанными волосами, Паскуаль с разбитой головой, Лиан, чья одежда была запылена тюремной пылью.

– Послушай, Тангюль Ханым, мы пришли, чтобы спасти тебя. Ты можешь довериться нам, – я старалась говорить ласково и дружелюбно, но холодность этой надменной турчанки не уменьшалась: – Почему я должна вам верить? Какие-то три незнакомца без труда и шума открывают дверь в мою камеру, потом, не называя своих имен и фамилий, говорят, что хотят помочь мне бежать. Не одна здравомыслящая женщина не поверит вам, а особенно, мусульманка. Мой народ слишком хорошо разбирается в людях, чтобы отличить ложь от правды, – я стала терять терпенье: – Уважаемая Тангюль, а ты сама подумай, зачем нам тебя обманывать! Или же ты считаешь, что мы, как ты выразилась, три незнакомца, будем рисковать собой ради забавы?! Значит так, на дискуссии у нас нет времени! Решай, либо ты идешь с нами, и тебе больше никто не указывает, ты вольна делать то, что захочешь, уезжать туда, куда захочешь, либо оставайся в темнице со своими глупыми подозрениями и жди, когда тебе отправят на родине в облике рабыни, – турчанка стала беспокойно теребить волосы. Я видела, что ее уверенность сейчас находится между осторожностью и риском. Но упоминание о том, что ее ожидает скорое рабство, сделало свое дело.

Мусульманка согласно кивнула, и вслед за нами, царственно, подобно королеве, пошла по пыльному полу. Теперь в воздухе веяла напряженная тишина, все, от меня до Паскуаля, занервничали. Заключенных нам с пажом удалось освободить, но как вывести их незамеченными, мы не знали. Был только один выход, опасный, очень рискованный, но единственный. Нужно было забраться на северную часть крыши Тауэра, туда, где внизу нет охранников, а сплошные заросли. Прыгать с такой высоты было очень опасно, можно было разбиться о камни, или поцарапаться о ветви, но пришлось идти на риск. Мы стали взбираться по винтовой лестнице, но тут Паскуаль нас остановил: – Стойте, прыгать будут не все. Ведь стражники с внешней стороны ожидают меня и мою «сестру». Если мы не выйдем обратно тем же путем,

что сюда и зашли, все догадаются о том, что устроили побег мы. Поэтому, леди Вивиана, вам придется пойти за мной, а вы, мистер Лиан и Тангюль Ханым, взбирайтесь на крышу и прыгайте, потом бежите до берега. Я бы отвез вас на своей лодке, но мы с леди Бломфилд отплывем в другую сторону, к дворцу. Вам же придется пересекать Темзу самостоятельно. Простите за это, – мальчик опустил голову, но Тангюль по-матерински погладила его по волосам: – Ты и так для нас много чего сделал вместе со своей хозяйкой, малыш. Ни каждый ребенок решится помогать беглецам, – я улыбнулась, наблюдая за этой нежной сценой, но внезапно все мое внимания приковалось к Лиану. Мысль о том, что, возможно, эта наша последняя встреча, адски кольнула мне в сердце. Я положила руку на локоть сэра Беверли, тихо проговорив: – Мне очень жаль, мистер. Будьте счастливы и берегите Тангюль. Она нуждается в вашей помощи. По иронии судьбы, вас связало одно горе. Я рада, ... что с вами будет женщина, способная окружить лаской и теплом. Буйный нрав турчанки утихнет, если ..., – Лиан не позволил мне договорить, положив свой палец мне на губы: – Вы сами понимаете, что говорите, мой ангел? Вы хотите, чтобы Тангюль Ханым стала моей женщиной? Этого никогда не будет. Она уедет в Турцию, а я останусь в Англии.

Я горько улыбнулась, пытаюсь сдерживать слезы, которые душили меня и не позволяли спокойно говорить: – Я... я никогда не думала, что мне будет... так тяжело с вами прощаться, – на последних словах мой голос задрожал, и две одинокие слезинки, холодные, как лед, скатились по моим пылающим щекам.

– Мой нежнокрылый ангел, запомните, мы не прощаемся, а говорим, до свидания. Не плачьте, ваши слезы убивают меня. Прошу, помните меня, лелейте в своем сердце, и тогда эта любовь никогда не умрет.

– Любовь? – наивно, по-детски вытаращила я глаза.

– Разве вы меня не любите? – этот полу-шуточный, полусерьезный вопрос застал меня врасплох. Я уже давно призналась себе, что мое сердце отдано Лиану, но я еще никому не говорила об этом вслух.

– А вы меня? – отвечая вопросом на вопрос, заинтересовалась я, и мое сердце замерло в ожидаемой истоме.

– Люблю, люблю, люблю..., – эти слова укутали меня, как теплая шаль в холодную зиму. На душе стало так тепло, светло, хотелось петь, кричать всем о том, что я счастлива.... Но это было лишь мимолетное, мгновенное счастье, которое пришло из ниоткуда, и ушло туда же.

– Нам пора, миледи, – подошел ко мне Паскуаль, одним махом развеивая и уничтожая мои мечты. Вот и настал тот момент, которого я боялась больше смерти. Сглотнув слезы, я попыталась улыбнуться, чтобы последний миг, проведенный с *моим* Лианом, был освещен солнцем и радостью: – До свидания, Лиан, – движимая пороком, я наклонилась к его губам и оставила на них единственный, целомудренный поцелуй. Тангюль, стоявшая на приличном расстоянии от нас, все равно уловила этот жест, и я заметила, как ее змеиные глаза злобно блеснули. Но я не отдам ей моего *любимого*, никогда, ни за что. Хотя, я ведь уже отдала.... Не нужно было освобождать эту турчанку, посланную самим сатаной. Но, что сделано, то сделано. Я ведь не могу из-за своей глупой и бессмысленной ревности поломать жизнь сэру Лиану. Пусть будет счастлив, ведь горе сближает, и один Бог знает, как потом, через несколько дней, проведенных в скитаниях и холодных ночей, Лиан отнесется к своей подруге по – несчастью.

Я, пытаюсь не оглядываться, пошла вслед за пажом, но меня не покидало чувство, что в этой башне, там, близ второго этажа, я оставила свое сердце, оставила его в сильных руках безродного камердинера.... Я оторвала кусочек своей души и преподнесла ему, преподнесла навеки вечные. Если я не умру от тоски, то от одиночества, ибо моим единственным возлюбленным не может быть никто, кроме сэра Лиана Беверли, которого я знаю всего два дня, но полюбила так сильно, будто была с ним всю жизнь.

Когда массивные двери распахнулись, как крылья бабочки, нам вновь загородили проход два стражника: – Нашел медальон?

– Нет, обыскал всю башню, каждый закоулок и щель. Нигде нет. Возможно, хозяин обронил его в другом месте.

Охранники безразлично кивнули, а вскоре вообще исчезли из виду за толстой стеной правого крыла.

Я вскинула голову, желая увидеть на зубчатой крыше Лиана и его спутницу. Ветер теплыми порывами дул мне в лицо, разметая волосы по плечам. И тут на фоне серого, местами голубого, неба, стоя на самом краю, показались два силуэта, которые казались призрачными. Прищулив глаза и благодаря своему острому зрению, я смогла различить эти две фигуры, отчего сердце мое невольно екнуло. Сэр Беверли взял на руки турчанку, ласково укутав ее в свой потертый плащ. Мгновение, и они прыгнули.... С этим прыжком у меня все оборвалось внутри, а дикое желание увидеть Лиана, убедиться, что после этого опасного «полета» он жив, вонзилось беспощадными когтями мне в разум. Но все-таки, собрав все свое мужество и смелось, я сказала себе, что должна вести себя, как настоящая Бломфилд: гордо и непоколебимо.

Всю последующую дорогу я молчала, смотря то на пенистую поверхность реки, то на безоблачное небо. Чем мы были все ближе к дворцу, тем сильнее ощущался аромат власти, королевства, аромат, который сводил меня с ума, заставляя трепетать от сожаления. В королевских стенах я чувствовала себя птичкой в клетке. Все свое детство я жила в страхе перед родителями, в полном подчинении, но еще никогда так сильно мне не хотелось стать свободной, просто жить, зная, что ты никому ничего не должна. А постоянные упоминания о том, что я – леди голубых кровей и моим долгом является думать о графстве, превратились в яд, который с каждым годом все сильнее втирали мне в разум родители.

Паскуаль оставил лодку там же, где и всегда: в тени деревьев, где никогда никого не было. Этот укромный уголок, называемый «Одинокой дикостью», скрывался за высокой, зубчатой стеной заброшенного замка, в щели которой росли самые редкие деревья Англии.

Я вскинула голову, морщась от солнца, чьи лучи окутали мой взор. Пытаясь привести себе в порядок, я разгладила руками мокрую, верхнюю юбку и попыталась заплести растрепанные волосы в косу. Разумеется, меня будут бранить за то, что я расхаживаю без чепца, что бы обязательным предметом туалета для королевской фрейлины, но деваться было некуда.

Чтобы не вызывать подозрения, я пошла к воротам первая, а мальчик скрылся за кустами дикого шиповника. Постучав, я услышала, как скрипнул замок, а громкий, хриплый голос спросил: – Кто там?

– Пропустите, это я – фрейлина ее величества – Вивиана Бломфилд, – теперь раздался тяжелый стук огромного засова и, наконец, меня пропустили вовнутрь, в пропускную галерею, где я была первый раз с сэром Питером в день своего пребывания во дворец. Теперь это было пустынное место, если не считать многочисленной стражи, которая усилилась по случаю убийства мадам дел Фагасона и попытки отравить королеву. Кстати, именно вчера вечером мне сообщили, что один бочонок вина, который собирались подавать Екатерине к обеду, и вправду был отправлен обычным мышьяком.

Погруженная в свои мысли, я не заметила, как ко мне приближается юный гонец.

Запыленный пылью, уставший, молодой человек подошел ко мне, держа в руках скрученный лист бумаги, скрепленный тяжелой, багровой печатью: – Вы – Вивиана Бломфилд? – сильный акцент давал понять, что этот юноша – не англичанин, а немец.

– Да, я. А кто ты такой? – молодой человек, присев передо мной на одно колено, протянул письмо: – Я приехать из Германия, жить в Берлине и служить король. Меня прислать граф Нишкон Бломфилд. Он сказать, что вы есть его дочь, – радостный порыв захлестнул меня. Несмотря на то, что во время своего пребывания дома, отец вел себя со мной не очень хорошо, если не сказать, грубо, я все равно была рада, что он написал мне. Взяв листок и оторвав печать,

я стала читать: *«Вивиана Бломфилд, леди моя дочь, я обращаюсь к Вам, находясь в другой стране, с другими людьми и обычаями. Моя служба в Германии будет длиться пять-шесть лет, но я, как глава семьи, не могу допустить, чтобы Вы, дочка, все это время жили во дворце. Служить королеве – честь для любой девицы, но не забывайте о своем долге, Вивиана. Ваша обязанность – продолжить наш род, скрепить его здоровыми мальчиками. До меня дошли слухи, что Ваша мать – графиня Кевен, желала выдать Вас замуж за австрийца Гильберда Честертона, подробности я писать не буду из-за осторожности. А достойная мадам д'Аконье желала отправить Вас в Суффолк для очень щепетильной ситуации. Возможно, Вы захотите узнать, что из этих предложений я считаю более уместным. Так знайте: я приказываю Вам после турнира немедленно, неотлагательно, собирать вещи и готовиться к отъезду в замок его светлости герцога Саффолка. Вы выполните все требование миссис Марлино и запомните самое главное, никто не должен узнать правду. Я надеюсь на Ваше благоразумие и покорность.*

Ваш отец – Граф Нишкон Бломфилд», – у меня перехватило дыхание, а строчки смешались в темное пятно. Господи, как я надеялась, что хоть в Берлине отец не будет докучать мне, но получилось все наоборот. Я могла послушаться мадам д'Аконье, но против воли графа я не смогу пойти. Я окинула взглядом ганца, который переминался с ноги на ногу, ожидая от меня поручений. Перейдя на немецкий язык, я сказала ему: – Передашь его светлости, что я выполню его приказ, но при одном условии: граф поклянется, что никогда не выдаст меня замуж за австрийского герцога ради греховных дел. Можешь идти, – юноша тотчас покинул двор.

Подняв юбки, я побежала вверх, в свою комнату, надеясь, что мое отсутствие не заметили. Не успев дойти до нужного коридора, я услышала взволнованный и хриплый мужской голос, окликавший меня: – Мисс Вивиана, стойте! – ко мне, тяжело дыша, с багровым лицом, подбежал сэр Питер. В таком виде я его едва узнала, но он был не пьян, а чем – то взволнован.

– Что случилось?

– Королева... она... плохо, – путая слова, заикаясь, пробормотал приближенный Екатерины. Одно слово «королева» предвещало не очень хорошие последствия, ибо ее величество была на седьмом месяце беременности, и все с трепетом и страхом ждали, когда им скажут, что супруга короля родила мертворожденное дитя.

– Сэр, успокойтесь и спокойно расскажите, что произошло.

Отдышавшись, мужчина выпрямился и с надрывом в глазах посмотрел на меня. Теперь, когда его багровое лицо приходило в норму, а губы не дрожали, я ужаснулась, увидев на его лице ту правду, которую боялась услышать больше всего: – Неужели опять?..

– Слава Богу, пока нет. Но у королевы начались преждевременные роды, и один Бог знает, закончатся ли они благополучно для государыни. Сейчас половина фрейлин ее величества в часовне, молятся, чтобы королева разрешилась здоровым мальчиком, а половина вместе с ней. Вы...

– Я пойду к королеве! – решительно заявила я и побежала в ее покои. Когда двери распахнулись, мне в нос ударил резкий, омерзительный запах крови и тысячи смешанных ароматов, принадлежавших лекарствам. В висках застучало, когда я только переступила порог опочивальни Екатерины. Ее громкие, наполненные болью, крики разносились по всей комнате и эхом отдавались у меня в ушах, а непрерывные слова утешения, лившиеся потоком, различные молитвы и псалмы, которые читали женщины, вообще сводили меня с ума. У меня перед глазами мелькали яркие наряды фрейлин, более темные одеяния аристократок, белые халаты лекарок. Во все стороны летели окровавленные тряпки, которые вынимали между ног королевы. Я подошла к ее кровати, ловя на себе недовольные взгляды мадам д'Аконье. Все присутствующие были так заняты, что даже не заметили моего прихода, но вот только не эта карга.

Быстро сказав что-то темноволосой служанке, итальянка незаметно дернула меня за рукав и прошипела на ухо: – Где вас дьявол носил?

– Это сейчас не имеет никакого значения, – отмахнулась я, смачивая покусанные губы Екатерины каким-то вонючим отваром, из-за которого у королевы должна была начаться рвота. Мне еще в детстве говорили, что во время рвоты матка роженицы сокращается и это способствует быстрому разрешению от бремени. Но не помогало совершенно ничего. Когда боль немного отступала, Екатерина засыпала, но минут через восемь-десять просыпалась с криком раненного животного.

Я потеряла отчет времени. Секунды, минуты, часы, все слилось воедино, казалось, что нет ни утра, ни дня, ни вечера, ни ночи. Бедные служанки, по локти запачканные в кровь, не жалея своих ног, метались то по покоям, то по всему дворцу, ища новых лекарей и различные лекарства. Фрейлины, до помутнения рассудка, шептали все молитвы и псалмы, которые только знали. У меня заболели зубы, в горле пересохло, но некогда было пить или есть. Я до дрожи сжимала руку королеве, шепча утешительные слова, в которые уже и сама не верила. Я молилась всем святым, забывая, что половина из них – православные или католические мученики. И каждая моя молитва заканчивалась словом: «Святая Дева Мария, помоги рабе Своей Божьей. Позволь ей разрешиться здоровым и крепким мальчиком, будущим королем Англии. Аминь, аминь, аминь» – в унисон за мной повторяли все, кто слышал эти слова. Но, несмотря на панику, крики, шептания, я ни разу не услышала от слуги, что у двери покоев ожидает король. Обычно всегда, любой монарх, когда рожала его жена, был в коридоре, и ждал результатов родов. Но сейчас, в этой комнате ни разу не прозвучало имя короля.

– Тужься! Давай! Еще, еще сильнее! Тужься, дитя мое! Вот родишь сына здорового, будущего государя на отраду народа и государства! – приговаривала старая повитуха, голос у которой охрип до неимоверности.

Наконец королеву вырвало. Выплеснув содержимое своего желудка, она, тяжело дыша, откинулась на подушки, испуганно поглаживая на свой живот: – Я... я не чувствую схваток, боли совершенно нет. Что случилось? – лекарки не отвечали, но я с ужасом заметила, как их лица становятся белее мела: – Ваше величество, дышите глубже.

– Что с моим ребенком?! – почти кричала королева.

– Он запутался в пуповине. Сейчас вам будет очень больно, но потерпите, – через несколько секунд тело Екатерины изогнулось, а из уст вырвался ужасающий вопль. Я почувствовала, как рука испанки, которую я сжимала уже долгое время, стала холодеть, а сама она, открыв рот, медленно оседала на простыни.

– Что случилось? Не молчи! – не выдержала я, понимая, что мои нервы на исходе.

– Приведите священника, – глухо ответила повитуха. Закрыв рот ладонью, я покачала головой: – Кто?!.. кто?

Но ответа на мой вопрос не последовала. Через несколько мгновений лекарка, отойдя от ложа королевы, подошла к нам, показывая то, от чего я едва сдержала тошноту. На ее руках лежал окровавленный комочек плоти, покрытый слизью. Все замерли, я не слышала даже стука собственного сердца.

Послышались тихие слова королевы: – Скажи, что ребенок жив.... Скажи! – Екатерина Арагонская закричала, потом в бессилии устремила на повитуху умоляющий взгляд.

– Увы, миледи, увы. Вы родили мертвого мальчика.

– Нет!!! – супруга короля завопила от судорог, которые сковали все ее тело: – Нет! Мой мальчик, мой сын! Он жив!!! Жив!!! – крики королевы смешались с ее учащенным дыханием, поэтому ее последних слов я не разобрала.

– Ее величество задыхается! – в панике вскричала младшая лекарка, беспокойно щупая пульс на тонком запястье Екатерины.

– Дайте ей снотворного! Быстрее! – распорядилась повитуха, беря стакан в свои тонкие, окровавленные пальцы и подавая его королеве. Через минуты две-три супруга короля, уже начиная спокойно и ровно дышать, закрыла глаза, отдавая свой истерзанный ум и уставшее тело сну.

– Ее величество проспит до утра, но, а завтра, с ней поговорит духовник. Я уверена, что святой отец сможет успокоить и залечить ее раны, – тяжело вздохнула младшая повитуха, женщина лет тридцати пяти, протирая руки полотенцем.

– Раны утерянного материнства никогда не заживают, Меган. Я сама потеряла двоих детей после неудачных родов, а сколько мертворожденных поведала.... Ни одна женщина, пережившая такое несчастье, не сможет позабыть и вылечить своих ран. Ни одна.... А наша королева тем более. Сколько выкидышей, мертворожденных детей.... Слава Богу, что хоть принцесса Мария жива и здорова. Это единственный ребенок, которому было суждено появиться на свет из чрева королевы.

– Почему же единственный, тетушка Кенота? Даст Всевышний, и ее величество произведет на свет здоровых детей! – воскликнула так же Меган, младшая, по – назначению, лекарка, которая в таких делах разбиралась не лучше крестьянской девки.

– Ах, Меган, ах. Ты же уже не девочка, взрослой стала. Но в родах совсем не разбираешься. Тебе же скоро тридцать исполнится, а ты на чрево роженицы смотришь, как между пальцев.

– Что я опять не так сделала, тетушка? – надула губки, как ребенок, молодая женщина.

– Ты же помогала мне роды принимать у королевы. А нюанса, который очевиден каждому, не разглядела. Ее величества больше не сможет иметь детей. Шейка матки у нее повреждена, ранний климакс начнется недель через пять. Как она забеременеет без должных месячных, а? Сам ребенок на свет появится, с неба упадет? – разозлилась тетушка Кенота, тучная женщина пожилых лет.

– Ладно, успокойтесь. Чего это вы разбушевались, тетушка? Ну не разглядела я дефекта. С кем не бывает?

– Уж прости меня, но с повитухой, пускай и младшей, такого бывать не должно, голубушка. Сама на это ремесло замахнулась, тебя никто не заставлял в лекарки идти. Ладно, хватит болтать. Перед приходом святого отца нужно малыша обмыть, запеленать. Хоть и мертв он, но все же королевский сын. Иди сюда, Меган. Вот сейчас и докажешь мне, что можешь отменной повитухой быть. Приведи ребенка в порядок.

Мадам д'Аконье, с отвращением смотря на маленький комочек плоти, с едва сформировавшейся головкой, ручками и ножками, хлопнула в ладоши, своим скрипучим, громким голосом приказывая: – Так, дамы, расходимся по комнатам. Королеве нужен отдых, да и повитухам мешать не нужно. Выходите. Эй, слуга, сообщи королю, что у него родился мертворожденный сын. Пусть хоть после родов жену проведает, если во время схваток боязно ему было! – я удивлялась наглости этой итальянки. Еще никто не осуждал монарха, да еще и прилюдно. А эта старуха, пускай и имевшая десятки титулов, говорила о помазанном короле Англии, как о каком-то торговце.

Когда все девушки вышли, я, убедившись, что Марилино тоже скрылась из виду, вернулась в покои королевы. Покинуть ее я не могла. Хоть и болела у меня за нее душа, беспомощной я себя чувствовала.

– Тетушка Кенота, Меган, позвольте войти, – постучалась я, обращаясь к повитухам, которые готовили чистые пеленки.

– А, входи, дочка. Что-то хотела? За ее величества волнуешься? – спросила старшая лекарка, дружелюбно провожая меня к креслу.

Хоть я и пообещала себе, что не буду смотреть на мертвого ребенка, мой взгляд все равно приковался к его тельцу. Сердце так заняло, что хотелось выть. Этот невинный ребенок, которого так быстро покинула душа, мог ведь стать правителем страны.

– Позвольте, я сама его обмою и запеленаю, – поддавшись непонятному порыву, попросила я. Мне внезапно захотелось коснуться этого малыша, почувствовать на руках его легкое тельце.

– Что ты, девочка моя? Младенец ведь совсем крохотный, нужно с ним аккуратно обращаться. Не дай Бог, повредишь что-то. Это забота лекарок. А ты посиди с королевой, – распорядилась женщина, добавляя в маленькую миску какие-то лекарства.

– Прошу Вас, тетушка Кенота. Я лишь коснусь его, – что-то бурча, старуха отошла от стола, предоставляя заботу о мертвом ребенке мне. Сердце у меня затрепетало, как птичка в клетке, когда я взяла почти прозрачное тельце в свои руки. Малыш был холодным, как лед, и его посиневшая кожа казалась мне заледеневшей. Я даже не сразу поняла, что плачу. Мне до безумия захотелось, чтобы этот младенец задышал, заплакал, открыл свои глазенки. Вместо этого я гладила его бездушное тело, целовала и обнимала, но даже не чувствовала отворачивания. Это был ангел, крылья у которого были в, навсегда мертвом, сердце. Теперь я до боли понимала королеву. Она семь месяцев носила этот комочек ледяной плоти у себя в животе, оберегала, как зеницу ока. Возможно, если бы малыш не запутался в пуповине, его можно было бы спасти, но судьба-матушка рассудила иначе. Лекарка Кенота являлась лучшей во дворце, сотни детей оживали на ее старческих руках, но она не смогла вдохнуть жизнь в сына Англии.

Розовая вода, в которой мыли покойников, чтобы уничтожить запах, сейчас касалась головки малыша. Я аккуратно, нежными движениями окунала его в воду, роняя в миску слезы. Закутав тело в полотенце, я преподнесла его Кеноте, которая тоже со слезами на глазах наблюдала за омовением.

Меган стояла в стороне, и ее красивое лицо совсем не выражало никаких чувств. Крепко сомкнутые губы едва заметно дрожали, между черными, как смоль, бровями залегла глубокая морщинка, растянутая от середины лба до переносицы. Ее серо-зеленые глаза оставались сухими и непринужденными. Казалось, что смерть принца совсем не затронула струны в ее душе. Хотя, ведь для повитухи это нормально. Лекарки ведают на своем медицинском пути много смертей и, возможно, привыкают к этому.

Раздался тихий стук в дверь: – Откройте. Эта священник, – меня едва не передернуло. Если святой отец пришел не сам, то ругани со стороны старших мне не избежать. Сейчас, когда день клонился к полудню, все фрейлины, даже самых высоких рангов, были обязаны молиться в часовне, а особенно сегодня, когда колокола в вечернюю мессу оповестят о смерти еще одного потомка Тюдоров.

В покои зашел святой отец, облаченный в темную рясу, с крестом на груди. Его морщинистое лицо выражало тоску и печаль. Взяв мертвое дитя на руки, он тихим, покорным голосом сказал: – Дети мои, я бы мог окрестить ребенка здесь, но по – законам, я должен это сделать в часовне. Завтра его похоронят, как верного христианина.

– Как вам будет угодно, отец Михаил, – кивнула девушка, пришедшая со священником: – Но не мешало бы спросить короля, ибо королева до утра будет опочивать.

– Я был у его величества. Он пожелал, чтобы крещение прошло в часовне, но только тихо, без церемоний и ритуалов. Дадите малышу христианское имя, наречете рабом Божиим, и распорядитесь, чтобы готовились к похоронам. Завтра до захода солнца ребенок должен быть погребен, – оповестил входящий в опочивальню сэр Питер. Синие круги под его глазами напухли, лицо было бледным, как стена. Питер слишком боялся за королеву, раз все это время томился у дверей ее покоев.

– Боже, а вы что здесь делаете, леди Вивиана? Мадам д'Аконье накажет вас за непослушание. Немедленно возвращайтесь к себе, а лучше, пойдите в церковь, помолитесь, – но я

даже не сдвинулась с места. Мне надоело, что каждый приказывает мне, что делать. Я уже не маленькая девочка, за которой нужна круглосуточная опека.

– Придержите язык, мистер! – крикнула я, вложив в эти слова всю злость, что накопилась во мне за несколько дней.

– Что вы сказали? – голос приближенного королевы охрип, и теперь я видела, как блеснули его зубы в злобной ухмылке.

– Если вы оглохли, я не виновата. Но запомните: вы ни мой опекун, ни брат, ни жених, ни муж, ни отец, чтобы распоряжаться моими действиями. У вас нет таких полномочий, и поэтому я требую, что бы вы извинились за проявленную грубость и невежество.

– Извинился? Я? Перед вами? Придите в себя, девочка, я почти вдвое старше вас, больше того, я ровесник вашего отца. Вам нужно еще дорасти до того, чтобы я просил у вас прощения. А теперь уходите. Немедленно, я сказал! – задыхаясь от гнева, я подняла руку, чтобы дать этому высокомерному негодяю пощечину, но отец Михаил схватил меня за запястье: – Будь благоразумна, дочь моя. Девушке не идет игривое поведение, – я смиренно опустила глаза, понимая, что в присутствии священника и вправду веду себя слишком раскованно.

– Хотя вы, святой отец, научите эту строптивцу покорности, чтобы знала свое место.

– Сэр Питер!

– Довольно, дети мои. Что за ребячество? Будьте серьезными хотя бы в такой печальный день и не ссорьтесь. Сынок, Вивиана в чем-то права. Ты, конечно, на правах старшего можешь указывать на ее ошибки, но делать это в крайне уважительной форме. А грубить даме, как тебе известно, запрещается. Будь же мужчиной, Питер. А ты, девочка моя, тоже хороша. Девица должна быть кроткой, не поднимать глаз, не говорить без позволения. Вот выйдешь замуж, тогда и будешь в замке у супруга хозяйничать. Здесь же ты собственность английского двора. Ну, довольно разговоров. Хелена, дочка, ты пойдешь с нами. Миссис Кенота, тебе я поручаю позаботиться о ее величестве. Меган, девочка моя, оповести главную церковь, чтобы завтра была заказана месса за упокой души сына короля, пусть приготовят все для похорон и поминок. Питер, тебе бы не мешало выспаться. Завтра на рассвете ты должен сопровождать похоронную процессию к королевскому кладбищу. Всем понятны свои обязанности? Вот и хорошо. Вивиана, Хелена, идите.

Глава 6

Укутавшись в плащ, я шла следом за святым отцом и Хеленой. Дождь опять моросил, неприятно веяло сыростью и холодом. Сколько себя помню, конец августа всегда был жарким, знойным. Но в этом Лондоне, которого по существу называли туманным, погода была совсем другой. В Поттрипридде я никогда не мерзла зимами, ибо они были всегда снежными и солнечными, но мысль о том, что зимой я буду в Суффолке, неприятно пугала меня.

Дворцовая часовня находилась неподалеку от главной башни и ее структура не особо радовала глаз. Это было маленькое, скудное помещение без алтаря, которое вмещало в себя лишь три лавки, стоявшие вдоль стены и статую Богоматери, которая в руках держала не Иисуса Христа, а икону с Его изображением. В центре располагалась маленькая лохань, над которой висел золотой крест, а с обеих сторон стояли сестры-монахини. Одна, смуглая девушка лет двадцати, держала в руках распятие, а другая – чашу со священной водой и белоснежное полотенце. Где-то эхом отдавались молитвы монахов, доносившиеся из смежного монастыря, на крыльце протяжно выла сторожевая собака.

Святой отец, положив одну руку на крест, аккуратно опустил тело малыша в лохань. Я с Хеленой присела на потертую лавку, сложив руки в молитвенном жесте. Следя глазами за крещением, слыша ушами молитвы, шепча губами псалмы, я уловила себя на мысли, что мой разум далеко отсюда, он там, где Лиан, где его дыхание, где его биение сердца... Я отлично понимала, что в часовне такие мысли преступны и нечисты, но ведь сердцу не прикажешь. Я не могла выбросить из своей памяти его лицо, его нежные руки, не могла забыть и то, что увидела на крыше башни... Я сама отдала Тангюль Лиана, сама спасла ее, сама устроила их совместное бегство. Мне оставалось лишь горячо молиться, чтобы *мой любимый* был жив и здоров.

И тут я едва не воскликнула, когда вспомнила, что пообещала Паскуалью вернуться за ним и пойти до сэра Курио с просьбой о выкупе. Но ведь прошло больше трех часов... Спыхватившись, я быстрым, дрожащим голосом сказала: – Мисс Хелена, если кто-то будет спрашивать, почему я покинула крещение, скажете, что мне стало плохо, и я решила немного подышать свежим воздухом, – кивнув, девушка продолжила горячо шептать молитвы, не обращая на меня никого внимания.

Подняв юбки, я быстрыми, летящими шагами вышла из часовни, направляясь во внешний дворик дворца. Конечно, около ворот возникли проблемы со стражниками, которые получили приказание никого не выпускать из дворца без весомых причин, но, взяв две монеты на каждого, они пропустили меня. Оглядываясь по-сторонам, я побежала в «Одинокую дикость», надеясь, что Паскуаль еще там. К счастью, мальчик, скрывшись за кустами шиповника, сидел на огромном камне.

– Слава Богу, ты здесь, – улыбаясь, проговорила я, тяжело дыша от быстрого бега.

– Простите, леди, может, это не мои проблемы, но где вас носило три добрых часа? Я уже ждать устал.

– В королевые начались преждевременные роды, я была вынуждена остаться с ней.

– Вы повитухой решили стать? – усмехнулся Паскуаль, обнажив свои белоснежные зубы.

– Не умничай, дружок. Иначе так и останешься у сэра Курио, – парировала я, смотря, как лицо мальчика обретает серьезность и странную тревогу.

– Нет уж, леди. Мне совсем не хочется быть его рабом, ой, пажом. Идемте уже. Надоело сидеть в кустах.

Покои сэра Курио были великолепны. Такая роскошь была даже не привычной в комнате обычного придворного. За дверью, сделанной из красного дерева, находился вестибюль, вмещавший в себя резной шкаф для верхней одежды, золотые крючки для шляп и подставку

для тростей. С другой стороны располагался багровый диван, стоявший возле камина, в котором тлели еще вечерние дрова. Одна дверь вела в рабочий кабинет сэра Курио, другая – в его спальню.

– Хозяин просыпается не раньше полудня, поэтому здесь так и тихо. Никто не смеет потревожить его сон, – увидев замешательство на моем лице, объяснил мальчишка, с любопытством разглядывая многочисленные меховые плащи сэра Курио, которые были скорее похожи на верхнюю одежду короля. Да, этот старик и вправду любил пышные наряды, ибо шляпы с перьями и рубинами для его преклонного возраста являлись роскошью.

Паскуаль подвел меня к правой двери, и ударил в колокольчик, после чего на пороге появился паренек, чьи волосы скрывал белоснежный парик, а зеленый мундир с ленточками висел на его нескладной фигуре: – Леди, Вы что-то хотели? Этот сорванец проявил неучтивость к вашей персоне?

– Нет, мастер⁶ Паскуаль оказался на удивление дружелюбным ребенком. Я бы хотела поговорить с его хозяином – сэром Курио, – слуга неловко опустил глаза, теребя концы кудрявого парика: – Милорд несколько минут назад проснулся. Он выполняет утренние процедуры. Приходите приблизительно через час.

– Но у меня нет времени. Да и сейчас уже полдень. Я же не пришла просить у него аудиенции на рассвете. Пропусти меня, парень, – смущенный юноша отошел в сторону, распахнув передо мной двери опочивальни.

Сэр Курио, еще одетый в ночной халат и с колпаком на голове, сидел в кресле, перебирая какие-то бумаги, а рядом суетились слуги: повара приносили завтрак для своего господина: жареные фазаны, овощной салат с имбирем, сыр и кувшин со старым вином. Два камердинера заправляли постель, меняли простыни и подушки, а еще два тушили свечи.

– Сэр, – я присела в реверансе, Паскуаль поклонился.

Начальник Тауэра неохотно обернулся, положив на стол какую-то папку с гербом Тюдоров: – Леди Вивиана? Имею честь принимать вас в своих покоях. Чем обязан?

– Простите, что побеспокоила, но, как вам известно, дела не ждут. Милорд, понимаете, так случилось, что ваш паж – мастер Паскуаль помог мне в очень деликатном деле. Он очень умный, серьезный мальчик для своих детских лет. А я давно хотела найти себе верного слугу, который сможет и письмо передать, и что-то разузнать. С вашего позволения, таким слугой может стать Паскуаль, – старик нахмурился, и сейчас я отчетливо видела его шрам, простирающийся от левой щеки и до виска. Обычно сэр Курио прикрывал рубец волосами, но сейчас, когда копна его седых кудряшек была скрыта под колпаком, я отлично видела этот дефект, получение которого было позорным для рыцаря.

Очень давно, когда Война Алой и Белой розы⁷ была в разгаре, сэр рыцарь Гриффит Чайдл, отец сэра Курио (Джорджа Чайдла) сражался на стороне Ланкастеров, под знаменем Красной Розы. В битве при Эксгеме⁸ рыцарь потерпел поражение, его ранили в грудь, и не было никаких надежд на выздоровления. К счастью, молодой человек справился с недугом, но воевать уже не мог из-за отсечения правой руки. Гриффит был вынужден бежать из Англии вместе с семьей в Шотландию, к старшему брату. Его супруга – леди Селеста Чайдл (мать Джорджа Чайдла, который в будущем получил звание сэра Курио) была на шестом месяце беременности, и бегство могло пагубно отразиться на ее здоровье. А Джордж был еще совсем маленьким, и была опасность, что он не выдержит долгого путешествия. Из-за всего этого Гриффит был

⁶ *Мастер* — в средневековье мальчишки, происходившие из благородных семей и служившие уважаемым людям, получали звание «мастер».

⁷ *Война Алой и Белой розы* – вооружённый династический конфликт, который происходил между двумя ветвями династии Плантагенетов – Ланкастерами и Йорками. Война началась в 1455 году, а закончилась – в 1485. Победу одержал Генрих VII Тюдор из дома Ланкастеров.

⁸ *Битва при Эксгеме* – сражение состоялось 15 мая 1464 года.

обязан остаться в Англии, под клинками воинов. За ним охотились люди Джона Невилля⁹ и, чтобы спасти свою жизнь и жизнь семьи, рыцарь спрятался в погребке у одного знакомого вместе с женой и ребенком, где провел полгода. Хозяева приносили беглецам еду и питье, хозяйка помогла Салесте родить второго ребенка – девочку Оллизон. Жизнь в погребке со временем стала просто невыносимой и поэтому семья вновь принялась искать убежища. Но тут фортуна от них отвернулась. В постоялый двор, где остановилась чета Чайдл, ворвались йоркисты и устроили настоящую резню. Салеста была четыре раза изнасилована, после чего сама испустила дух от кровотечения, Оллизон зарезали. Но Гриффот продолжал отчаянно сражаться, надеясь спасти хотя бы сына Джорджа. В один миг воины выбили меч из рук Чайдла и когда они собирались сделать решающее движение мечом, рыцарь пригнулся и клинок полоснул щеку Джорджа (сэр Курио). Гриффота все равно убили, но его сын успел убежать от рук йоркистов.

Обессиленного мальчика нашли монахини монастыря, они вылечили его, остановили кровь из раны, но рубец остался на всю жизнь. После этого Джорджа отправились в мужской монастырь для мальчиков. А когда ему исполнилось двенадцать, приняли в казарму для обучения будущих воинов. Джордж был женат три раза, но в преклонном возрасте все равно остался вдовцом. А фамилию Курио ему дал Генрих VII после победы на турнире, чтобы навсегда забыть о том, что Джордж – сын Гриффота Чайдла.

Сейчас сэр Курио был уже в преклонном возрасте, но это не мешало ему верой и правдой служить Тюдорам. Никто ни разу не слышал из уст Джорджа печаль или сожаление. Рыцарь, возможно, был слишком маленьким тогда, чтобы запомнить смерть родителей, но все же то, что отец сражался на стороне Ланкастеров, он должен был знать. Генрих VIII являлся сыном Генриха VII из дома Ланкастера, но и Елизаветы Йоркской из дома Йорков. Несмотря на то, что на гербе Тюдоров изображена алая роза с белой в середине, многие люди до сих пор считают, что Тюдоры – потомки Ланкастеров, а не Йорков.

– Извините, я задумалась, – опешила я, смотря, как сэр Курио любопытно окидывает меня взглядом: – Так, вы согласны?

– О, леди, отказать вам – грех, ибо не каждый день такая прекрасная дама, как вы, что-то у меня просит, и все же...

– Я забыла сказать самое главное, мистер. Паскуаль – ваша собственность и поэтому я могу его у вас лишь купить. Назовите любую сумму, и я непременно вам ее предоставлю. Будьте в этом уверены, – сэр Курио встал, сняв колпак и положив его на резной стол.

– Мисс, я не смею сомневаться в вашей честности, и я уверен, что любая, названная мною сумма, будет немедленно выплачена. Но не в моем характере брать с девушки деньги. Мастер Паскуаль и вправду принадлежит мне целиком и полностью, поскольку он сирота, но он не мой раб, а паж-воспитанник. А я своих воспитанников не имею право продавать, как пленников. Что ж, так и быть. Мальчик будет служить вам, но моя услуга бесплатная. Считайте, что это подарок, – я радостно захлопала в ладоши, как ребенок. Но Паскуаль оставался молчаливым и грустным. Я заметила, как у него по щеке скатилась слезинка: – Благодарю вас, сэр, – по – традиции, произнес мальчишка, поцеловав руку Джорджа Курио.

– Не смею больше вас задерживать, милорд. Позвольте откланяться, – присев в реверансе, я сделала несколько шагов к двери, но остановилась, увидев бумагу, лежавшую на кресле. На ней были написаны какие-то странные буквы, а сверху нарисована черная, пятнадцатиконечная корона, возле которой располагалась роза, проткнутая кинжалом. Я беззвучно ахнула, вспомнив, что на том медальоне из двух частей, что я нашла в таверне, тоже был такой знак, а буквы точно такие, как на руке у покойницы Каримни: – Что это, милорд? – пытаюсь говорить спокойно и равнодушно, спросила я, внимательно следя за выражением лица сэра Курио. Я

⁹ Джон Невилль – аристократ и военачальник. Первый граф [Нортумберленд](#) и маркиз Монтегю. Активный участник Войны Алой и Белой Розы.

увидела, как его зеленые глаза, размером с бусинки, блеснули каким-то огнем и сразу погасли, а в уголках крепко сжатых губ проскользнула едва заметная усмешка: – Это... документ государственной важности. Юной леди не стоит знать, что в нем. Прошу прощения, но сейчас ко мне придут гости. И поэтому я вынужден попросить вас откланяться вместе с мальчиком, точнее, с вашим новым слугой, – мило улыбнувшись, я вышла из опочивальни, крепко сжимая похолодевшую руку пажа.

– Почему ты так бледен? Что с тобой? – когда за нами закрылась главная дверь, спросила я, садясь на колени и нежно глядя мальчика по голове: – У тебя рана болит?

– Дело не в ране, госпожа, просто мне стало дурно, когда мы выходили из комнаты. Что-то меня насторожило. Вы не заметили ничего подозрительного? – продолжал малыш, с опаской оглядываясь назад, на ту дверь, где мы познакомились несколько часов назад.

– Знаешь, мне тоже показалось такое дружелюбное поведение сэра Курио странным. Он не тиран, но мягкостью характера однозначно не отличается. Да и та бумага....

– Какая бумага, миледи? – спросил мальчик, после чего я вовремя спохватилась. Ребенку не нужно знать о моих подозрениях, особенно о том, как зверски была убита Каримни дел Фагасона: – Это не имеет значения. Ты лучше иди к мадам д'Аконье, пусть она подыщет тебе комнату близ покоев юных фрейлин.

Когда Паскуаль скрылся из виду, я еще долго стояла на одном месте, раздумывая над увиденным и прокручивая в голове все те детали, которые могла мне понадобиться. Криминалист Анхорело Дебитти не нашел никаких зацепок на месте убийства, да и лекарь только подтвердил, что удары были нанесены пятнадцать раз острым кинжалом. Я долго ломала себе голову над тем, стоит ли венценосной чете знать о медальоне и о том, что такие же символы я видела в покоях сэра Курио. В честности старого рыцаря никто не будет сомневаться, ибо мужчина, носящий цепь и шпоры, не мог быть причастен к убийству фрейлины, да и Каримни достаточно хорошо знала Джорджа, была с ним всегда любезна и приветлива, а он ни чем не смел ее оскорбить. Конечно, может в душе он и призывал ее, хотел за что-то отомстить, но на убийство он пойти не мог. И тут я вспомнила злость Лилини Зинг, ее неприязнь к покойнице и безграничный гнев, а ведь именно старый рыцарь выхлопотал для Лилини место в свите королевы. И до меня ни раз доходили слухи даже в Поттрипридде, что взбалмошная кокетка с радостью запархала в постель ко всем, у кого большой кошелек. Выходит, Лилини и сэр Курио, не смотря на огромную разницу в возрасте, могли быть близки, и вынашивать план мести Каримни. Это уже что-то.

Разузнать все поподробней я могла лишь с помощью Мирин. Она ведь тоже отнеслась к смерти фрейлины, как к событию, которое все равно должно было произойти. А о развлечениях сестры ей, разумеется, все было известно.

Когда я вернулась в комнату юных фрейлин, там было тихо и пустынно. Лишь в дальнем углу я услышала какое-то всхлипывание. Подойдя ближе, я увидела Шекену. Девушка, закрыв лицо своими тонкими, ухоженными пальцами, надрывно рыдала. Меня поразила красота ее волос, которые сейчас свободно разметались по плечам. Черные, как смоль, густые, как лошадиная грива, мягкие, как пух, они и вправду заслуживали восхищения. Мусульманка не была красавицей, ее трудно было назвать даже хорошенькой. Как у всех восточных женщин, у нее были огромные, живые глаза цвета потухшего факела: карие, с легким, черно-багровым отливом. Длина ресниц тоже была необычная, вот только брови слишком густые для девицы. Все портил крючковатый нос с горбинкой на переносице. Губы цвета спелой вишни тоже не особо радовали глаз. Пухлые, как у младенца, они выглядели вульгарно и нелепо с плоской родинкой под нижней губой. Фигура была хрупкой, с едва заметной грудью и бедрами.

Я подошла к сирийке, сев на край кровати: – Шекена, почему ты плачешь? Что случилось? – девушка подняла на меня свои красные, от слез, пухлые глаза.

– Я...я больше не могу так! – со всхлипами, прокричала мусульманка, после чего вновь зарыдала с новой силой.

– Тише, успокойся и расскажи, что случилось, – тихим голосом спросила я, вытирая кончиками пальцев слезы, которые обильно лились из глаз Шекены.

– Я... я... люблю его! – вновь крики и рыдания. Я едва заметно улыбнулась. Значит, замкнутая, молчаливая сирийка нашла себе пару. Хотя, я слабо верила, что она чем-то может привлечь мужчину: ни красоты, ни особого ума, ни грации, да к тому же мусульманка-рабыня, не имевшая родителей и родственников.

– Он... он сказал, что..., что я не достойна его, что он любит другую.... Но я жить без него не могу.

– Кто сказал?

– Он!

– Шекена, я тебя сейчас покусая! Назови имя и фамилию, род, титул, возраст... Что-ни будь! – не сдержалась я. Но мой громкий, наполненный неприязнью и раздражением, голос, как будто опустил сирийку с небес на землю. Вытерев слезы, она гордо посмотрела мне в глаза: – Какое это имеет значение?

– Послушай, я помогу тебе, но ты должна мне все откровенно рассказать, – улыбнулась я, надеясь придать своим словам хоть какой-то отпечаток правды. На самом деле, я прекрасно знала, что не смогу ничего сделать, если возлюбленный мусульманки сам от нее отказался, но ведь Шекена могла помочь и мне, подробно изложив судьбу сестер Зинг.

– Я... я не знаю, как его зовут. Просто несколько дней назад я увидела его в свите короля. Тогда *мой возлюбленный* был так прекрасен! Мне казалось, что я вижу ангела, который спустился на землю. Сердце затрепетало, как листок на осеннем ветру, голова пошла кругом. Я боялась заговорить с ним, опасалась, что он примет меня за неопытную девочку, которая влюбляется в первого встречного. Все эти дни я жила лишь мечтами увидеть его, услышать его голос, почувствовать прикосновение его рук. Вчера утром я встретила *ангела моего сердца* в галерее. Он разговаривал с каким-то слугой. Поддавшись порыву, я подбежала к нему, сказала, что нам необходимо поговорить. Он смотрел на меня, как на призрака. Я видела неприязнь в его глазах, видела, как он нервно кусает губы, ожидая моих слов. Но я не могла говорить, слова будто онемели, превратились в пепел и развеялись по воздуху. Тогда я поцеловала его. Коснулась кончиками губ его уст и замерла. Мне было так хорошо, так спокойно, но он оттолкнул меня, назвал публичной девкой, потом долго что-то говорил о том, что леди не пристало так себя вести, что это против божьих и людских законов. Я, путая слова и заикаясь, твердила, что люблю его, что это любовь с первого взгляда, но он ушел.... Сегодня я вновь увидела его. Он ехал на коне с какой-то женщиной. Я вновь, ничего не понимая, бросилась к нему, бросилась под копыта лошади. Мой любимый остановил кобылу и, ругаясь на чем свет стоит, поднял меня с земли и вновь полились упреки. Последние слова из его уст впились мне в разум, как когти хищного зверя: «Я не люблю вас, леди. Я даже не знаю, кто вы. Мое сердце принадлежит другой. А вы убирайтесь и не смейте попадаться мне на глаза». Что мне делать, Вивиана?

Я горько улыбнулась. Было, конечно, жаль Шекену, но это не оправдывало ее глупостей и легкомысленного характера. Я с тоской вспомнила Лиана. Разве я тоже не поступала, как сумасшедшая, чтобы хоть несколько минут побыть с ним? Но я никогда бы не стала прилюдно унижать себя, быть посмешищем. Не идет благородной леди навязываться мужчине. Хотя, сирийка выросла без родителей, никто ей не говорил, что значит девичья честь. А любовь с первого взгляда.... Она существует, я проверила это на собственном опыте, на горьком и тяжелом опыте....

– Что же ты хочешь, Шекена? Пойми, мужчина, которого ты полюбила, возможно, обручен, а то и женат. Ты не должна навязывать ему себя. Это не достойно леди. Больше скажу, это бесплодный поступок. Любовь живет, когда любят двое. А, когда она не взаимна, не нужно

пытаться что-то изменить, – я увидела, как глаза мусульманки налились слезами с новой силой: – Не плачь. Ты еще молодая. Поверь, однажды ты найдешь мужчину, которого будешь любить всем сердцем, а он будет тебя. Это и будет счастье.

Девушка слабо улыбнулась, и при дневном свете ее губы приобрели некое очарование: – Возможно, ты права. Спасибо за совет.

Я, собравшись с мыслями, решила все-таки поговорить с Шекеной про сестер Зинг. Убедившись, что нас никто не подслушивает, я начала: – Ты долгое время живешь при дворе и знаешь Лилини. Понимаешь, ее поведение кажется мне странным. Она веселая, озорная, но за всем этим скрывается боль и печаль. Чья она дочь? Где родилась, как попала во дворец? Те же самые данные меня интересуют и про Мирин, – я ожидала увидеть на лице сирийки удивление, отказ, но она осталась спокойной и хладнокровной. Лишь уголки губ нервно задержались: – Зачем тебе это нужно?

– Я... я очень удивилась, когда Лилини проявила равнодушие, даже радость, по поводу смерти миссис дел Фагасона. И поэтому....

– Уж не подозреваешь ли ты ее в убийстве? – догадалась Шекена. Да, остроумность и пронырливость были у нее в крови: – Послушайте, миледи Бломфилд, я знаю сестер Зинг долгое время. Они честные девушки, хоть и с трудным характером. У вас, сударыня, нет никакого права подозревать их в таких темных и греховных делах, как убийство. Если же вы занялись расследованием, то первым делом вам бы не мешало получить одобрение королевы. Насколько я помню, ее величество поручила это щепетильное дело придворному криминалисту, а не вам. И то, что вы дочь графов Понтриприддских, не дает вам таких полномочий. Поезжайте в свой Уэльс, в свое поместье, и там командуйте, – разбушевалась Шекена, перейдя на официальный тон общения. Я тяжело вздохнула. Возможно, я ищу улики не там, где нужно. Но, что-то подсказывало мне, что Лилини тоже не невинный ангел. А те символы.... Ну не может это быть случайным совпадением.

– Не гневайся, Шекена. У меня есть основания считать Лилини подозреваемой.

– Какие основания? Слова слуг, рабов, подкупленных аристократов?

– Лучше бы было так. Вот, посмотри, – я достала из-за корсета две половинки медальона, положив их себе на влажную ладонь и поднося сирийке.

– Что это? – нахмурилась девушка, взяв одну половинку и поднося ее к окну, чтобы лучше рассмотреть.

– Я нашла эту часть медальона в таверне, когда мы ехали в Лондон. Она лежала в плаще. А вторую половинку сэр Питер обнаружил на шее кухарки. Если соединить их вместе, получаться слова: «Секретно, но ради блага Госпожи». Также, стоит обратить внимание на рисунок: роза, проткнутая кинжалом. А сегодня, когда я приходила к сэру Курио по делам, то увидела бумагу, где был нарисован точно такой знак, также там были написаны алыми чернилами слова на незнакомом мне языке, но на таком самом, как и предложение, высеченное кровью, на руке у покойной Каримни. А Лилини – любимица мистера Джорджа. Поэтому, совпадения слишком тучные. Теперь ты понимаешь, чем обоснованы мои опасения? – Шекена до крови сжала в своей руке половинку кулона, нахмурившись и смотря на меня непонимающим взглядом.

– Но... может сэр Курио просто переписал слова, чтобы передать их полиглоту. В этом нет ничего странного.

– А роза? Ведь никто, кроме меня, сэра Питера и тебя, не выдел этот медальон, – я и сама испугалась того, что все улики указывают на сэра Джорджа.

– Выходит, он подозреваемый?

– Больше скажу, главный подозреваемый, – вздохнула я, видя, как этот разговор заинтриговал всегда тихую, как мышку, Шекену.

– Нужно сказать об этом ее величеству. Такие дела не держат в тайне. А то и нас соучастниками посчитают.

– Королева и так утомлена горем, да и сейчас она спит. Завтра похороны, потом еще проблемы с турниром....

– С каким турниром? – удивилась сирийка. Я и сама понимала, что сейчас не до развлечений, но сама мысль о том, что на арене за мою честь будет сражаться какой-то благородный рыцарь, с достоинством носящий цепь и шпоры, обрадовала меня. И опять тоска по Лиану.... Взяв себя в руки, я вновь перешла к делу, которое сейчас должно было для меня стоять на первом месте.

– Первого сентября намечался турнир, а вечером – бал. Ну, в честь наступления осени. Сейчас уже тридцатое августа. А, какой-то подготовки близко нет. Как я понимаю, праздники перенесут. Но ведь траур обычно длится сорок дней, а все кварталы и постоянные дворы до отказа набиты аристократами. Рыцари ведь ждут, когда смогут посоревноваться оружейными навыками с соперниками. Господи, и вправду говорят, что в этом Вестминстерском дворце одни несчастья. Когда мы уже в спокойный и тихий Гринвич переедем? – разнервничалась я. Проблем было по горло, и это не считать моей скорой отправки в Суффолк. Хотя, в перенесении турнира есть и хорошая сторона. Ведь мои августейшие «опекуны» сказали, что я туда поеду только после торжеств. И чем дольше их не будет, чем дольше я смогу пробыть при дворе.

– Говорили, что в Гринвич мы переедем еще до начала зимы. Но сейчас, со всеми этими хлопотами, мы там будет, наверное, не раньше января. А, что до подозрений в сторону сэра Курио, у меня тоже есть своя версия. Мистер Джордж был лучшим другом графа Оксфорда, а тот, в свое время, не утрудился высказать свою помощь и некую опеку сэру Ричарду Зинг.

– Кто такой Ричард Зинг?

– Дядя Мирин и Лилини по отцовской линии. Девушки уже несколько лет сироты и опеку над ними взял их дядюшка. Я не хочу клеветать на графа Оксфорда, поскольку он добрый и честный человек, но в последнее время он стал слишком часто приезжать ко двору, вести тайные беседы с сэром Курио, которые могли длиться долгими часами. Также, Ричард Зинг тоже зачастил со своими приходами, объясняемыми тем, что он беспокоится за племянниц. Хотя, уже более двух лет он и не упомянул о них, а тут сразу такая забота. Вся семья Зинг родилась в Оксфордшире, а оттуда без опыта по нечистым делам никто не уходил, – я задумчиво склонила голову набок: – Значит, Лилини все-таки замешана в этом деле. Чтобы все поподробней разузнать, нужно втереться ей в доверие.

– Не ей, а Ричарду. Он слишком болтлив, когда пьян, и я уверена, что он все расскажет. Этим займусь я, а тебе не стоит взваливать на свои плечи еще и это расследование. Ты скоро уезжаешь, лучше удели время подготовке, – этими словами Шекена будто говорила: «Наш разговор окончен. Иди, и займись своими делами».

Пытаясь изобразить улыбку, я мило откланялась, хотя на душе веяла вьюга. Я понимала, что не стоит принимать все близко к сердцу, что нужно думать о своем долге перед родителями, а не впутывать себя в опасные интриги, чуждые для юной леди из благородной семьи.

Мои тягостные раздумья прервал женский голос, доносившийся из глубины противоположного коридора. Мягкий, звенящий, легкий, как воздух... Бросившись по галереи, я радостно захлопала в ладоши. Душа будто ожила, родилась второй раз.

– Амелия! Моя дорогая, любимая няня! – воскликнула я, подбежав к ней. Я хотела обнять гувернантку, но остановилась. Омерзительный вид Амелии испугал меня. Сейчас, стоя в разорванном платье, который клочьями спадал на пол, с багровым лицом, с запачканными в грязь туфлями, женщина казалась бродячей нищенкой, блудницей. Амелия всегда тщательно за собой ухаживала, по – несколько раз в день опускалась в лохань, натирая тело разными благовониями. И хоть, она, как гувернантка, не получала и пятьсот фунтов в год, сундуки ломились под тяжестью изысканных и модных нарядов. Но сейчас волосы мокрыми прядями спадали на плечи, от правой щеки и до виска раскинулся кровотокающий шрам, нижняя губа

была разбита, а куски мокрой грязи прилипли к разорванному корсажу и юбке: – Господи, помилуй... Амелия, что произошло? На тебя напали? – женщина улыбнулась, протирая разорванной перчаткой лоб: – Можно сказать и так, леди. Когда мы выезжали из Йоркшира, отлетело колесо, карету понесло по склону. К счастью, я с Мелли успела выпрыгнуть, а то разбились бы насмерть. Кучер ранен, его забрали в придорожную аптеку. Поскольку ни берлины, ни лошадей не было, пришлось идти пешком до ближайшей таверны. Мы могли бы взять коней из постоянного двора, но я и Мелли ездить верхом не умеем. Так и пришлось останавливать проезжавших крестьян. Эх, мало сейчас добрых людей. Добро творят лишь за деньги... Пусть Господь поможет тому доброму старцу, который, не жалея коней, отвез нас в Лондон, – я нахмурилась, ища взглядом юную служанку: – А, где Мелли? Что с ней?

– Бедняжка не выдержала этого долгого и утомительного пути. На въезде в Вестминстер, она лишилась чувств. Сейчас ее осматривает аптекарка. Но, а как у Вас дела? С королевой все в порядке? – я опустила глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Я не могла поверить, что ее величество больше никогда не сможет родить сына нашему монарху. Что с ней будет? И хоть Церковь не даст согласия на аннулирование брака, Екатерине это не поможет вернуть любовь и расположение супруга, а тем более, уничтожить эту змею Анну.

– Амелия, сейчас не время говорить о государыне. Я тебе потом все расскажу. Но знай: во дворце случилось горе, повсюду траур. И я тебя прошу, води себя скромно и горестно. Не смейся, громко не разговаривай. И вообще, с дороги тебе бы не мешало поспать. А главное, привести себя в порядок. Поскольку, у меня теперь свой маленький штат слуг, мадам д'Аконье просто обязана выделить мне отдельную комнату.

На лице гувернантки сверкнула улыбка. Последнее время я стала замечать, что моя всегда совестная и честная няня стала циничной и везде искать выгоду лишь для себя. Но я была не намерена давать ей почести при дворе. С тех пор, как я узнала, что она близка с моим отцом, в душе зародилось презрение и желание обломать крылья мечты Амелии: – Послушай, не мечтай спать мягко да есть сладко. Твоя обязанность – быть моей тенью, ушами и глазами. Поняла? Не прыгай выше своей головы, иначе рискуешь лишиться ее, – я не без опаски заметила, как в глазах Амелии блеснула ледяная сталь ненависти, а между бровями залегла глубокая морщинка: – Если мне не изменяет память, раньше вы считали меня своей подружкой, наставницей, доверяли все свои секреты, были приветливы и учтивы со мной. Что же произошло теперь, мисс?

– Ты прекрасно знаешь, что произошло. Как бы я не хотела, я не могу забыть того, что ты была любовницей графа. Не могу смириться с тем, что он изменял моей матери ради тебя. Не могу и не хочу. Да, на вид это незначительный поступок, ведь все мужчины имеют полное право пренебрегать женами и находить им замену, и не раз такой заменой становились служанки, камеристки, кухарки. Но ты, женщина, которой доверили дочь Понтипридда, не смела так поступить. Это ниже тебя. Теперь между нами стена. И чем больше пройдет времени, тем сильнее она будет расширяться и укрепляться. И со временем эта стена вычеркнет тебя из моей жизни.

– Вы еще не знаете тайны, которую я храню долгие годы. И поверьте, кроме меня, вам ее никто не откроет. А срок неведения скоро закончиться, моя леди, – я услышала в ее речах что-то мистическое, такое, отчего колени невольно задрожали: – Что ты за чушь несешь? Не нужно придумывать красивых сказок. Кто тебе, обычной подданной, доверил бы тайну, связанную с будущей графиней Бломфилд Понтриприддской.

– А вы уверены, что станете графиней? Власть не дается чужакам, – я едва не отшатнулась. Я, девушка, которая всю жизнь прожила в Уэльсе, теперь считаю чужачкой для своего графства? Что за бред?

– Амелия, ты, когда выпрыгивала из кареты, головой не ударилась?

– Вы можете считать меня сумасшедшей, но от правды вы не скроетесь, – фыркнула женщина, презрительно смотря на меня. Ей было немного за сорок, но с каждым днем красота моей гувернантки распускалась, как у двадцатилетней девушки. Волосы, белые, как снег, имели такой же блеск, как и пятнадцать лет назад, но они не казались седыми, а белокурыми. Выдавали возраст Амелии лишь несколько морщинок у рта и у глаз. Губы, под сводом яркой помады, выглядели несколько вульгарно, если не сказать, пошло. Няня была невысокого роста, и поэтому всегда носила обувь на высокой подошве, отчего платья доходили лишь до щиколоток.

Гордость Амелии порой доходила до предела, и не раз мне приходилось напоминать ей свои обязанности и долг. И все же, меня всегда не покидало чувство, что гувернантка что-то от меня скрывает. Шли годы, я росла, и с каждым днем все больше понимала, что тайна, покоившаяся на устах Амелии, начинает теревить мое любопытство. Хотелось все расспросить, узнать, но я молчала. А сейчас, когда женщина сама сказала мне, что у нее есть тайна, касавшаяся меня, все сомнения развеялись.

– Если ты знаешь какой-то секрет, то тебе бы не мешало мне об этом сказать прямо, а не говорить обрывками, – Амелия хищно улыбнулась, обнажив белоснежные зубы. Ее глаза блестели, щеки казались алыми, как кровь: – Подождите еще совсем немного. Пока рано.

Рядом слышались учащенные шаги Паскуаля. Мальчик, тяжело дыша, подбежал ко мне, радостно улыбаясь и едва сдерживая смех: – Миледи, хорошие новости, – я ахнула, увидев выражение лица няни. Она стояла, не двигаясь, и ее лицо становилось пепельного цвета, глаза расширились, и в их глубине я увидела страх. Губы были раскрыты, но не сказали ни слова: – Что с тобой? – Амелия медленно повернула ко мне голову, но продолжала дико смотреть на пажа: – Кто... кто это?

– Паскуаль.

– Паскуаль?... – голос гувернантки стал хриплым и дрожащим. Я видела, как у нее на глаза наворачиваются слезы. Женщина, будто во сне, села на колени и провела пальцем по щеке мальчика, потом, всхлипывая, разрыдалась, спрятав лицо на груди у пажа, который непонимающе смотрел на нее своими голубыми, с лиловым оттенком, глазами.

– Амелия, что с тобой? Почему ты плачешь? – я попыталась поднять ее, но няня, похолодев и обмяк, схватила меня за руку, поднося мои пальцы к своим губам: – Девочка моя, этого не может быть.... Не может.... О, Господи, я не верю в это счастье.... Не верю, – я кивком приказала Паскуалю удалиться, и когда его детская, хрупкая фигура скрылась из виду, аккуратно подняла няню с колен и, встряхнув за плечи, громко спросила: – Что произошло? Амелия! – женщина стала постепенно приходить в себя. Тяжело дыша, она еще раз оглянулась туда, где еще слышались шаги мальчишки.

– Простите, просто я очень устала. У меня сдали нервы. А когда я увидела этого невинного, будто ангела, мальчика, то не сдержалась. А, откуда вы его знаете?

– Он бывший паж сэра Джорджа Курио. Теперь он служит мне.

– Почему вы решили взять его на службу? – с опаской и удивлением, спросила женщина, кусая свои пышные, вульгарные губы.

– Он помог мне в очень щепетильном деле, Амелия. А таких преданных детей очень мало в наше время, – проворковала я, будто хвастаясь тем, что один из таких «преданных детей» теперь полностью принадлежит мне и моим приказам.

– Может, вы расскажите, что это за щепетильное дело? Если память мне не изменяет, вы всегда делились со мной своими секретами. Или тот случай все изменил?

Это был вопрос, на кон, которого было поставлено все. Гувернантка была единственным человеком, которому я доверяла, несмотря на пропасть, возникшую между нами.

– Тот случай изменил многое, но, слава Богу, не мою уверенность в твоём молчании и покорности. Запомни, все, что ты узнаешь, ты обязана хранить в секрете. Ибо, потеряв мое

доверие, ты потеряешь абсолютно все, вплоть до жизни, – шепнула я, и мгновенно поймала себя на мысли, что говорю, как эгоистка. Я обвиняла Амелию в чрезмерной гордости, но я и сама была такой же. Со временем мой характер стал меняться, и я все больше, к своему разочарованию, замечала, что могу пожертвовать всем, чтобы получить желаемое. А за молчание и преданность няни нужно было больше, чем все.

– Что ж, юная госпожа, я вижу, что у вас появляются черты характера вашей матушки. Она такая же циничная, высокомерная, жестокая, как и вы.

– Все, что ты только – что перечислила, не касается меня. Да, может я и циничная, но такой нужно быть, чтобы выжить в нашем мире, а точнее, в этом дворце. Ты же сама мне говорила, что при дворе нужно уметь не только держать язык за зубами, но и уметь плести остроумные интриги, – женщина горько улыбнулась, и теперь ее улыбка показалась мне жалкой и мерзкой: – Да, только благодаря молчанию и уму можно остаться на высоте в королевских резиденциях. Но не нужно плести интриги против тех людей, которые долгое время служили вам и всему вашему род долго и преданно, как пес служит своему хозяину.

– А именно? Что это за люди? Уж точно не ты, моя дорогая. Наш разговор заходит в тупик, я не хочу его продолжать. Иди, разыщи того пажа, которого своей истерикой ты напугала до смерти, и скажи, чтобы он показал покои, где мы будем жить. А лучше, поговори с мадам д'Аконье. Пусть она тебе расскажет, что значит верность. Ступай, – я долго и мучительно смотрела гувернантке. Было чувство, что я предала и оскорбила не ее, а саму себе. Но, нужно, прежде всего, помнить то, что я – благородная девица, в чьих жилах течет голубая кровь Бломфилдов.

Глава 7

Покои мне и моим слугам выдали неважные. Скорее, они были похожи на каюту в корабле. Душные, с низким потолком, они казались бочкой. Интерьер был простенький, без капли роскоши. Стены выбелены, пол устелен тростником. Лишь в углу, над моей кроватью, весели два гобелена с католическим содержанием и, начищенные до блеска, три серебряных щита с гербами Лондона.

Полог кровати был сделан из грубой ткани, не имевшей никаких узоров и бахромы. Две лампы располагались у изголовья ложа, а еще три – у письменного стола, по которому были разбросаны перья и бумага. Окна выходили в открытую галерею, и кроме венецианского стекла и ставень я не смогла ничего разглядеть. А так хотелось полюбоваться садом, понаблюдать за прогулками венценосных особ. Но меня поразило другое: отсутствие камина. Я не понимала, как можно провести осень и зиму без очага. На мои требования Марилино, пусть по ее душу придут все демоны ада, лишь усмехнулась, сказав, что еще до холодов я буду в Суффолке. Уж лучше бы я жила в общих покоях с остальными фрейлинам, чем мерзла здесь. С левой стороны находилась маленькая дверь, которая вела в комнату слуг, где должны были спать Амелия, Паскуаль и Мелли. Я ахнула, когда увидела, какие им предоставили условия. Это была даже не комната, а сарай для домашней утвари. Лежанка устелена не простынями, а сеном, вместо подушек – груда соломы. Не было ни свечек, ни лампад, ни камина. Вдобавок, везде гуляли такие сквозняки, что простудиться ничего не стоило. В «покоях» веял тошнотворный запах нечистот и тухлятины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.